

Ирине Владимировне

с огромной благодарностью

за прекрасное времяпрепровождение

о будущем лете

Валентина Владимировна

о долгожданном

Шамиль Гильмутдинович

[illegible]

УДК 821.161.1"18"
ББК 84(2Рос=Рус)5
С 83

С 83 Странички прошлого / сост. Т. Ф. Киселева, О. Ю. Маврина. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 248 с., ил.

ISBN 978-5-98187-805-3

Воспоминания Ольги Владимировны Ольденборгер, последней помещицы «Царицыной горы», дочери известного земского деятеля, председателя Санкт-Петербургского губернского земства Владимира Петровича Маркова, — свидетельства переломной и сложной, трагической и жестокой эпохи второй половины XIX — первой половины XX века.

УДК 821.161.1"18"
ББК 84(2Рос=Рус)5

Иллюстрации для оформления настоящего издания предоставлены составителями

ISBN 978-5-98187-805-3

© Т. Ф. Киселева, 2011
© О. Ю. Маврина, 2011

Предисловие

Будем хранить и помнить

В реке памяти и времени воспоминания Ольги Владимировны Ольденборгер — лишь малая капелька, но капелька яркая и необычная. Любой человек, прожив долгую жизнь, любит делиться своими воспоминаниями и часто рассказывает много интересного о своей жизни детям и внукам, родным и близким, друзьям и просто знакомым. Но не все решаются записать свои рассказы. Ольга Владимировна оставила после себя удивительные по искренности воспоминания. Ее «Странички прошлого» интересны тем, что они написаны человеком, прожившим полжизни в Российской империи, а полжизни — в Советской России. Интересны они и тем, что первую половину жизни Ольга Владимировна оценивает через призму времени, прожитого в совсем иных жизненных обстоятельствах. Для того чтобы записать такие воспоминания, требовалось не только желание оставить потомкам память о себе и своей семье, но и определенное мужество. К своим запискам О. В. Ольденборгер приступила в начале 1950-х, первую часть закончила в 1954 году, а отдельные странички записей относятся даже к началу 1960-х годов. Но в те годы понятия «духовенство», «дворянство» и даже «земство» носили негативный характер. Всеобъемлющее и многозначное понятие «мемуары» как-то трудно отнести к «Страничкам прошлого» Ольги Владимировны Ольденборгер, хотя, несомненно, ее воспоминания относятся к мемуарному жанру. Это действительно отдельные странички человеческой памяти, которая что-то сохраняет в мельчайших и ярких деталях, что-то невольно искажает или закрывает туманной дымкой времени, а что-то полностью забывает. Но, как и во многих мемуарах, описывающих события личной и общественной жизни, в воспоминаниях Ольги Владимировны поражает то, как история страны причудливо и тесно переплетается с историей отдельной личности, отдельной семьи.

В «Страничках прошлого» нашли свое отражение и рассказы бабушки Любови Александровны Марковой, урожденной Дубянской, и отца Владимира Петровича Маркова, и матери Анны Александровны Марковой, урожденной

Дорошенко. Воспоминания повествуют о ярких впечатлениях детства и юности, о поисках своего места в жизни в молодые годы. Истории из жизни многочисленных родственников, друзей и знакомых соседствуют с рассказами о встречах с интересными и известными людьми того времени. На «страничках» есть рассказы о встречах с Ф. И. Шаляпиным и Л. В. Собиновым, А. Ф. Кони и А. Н. Бенуа, А. В. Вержбиловичем и И. А. Нечаевым, В. В. Смысловым и И. А. Орбели. Ольга Владимировна предстает перед нами любящей дочерью, женой и матерью; страстной театралкой и посетительницей литературных и художественных салонов; организатором народной библиотеки в Ростове-на-Дону и рождественских елок в Шапкинской земской школе; хозяйкой небольшого хутора-коммуны и преподавательницей иностранных языков в институте; профессиональным пчеловодом и жительницей блокадного Ленинграда.

Благодаря «Страничкам прошлого» мы можем перенестись в прошлое и узнать, что собой представляла Шапкинская волость Шлиссельбургского уезда и имения, расположенные в ней. Ольга Владимировна рассказывает о своих предках — владельцах этих земель — и их соседях по Шлиссельбургскому уезду. Многие странички посвящены гостеприимным родителям и бабушке. В их имении «Александровка» на берегу озера Долгое всегда было многолюдно. Здесь бывали литератор Николай Александрович Лейкин, художница Елизавета Меркурьевна Бем, ее муж, профессор консерватории Людвиг Францевич Бем, и сестра Елизаветы Меркурьевны, художница Любовь Меркурьевна Эндаурова. В разные годы здесь жили на даче артисты Самойловы — Василий Васильевич и его сын Павел Васильевич с семьей. Бывал здесь пианист и известный аккомпаниатор Михаил Тимофеевич Дулов. Гостили в имении художники Николай Александрович Сергеев, Федор Петрович Ризниченко, Александр Николаевич Степанов, запечатлевшие на своих полотнах окрестности Шапок. В этой гостеприимной семье отдыхал летом 1851 года будущий композитор Петр Чайковский.

Семья Марковых была в родстве со многими интересными людьми. Платон Алексеевич Вакар, служивший в Комитете цензуры иностранной под началом знаменитого русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Генерал от инфантерии Василий Романович Желтухин. Архитектор и гражданский

инженер Николай Александрович Дорошенко. Земский врач и мировой судья Александр Григорьевич Стырикович. Богатый купец, домовладелец и лесоторговец Александр Дмитриевич Кононов. Сергей Александрович Бутурлин — юрист и орнитолог с мировым именем. Алексей Алексеевич Ильин — владелец Картографического заведения, председатель Российского Красного Креста в годы Первой мировой войны и заведующий нумизматическим отделом в Эрмитаже в советское время. Инженер-технолог, проектировщик и строитель трамвайных и железнодорожных путей Александр Иванович Ольденборгер. Лесовод и заведующий Лесной школой в Лисино-Корпусе Дмитрий Михайлович Кравчинский и его сын Юрий. На страничках воспоминаний часто встречаются имена этих людей.

Ольга Владимировна была свидетелем многих событий в истории нашей страны, нелегкой была и судьба автора воспоминаний.

«Кровавое воскресенье» 1905 года... События этого дня, рассказанные Ольге Владимировне жителем соседней деревни Староселье Федором Леонтьевым, который работал на Путиловском заводе, врезались в ее память еще и потому, что это был день ее рождения... Поездка к сыну на фронт холодной зимой во время Первой мировой войны... Потеря любимого родового имения после революции... В один — 1919-й — год потеря самых близких — умирают мать Анна Александровна и муж Александр Иванович... Смерть младшего сына во время Отечественной войны... Отказ уехать в эвакуацию и страшные годы в блокадном Ленинграде... Вскоре после войны смерть второго сына...

Будучи больным человеком весьма преклонного возраста, Ольга Владимировна решается записать свои воспоминания. И не только записать, но и напечатать с помощью машинистки и попытаться издать «Странички прошлого» в журнале «Нева». Ольга Владимировна умерла на 95-м году жизни, воспоминания остались в черновом машинописном варианте и не были опубликованы. Она успела передать свои воспоминания на хранение родственникам. Хранятся «Странички прошлого» у внучки автора, Ирины Владимировны Ольденборгер, в Москве и у родственницы Марковых, Ирины Николаевны Евгеновой, в Петербурге. Машинописные варианты рукописи имеются в Центральной Тосненской районной библиотеке и сельской Шапкинской библиотеке.

«Странички прошлого» послужили отправной точкой для многих краеведов Тосненского, Всеволожского и Кировского районов Ленинградской области и для авторов книг, которые занимались историей Шлиссельбургского уезда или историей рода Дубянских-Марковых.

Составители взяли на себя смелость подготовить воспоминания к публикации и привести события, изложенные автором, в относительный хронологический порядок, разбив их на отдельные главы. Примечания, приложения, подборка фотографий, именной указатель в своей основе базируются на переписке, семейных архивах и воспоминаниях потомков семьи Марковых: Ирины Владимировны Ольденборгер, Ирины Николаевны Евгеновой, Андрея Николаевича Полынского, Светланы Евгеньевны Муретовой и ее дочери Марии Александровны Пиликиной. При подготовке к изданию воспоминаний использованы краеведческие материалы Шапкинской сельской библиотеки и Нурменской сельской библиотеки, материалы краеведческого фонда Тосненской Центральной районной библиотеки, материалы сектора краеведческой фактографии Ленинградской областной универсальной научной библиотеки, материалы Тосненского историко-краеведческого музея и публикации разных лет районной газеты «Ленинское знамя» и «Тосненский вестник». Многие газетные публикации печатались в районной газете в рубрике «Хранить и помнить», название которой легло в основу заголовка предисловия. Помимо фотографий, которые Ольга Владимировна включила в машинописный текст воспоминаний, использованы фотографии из семейного альбома ее внучки, Ирины Владимировны Ольденборгер, фотографии из семейных архивов семей Евгеновых, Полынских и Муретовых. Многие фотографии видов Шапок и окрестностей начала прошлого века, запечатленные на почтовых открытках, предоставлены внучкой Якова Петровича Нермана, Ниной Альвиновной Зубковой, и шапкинским дачником с довоенным стажем Юрием Васильевичем Федоровым.

Большую помощь в подготовке к изданию «Страничек прошлого» оказали воспоминания старожилов села Шапки, деревень Надино, Нурма, Сиголово, Староселья, Белоголово. Среди них — родственники и потомки Федора Леонтьева, Филиппа Майорова, Гаврилы Кузнецова, о которых упоминает в своих воспоминаниях О. В. Ольденборгер. Есть среди

старожилов и те, кто лично был знаком с сестрами Марковыми. С Ольгой Владимировной Ольденборгер и ее сестрой Верой Владимировной Ильиной встречались в послевоенные годы, во время их кратких приездов в родные края, Сергей Петрович Суворов, Любовь Александровна Полякова, Лидия Николаевна Вайнонен и Павлина Максимовна Нуйя. У многих старожилов дедушки и бабушки, а порой прадедушки и прабабушки служили в имении «Александровка» и работали в усадьбе «Царицына гора». Их воспоминания уже стали семейными легендами.

Эта книга не могла бы быть издана без бережного отношения к семейным архивам родственников Ольги Владимировны Ольденборгер, сохранившим для потомков ее записи и многочисленные фотографии. Издание, по сути, является итогом многих лет работы библиотекарей, музейных работников и краеведов Тосненского района. Это они по крупицам собирали материалы об истории Шапкинской волости и о семье Дубянских-Марковых.

Книга является данью памяти нашей землячке Ольге Владимировне Ольденборгер, так любившей своей родной край и завещавшей нам беречь его, и исполняет ее желание опубликовать «Странички прошлого».

Т. Ф. Киселева, О. Ю. Маврина

Из воспоминаний О. В. Ольденборгер «Странички прошлого»

О, если б было можно
Сработать вещь, как шелковичный червь
Свивает кокон тонко и надежно;
Но много тяжелей бывает вить
Сюжетной ткани шелковую нить.

Вера Инбер

ГЛАВА 1[1]

История дворянского рода Дубянских
Имение «Александровка» и Санкт-Петербург
Детство
1870–1878 годы

Мои первые детские годы я провела в старинной усадьбе[2] моей бабушки Любови Александровны Марковой, которая заменила в шестидесятых годах[3] свою жизнь в столице на мирную обстановку деревни. Бабушка происходила из древнего рода Дубянских[4]. Родоначальником его был духовник двух императриц: Елизаветы — дочери Петра I — и Екатерины II.

Федора Яковлевича Дубянского считали в те времена одним из образованнейших людей, влияние которого при дворе было огромно. Несомненно, оно увеличилось после того, как при его содействии Елизавета вступила в тайный брак с певчим придворного церковного хора Розумом, получившим титул графа Разумовского.

У бабушки сохранилась копия старинного указа императрицы Елизаветы от 1746 года. Эта была дарственная протоиерею Ф. Я. Дубянскому на земли Шлиссельбургского уезда, отвоеванные Петром I в 1705 году у шведов. Земли занимали чуть ли не половину Шлиссельбургского уезда с населением

---

[1] Заголовок «Из воспоминаний...» и эпиграф — от автора воспоминаний. Разделение на главы и заголовки — от составителей.

[2] Усадьба бабушки — имение «Александровка» на берегу озера Долгого, рядом с деревней Надино, в трех верстах от села Покровского (Шапки) в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Современный адрес: Ленинградская область, Тосненский район, Шапкинское сельское поселение, деревня Надино. На территории бывшей помещичьей усадьбы в настоящее время находится детский летний оздоровительный лагерь «Салют».

[3] Шестидесятые годы XIX столетия.

[4] Точнее было бы назвать дворянский род Дубянских старинным. Автор воспоминаний О. В. Ольденборгер была дворянкой в шестом поколении, считая и родоначальника Федора Яковлевича (Феодора Иаковлевича) Дубянского. Бабушка Ольги Владимировны — Любовь Александровна Маркова, урожденная Дубянская, — была правнучкой Ф. Я. Дубянского.

в 40 тыс. крепостных крестьян. В настоящее время этот исторический документ хранится в Государственном Эрмитаже, как и четыре портрета Дубянских XVIII века[1]. Особенно ценным является портрет полковника Дубянского — участника Отечественной войны 1812 года[2].

Четыре сына Дубянского — Михаил, Федор, Захар и Яков — были приняты пажами ко двору Елизаветы, получили дворянское достоинство и герб. Впоследствии они поступили в Конный полк Великого Князя Петра Федоровича, племянника императрицы.

Сын Михаила — Федор — был начальником партизанского отряда в чине полковника, по возвращении в Петербург был избран председателем дворянства Шлиссельбургского уезда[3]. Федор Михайлович Дубянский погиб,

---

[1] Акт от 1761 года «О пожаловании детей протоиерея Федора Дубянского: Михаила, Федора, Захара и Якова в дворянство» хранится в настоящее время в Центральном государственном архиве СПб. У Федора Яковлевича Дубянского и его жены, Марии Константиновны, урожденной Шарогородской (Шаргородской), была еще дочь Елизавета Федоровна, в замужестве княгиня Долгорукова.

В наше время широко известен только один портрет, упомянутый Ольденборгер и хранящийся в Эрмитаже. Это картина кисти художника А. П. Антропова, написанная в 1761 году, — «Портрет протоиерея Ф. Я. Дубянского». Портрет продолжительное время хранился в семье Марии Петровны Вакар — тетушки автора воспоминаний.

[2] Полковник Дубянский Александр Яковлевич — внук протоиерея Ф. Я. Дубянского и прадед автора воспоминаний. У родителей Александра — Якова Федоровича и Марии Петровны Дубянских — было пятеро детей: Петр, Федор, Александр, Вера и Надежда (в замужестве Голохвастова).

[3] Дубянский Федор Михайлович — внук протоиерея Ф. Я. Дубянского — был бригадиром и советником правления Государственного банка. Утонул 4 августа 1796 году во время переправы через Неву. Сведений, подтверждающих, что Федор Михайлович был начальником партизанского отряда и предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда, найти не удалось. Владел Федор Михайлович имением Керстово в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии и дачей «Богословка» на правом берегу Невы.

Участниками ополчения Отечественной войны 1812 года были два других внука Федора Яковлевича Дубянского — Александр Яковлевич Дубянский, полковник (владелец имения «Александровка»), и его родной брат, Федор Яковлевич Дубянский, штаб-офицер (владелец имения «Шапки»).

утонув в Неве. На его смерть Державиным было написано стихотворение «Потопление». Младший сын Дубянского — Яков — с сыном Александром, отцом моей бабушки, проживал в Петербурге. У них был прекрасный дом с колоннами на Выборгской стороне, на берегу Большой Невки при слиянии ее с Невой. Дом окружал тенистый сад с аллеями и цветниками. Там проходили юные годы бабушки и ее старшей сестры Надежды[1], там она была свидетельницей праздной жизни своих родных, расточавших, как и большинство русских дворян, несметные богатства, полученные щедротами царской власти.

Если проследить относительно небольшой период времени с 1705 по 1745 год, то станет понятно, как наши самодержцы распоряжались землей и живущим на ней крепостным народом. После изгнания шведов царь Петр I отдал большую часть земель Шлиссельбургского уезда своему соратнику и любимцу Александру Даниловичу Меншикову. После смерти Петра I, во время управления государством за малолетнего Петра II, Меншиков был обвинен в злоупотреблениях; знать не могла простить его могущества, желания породниться с царской семьей. Он был сослан в город Березов; дарованные Петром I земли конфискованы. Князь Долгорукий и князь Голицын, оба крупные земельные собственники, как члены Верховного тайного совета принимали деятельное участие в возведении на русский императорский престол племянницы Петра I — Анны Иоанновны. Оба мечтали, что по примеру Швеции власть будущей императрицы будет ограничена. За свое усердие

[1] У Александра Яковлевича и Натальи Федоровны Дубянских было трое детей: Георгий, Надежда и Любовь. По легенде три деревни в имении «Александровка» были названы по именам детей — Жоржина, Надина, Любина, а сама усадьба — по имени владельца имения — «Александровка». Название усадьбы дало имя и всему имению «Александровка». Ольга Владимировна Ольденборгер называет Надежду Александровну Дубянскую, которая была замужем за полковником Богдановичем, старшей сестрой бабушки Любови Александровны. По данным Н. Мурашовой и Л. Мыслиной, Надежда родилась в 1808 году, а Любовь — в 1807 году. Георгий, поручик гусарского Мариупольского полка, погиб на Русско-турецкой войне, сражаясь под Шумлой в Болгарии.

Долгорукому были обещаны земли, отнятые у Меншикова. Попытка «верховников»[1] окончилась неудачей. Опираясь на гвардию и значительную часть дворян, Анна Иоанновна порвала кондиции[2], от своего обещания отказалась и стала самодержавной неограниченной русской императрицей. Верховный тайный совет был уничтожен, его бывшие члены подверглись опале. Только после восшествия на престол Елизаветы земли, почти половину Шлиссельбургского уезда[3], получил в дар ее духовник Федор Яковлевич Дубянский.

---

[1] «Верховники» — члены Верховного тайного совета, созданного при Екатерине I. Ольга Владимировна неслучайно упоминает «верховников». Один из членов Верховного тайного совета — князь Василий Владимирович Долгорукий — был владельцем обширной мызы «Шапки» с 14 деревнями, в крестьянских дворах имения проживало 811 душ обоего пола, которых ему пожаловал Петр I. Ориентировочно датой пожалования земель В. В. Долгорукову можно считать 1705 год.

[2] Кондиции — условия, на которых «верховники» предлагали Анне Иоанновне занять престол и которые ограничивали власть императрицы. Историки иногда называют «Кондиции» первой русской Конституцией.

[3] Шлиссельбургский уезд занимал территорию по обоим берегам Невы, в настоящее время бывшие земли Шлиссельбургского уезда входят в состав Всеволожского, Кировского и Тосненского районов Ленинградской области. Уездный город Шлиссельбург, расположенный у истоков Невы, после Великой Отечественной войны был переименован в город Петрокрепость, в наше время ему вернули прежнее название.

Большая часть земель, дарованных Ф. Я. Дубянскому, находилась в Санкт-Петербургской губернии, в южной части Шлиссельбургского уезда на левом берегу Невы: мыза Усть-Мга на Неве с деревнями, мыза Шапки с деревнями, мыза Порецкая на реке Назия с деревнями. Дача «Богословка» находилась в Шлиссельбургском уезде, но на правом берегу Невы. Была еще пожалована Ф. Я. Дубянскому мыза Керстова (Керстово) в Ямбургском уезде. Владел Ф. Я. Дубянский и домами в столице и ее окрестностях. Каменный дом на набережной Невы рядом с новым Зимним дворцом, два дома на набережной реки Мойки, каменный дом на набережной реки Фонтанки, деревянный дом в Петербургской части, дом на Сергиевской улице и два двора на Саарской (Царскосельской) дороге близ путевого дворца Екатерины II. Состояние Ф. Я. Дубянского в конце 1760-х годов оценивалось современниками в 8000 душ крепостных крестьян.

После замужества в 1825 году и рождения детей бабушка с мужем Петром Ивановичем Марковым, служившим в Министерстве внутренних дел, переехали на Васильевский остров. Дом на Выборгской стороне был продан богатому сахарозаводчику Крону, сад вырублен, и на его месте поднялось высокое здание завода. От прежней беззаботной жизни не осталось и следа. Подрастали дети: три мальчика и две девочки[1]. Учебные годы проходили зимой в столице, летом — в излюбленном бабушкой дачном поселке Лигово, где она приобрела дачу и где еще сохранился дворец светлейшего князя Потемкина — подарок Екатерины II своему фавориту. По наследству от отца бабушка имела немало десятин земли в Шлиссельбургском уезде; был большой дом, построенный в 1835 году, две дачи на берегу большого озера и несколько дворовых построек. Но уже много лет подряд дом отдавался внаем филиальному отделению Петербургского воспитательного дома[2]. В остальных постройках доживали свой век на пенсии бывшие крепостные дворовые да старый управляющий, хотя, по правде сказать, управлять ему было нечем. Маленьких воспитанников обслуживали приехавшие из столицы няни; весь провиант обозами доставлялся из города, молоком снабжали две соседние финские деревни.

В те времена, как вспоминала бабушка, добраться до деревень и помещичьих усадеб, несмотря на сравнительную близость столицы, было тяжело. От станции Тосно Николаевской железной дороги на протяжении 19 верст до ближайшего села Шапки пролегала проселочная дорога. Провели ее местные крестьяне мимо безлесных заболоченных низин, покрытых карликовым, как в тундре, березняком. По обе стороны дороги тянулись канавы, полные доверху весной и осенью болотной водой; на дороге даже в летние жаркие дни стояла непролазная грязь. Только в начале мая, когда спадала вода и болото покрывалось белыми хлопьями тростника[3],

[1] Александр, Георгий, Владимир, Мария и Надежда Марковы.

[2] Воспитательный дом, основанный в 1772 году, первоначально находился при Смольном монастыре, затем на Миллионной улице, в середине XIX века занимал большую территорию вдоль берега реки Мойки от Строгановского дворца до Гороховой улицы.

[3] Это либо цветущая пушица болотная, либо прошлогодние соцветия рогоза, называемого в нашей местности ошибочно камышом.

забывалось и однообразие пути, и отсутствие человеческого жилья. Только через несколько часов на горизонте появлялись очертания лесистых холмов; дорога поднималась в гору, покрытую вековым сосновым лесом, чувствовалось приближение деревни, близость полей и огородов.

Широко раскинулось село Шапки[1], получившее свое название от целого ряда зеленых холмов, название которого упоминалось еще в царствование царя Алексея Михайловича — отца Петра I (сведения из архива Археологического института). За селом дорога тянулась извилистой лентой по высоким холмам, мимо старинной лютеранской церкви[2], помещичьих усадеб, русских и финских деревень до берегов Невы. Таков был в старину большой уездный тракт, соединяющий Николаевскую железную дорогу с речной пристанью Лобаново на Неве[3].

---

[1] Первые письменные упоминания о сельце Шапки относятся к середине XV века, когда к Московскому государству были присоединены земли Великого Новгорода. В годы царствования Алексея Михайловича Шапки вместе с другими поселениями Нотебургского лена входили в состав Шведского королевства. Эти земли отошли Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 года, заключенному в царствование Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых.

[2] Старинная лютеранская церковь — Кирха Святого Якова (Якоба) — располагалась на одном из холмов на левом берегу Мельничного ручья, слева от дороги Шапки–Надино. Кирха была построена в 1778 году при Якове Федоровиче Дубянском и на многие годы стала центром лютеранского прихода, который сохранил прежние границы и старинное название — Ярвисаари. При шведах центр прихода находился в селе Ярвисаари (современное название — Лезье). В 1830-х годах приход Ярвисаари объединили с соседним приходом Марккова. Приход получил название Марккова-Ярвисаари. Деревня Марково, в которой была своя построенная в 1722 году Кирха, также входила в состав земель, подаренных Ф. Я. Дубянскому, и относилась к мызе Порецкой.

[3] По маршруту уездного тракта проложены дороги Тосно–Шапки, Кирсино–Мга–Лобаново. Часть уездного тракта от деревни Староселье через урочище Царицына гора до деревни Кирсино сохранилась как проселочная дорога. В начале XX века эта часть уездного тракта была в приличном состоянии, что позволило О. В. Ольденборгер быстро построить на Царицыной горе новую усадьбу. В начале XXI века эту дорогу основательно разбили лесовозы, и она годится только для ралли, называемых у любителей автомобильного экстрима «жЫжа».

Шли годы, и многое изменилось в жизни моей бабушки; незаметно выросли дочери и вышли замуж. Старшая, Мария, — за окончившего Училище правоведения Платона Алексеевича Вакара. Младшая, Надежда, — за капитана Драгунского полка Желтухина, впоследствии директора Пажеского корпуса[1]. Два старших сына, окончившие кадетский корпус[2] и военное училище, поступили в Уланский полк, находившийся в Варшаве[3]. Разлука с ними сильно опечалила родителей; они, Георгий и Александр, вносили много оживления в опустевший после замужества дочерей дом стареющих родителей. Младший, Владимир, окончивший классическую гимназию[4], большую часть

---

[1] В воспоминания О. В. Ольденборгер вкралась неточность: ее тетушка, Надежда Петровна Маркова, была замужем за однофамильцем директора Пажеского корпуса Василия Петровича Желтухина — генералом от инфантерии Василием Романовичем Желтухиным.

Надежда Петровна умерла молодой (1832–1856). Ее сын — действительный статский советник Василий Васильевич Желтухин — до революции проживал на 7-й линии Васильевского острова в собственном доме № 42. Он являлся практикующим врачом-акушером, возглавлял Василеостровский городской родильный приют (Большой проспект, 67), был председателем Совещания врачей-акушеров, членом Совета врачей при санитарной комиссии и ряда других медицинских организаций. У Василия Васильевича Желтухина был единокровный брат (от второго брака Василия Романовича с Дарьей Михайловной), Константин Васильевич Желтухин, который дослужился до гвардии генерал-майора.

Драгунский полк, драгуны — вид кавалерии, предназначенной для действий в конном и пешем строю. Пажеский корпус — среднее привилегированное закрытое военное учебное заведение для детей дворянской аристократии, основано в 1759 году. Пажеский корпус окончили владельцы имения «Шапки» Я. Ф. Дубянский и А. Д. Балашов.

[2] Кадетский корпус — учебное заведение для дворянских детей в возрасте от 13 до 18 лет. Был учрежден в 1731 году по приказу Анны Иоанновны.

[3] Уланский полк — полк легкой кавалерии.

[4] В. П. Марков окончил Ларинскую гимназию на 6-й линии Васильевского острова. Она была в столице четвертой по счету государственной, или, как тогда говорили, казенной, гимназией. Открыли ее в 1836 году и назвали по фамилии купца П. Д. Ларина, завещавшего часть своего состояния на народное образование. В Ларинской гимназии помимо предметов, предусмотренных Уставом классических гимназий, был дополнительный курс по торговле и промышленности, что оказалось совсем не лишним для будущего земского деятеля.

дня проводил в Университете; по вечерам посещал товарищей или заходил к знакомому юристу Беляеву, у которого собиралась молодежь. К нему любил заходить Николай Алексеевич Некрасов, работавший с Добролюбовым в редакции «Современника». В. В. Беляев был женат на талантливой певице, происходящей из музыкально одаренной семьи Самусь. Его жена — Надежда Максимовна — мечтала, окончив консерваторию, поступить в оперу Мариинского театра, но с выходом замуж ее мечтам не суждено было сбыться.

У Беляевых часто устраивались музыкальные вечера, что привлекало знакомую молодежь, но главной приманкой являлся приход Некрасова. Он читал слушателям свои стихи и поэмы. Рассказывал о тяжелых воспоминаниях своего детства, проведенного в имении родителей. Ребенком он был свидетелем несправедливого отношения к дворовым и крепостным крестьянам. Он призывал к борьбе за лучшую жизнь обездоленного и угнетенного крестьянства. Слова поэта производили неизгладимое впечатление на Владимира, заставляя часто задумываться и глубже вникать в события последующих лет его сознательной жизни. Будучи гимназистом, он часто излагал свои мысли в стихотворной форме. И, восторгаясь красотой формы в творческих произведениях Некрасова, он решил, будучи студентом, продолжать усовершенствование на этом поприще самостоятельно. Влияние Некрасова отразилось не только при случайных встречах в знакомой семье, оно оставило глубокий след и наложило отпечаток на всю жизнь и дальнейшую деятельность молодого студента.

В начале 1860-х годов в Университете вспыхнули беспорядки; причиной послужили репрессии правительства: отставка любимых профессоров, запрещение сходок. Среди студентов появились прокламации из революционного кружка Чернышевского. Они призывали молодежь вести агитацию не только среди студентов, отстаивающих свои права, но и среди крестьянства. Полиция произвела массовые аресты. В числе арестованных и исключенных из Университета был и Владимир. Вина его усугублялась еще тем, что при обыске полиция нашла у него стихотворение, где он осмеивал все распоряжения правительства. В басне «Лев и мыши», посвященной царю, он изобразил пассивное отношение Александра II к буржуазному характеру

реформы, проведенной крепостниками: «Лев, наскучив жалобами мышей, нарушающих его безмятежный покой, приказывает своим телохранителям-котам убрать надоевших ему просителей». В эти тяжелые времена Владимиру оставалось два месяца до окончания университета, а по высочайшему приказу ему был запрещен на неопределенное время въезд в столицу.

Велико было горе моей бабушки: после замужества дочерей, отъезда старших сыновей в Варшаву она чувствовала себя совсем одинокой. Дед последнее время стал сильно прихварывать; выйдя в отставку в чине тайного советника, он целыми днями сидел за пасьянсом, а по утрам по старой привычке прочитывал «Правительственный вестник», на деле совершенно не интересуясь тем, что происходит в России. Даже известие об аресте сына, о необходимости его отъезда из Петербурга проскользнули мимо его сознания. До самой своей скоропостижной смерти он оставался бесстрастным чиновником-бюрократом, вся жизнь которого сосредотачивалась в канцелярии своего министерства. Невольно бабушке и ее опальному сыну пришлось одним решать вопрос о создании новой жизни вне города и его окрестностей. В тяжелые минуты раздумья Владимир получил письмо Некрасова. Зная обо всем происшедшем в университете, поэт написал юному другу несколько теплых, сердечных строк. Он советовал ему ближе сойтись с народом, вникнуть в его жизнь, быть твердым защитником его интересов.

«*Ваша мать*, – писал Некрасов, – *обладает несколькими тысячами десятин земли. Убедите ее отдать хоть небольшую часть малоземельным крестьянам. Вы завоюете любовь народа, который так долго угнетало правительство и который жил в бесправии и нищете. Желаю Вам успеха, мой юный друг. В добрый путь! Некрасов*».

Примечание автора

Письмо Некрасова к отцу бережно хранилось в старом бюро на квартире одного из домов на Васильевском острове, где проживала семья Марковых. Во время одного обыска полиции оно бесследно исчезло вместе с несколькими стихотворениями революционного характера.

По приезде в 1862 году в деревню Владимир, может быть, первый раз в жизни занялся осмотром усадебной земли своей матери. От большого двухэтажного дома, откуда давно выехали питомцы Воспитательного приюта, по четырем направлениям тянулись березовые аллеи. С востока на запад они граничили с территорией двух финских деревень[1], жители которых с давних времен поселились в южной части нашего уезда. Они часто вспоминали, что эта земля называлась Ингерманландия[2] и раньше принадлежала им. К северу широкая аллея спускалась к берегам большого озера, на противоположном берегу которого на многие десятки верст простирались леса соседнего владельца[3].

На юге, за небольшим садом, еловая аллея доходила до рощи, за пределами которой начинались крестьянские поля. Таким образом, оказалось, что усадебная площадь, занимающая около 15 десятин земли, была в четырех направлениях пересечена аллеями, и образованные ими четыре участка могли в будущем служить для устройства плодового сада, огорода и пахоты. Главное — эти участки не вклинивались в крестьянские земли. Получив доверенность матери, Владимир горячо принялся приводить в исполнение свою заветную мечту — улучшить жизнь соседних крестьян. Оказалось, что пребывание в деревне, которое представлялось ему таким однообразным и скучным, на деле с каждым днем открывало ему бесконечные возможности принести пользу местному населению.

---

[1] Финские деревни — Сиголово и Надино. Надино местные финны называли так же, как и озеро Долгое, — Питкиярви, калька с русского языка.

[2] Ингерманландия, Инкери, Ижорская земля, Ижора, Ингрия, исторические названия территории по берегам Невы и юго-западной части Приладожья. С 1228 года владения Новгорода, с 1478 года присоединены к России. С 1617 года в составе Швеции. В годы шведского правления в пограничные с Россией районы переселяли финнов. Петр I в ходе Северной войны вернул эти земли России. Сохранились предания о том, что финское население в окрестностях Шапок оказало сопротивление войскам Петра и организовало партизанские отряды. В 1708 году освобожденные земли вошли в состав Ингерманландской (с 1710 года — Санкт-Петербургской) губернии. В настоящее время часть Ленинградской области.

[3] Имение князей Юсуповых (с 1837 года) с усадьбой в селе Лезье (Успенское, Благовещенское).

Когда в 1864 году было создано земство, его пригласили занять место мирового посредника[1]. За счет собственной земли[2], с согласия матери, ему удалось увеличить крестьянские наделы настолько, чтобы они на долгие годы могли обеспечить жителей пашнями и покосами не только для них лично, но и для их подрастающего потомства. Этому плану способствовали огромные земельные территории соседних владельцев[3]. На многие десятки верст простирались поляны, заболоченные низины, владельцы которых приезжали только на охоту, выстроив большой кирпичный дом для приездов Великого князя[4]. Что стоило им отдать несколько десятин смежной с крестьянскими наделами земли, им, обладавшим многими имениями в России и дворцами в Петербурге.

Избрание Владимира председателем Шлиссельбургской уездной земской управы могло бы открыть широкий путь для превращения мечты об улучшении быта крестьян в действительность. Но Владимир с первых же дней понял, что все благие начинания требуют больших сумм, а правительство часто отказывало и в небольших ссудах. Когда не хватало денег, он и многие его сослуживцы вносили собственный вклад для постройки лишней школы или больницы, забывая в эти

---

[1] Земство — земские учреждения — выборные органы местного самоуправления (земские собрания и управы) в России, созданные после отмены крепостного права. Ведали просвещением, здравоохранением, строительством дорог и т. п. Мировой посредник — должностное лицо в период проведения крестьянской реформы 1861 года. Назначался из дворян для составления и утверждения «Уставных грамот» и разбора споров между крестьянами и помещиками.

[2] После крестьянской реформы 1861 года в распоряжении владельцев имения «Александровка» оставалось 5854 десятины земли. Имение постоянно закладывалось и перезакладывалось, часть земель была продана. Так появилась рядом с усадьбой «Александровка» небольшая мыза Кольманов «Карловка».

[3] Соседние владельцы — Юсуповы, Балашовы и Толстые.

[4] Вероятно, речь идет об охотничьем домике, построенном Балашовыми на землях имения «Шапки» рядом с деревней Нурма. Ф. И. Петрококино на месте деревянного охотничьего домика построил в 1902 году кирпичный двухэтажный «Охотничий дом» из 22 комнат. Красивое здание с небольшой башенкой и изящно изогнутой крышей было построено в стиле северный модерн. Кто из Великих князей приезжал на охоту в Нурму, уточнить не удалось.

минуты, что всякая попытка внести в работу земца личную инициативу строго контролируется высшим начальством.

Примером таких исключительно прогрессивных людей был друг Владимира, почетный мировой судья Владимир Александрович Всеволожский[1], выстроивший в своем имении (станция Всеволожская Ириновской железной дороги) народную школу, больницу и церковь для окрестных деревень, а его сын Василий, окончивший Медицинский институт, стал земским врачом.

После сильного пожара в селе Шапки, уничтожившего около 50 домов, владелец имения подарил погорельцам часть прекрасного соснового леса и кирпич для постройки новых домов, амбаров, сараев и выдал значительную сумму всем потерпевшим семьям. Местные крестьяне долго вспоминали добрый поступок помещика[2].

Земство должно было ограничиться простым техническим исполнением задач, которые определялись чиновничеством. Как прав был В. И. Ленин, сказав: «Земство с самого начала было осуждено, чтобы быть пятым колесом в телеге государственного управления». Земская реформа, проведенная в 1864–1866 годах, была выработана реакционной партией Валуева. Поэтому она потеряла первоначальный свой смысл и значение. Земству, как уездному, так

[1] Вероятно, опечатка в машинописном тексте рукописи. Речь идет о Павле Александровиче Всеволожском, отце последнего владельца имения Рябово Василия Павловича Всеволожского.

Ириновская железная дорога от Петербурга до берега Ладожского озера была построена в 1890-х годах по инициативе владельца имения «Ириновка» Павла Леопольдовича Корфа.

[2] К сожалению, имя шапкинского благотворителя О. В. Ольденборгер не указала, скорее всего, это был Петр Александрович Балашов (младший), внук А. Д. Балашова, который владел имением Шапки до 1884 года. Пожары были страшным бедствием для сел и деревень волости с их тесной деревянной застройкой. Еще об одном большом пожаре, случившемся в XIX веке в Шапкинской волости, в деревне Надино, вспоминают потомки ингерманландских финнов, проживающие в деревне. После пожара помещики Марковы разрешили жителям переселиться поближе к берегам озера Долгого. Место, где была сгоревшая деревня, называют «Финской горкой».

и губернскому, пришлось сделаться государственными чиновниками: собирать налоги с населения для передачи их на государственные расходы; всякая личная инициатива строго преследовалась, многих земцев отправляли в ссылку только за то, что они осмеливались подавать царю прошения и напоминать о законных правах земства. Лучших людей России обвиняли в желании устроить самостоятельное государство в государстве самодержавного царя.

И когда значительно позже губернское земство, во главе которого стоял Владимир Петрович Марков, стало ходатайствовать о выделении земства в самостоятельную единицу, Николай II объявил свою резолюцию: «Советую оставить земцам бессмысленные мечтания»[1].

Собравшиеся представители уездов Петербургской губернии в зале Дворянского собрания[2] (ныне — филармония)

---

[1] Девять губернских земских собраний направили только что вступившему на престол Николаю II (21 октября 1894 г.) «Приветственные адреса» по случаю его бракосочетания 14 ноября 1894 года с принцессой Алисой Гессенской (императрица Александра Федоровна). В адресах земцы выразили свои надежды на «общественные изменения», «на расширение гласности» и просили «открытого голоса земства к престолу». История с земскими «адресами» имела продолжение. 17 января 1895 года в Зимнем дворце состоялся Высочайший прием депутаций от дворянств, земств, городов и казачьих войск.

В воспоминаниях председателя Учредительного собрания Виктора Чернова «Великая революция» этот эпизод описан так: «Восшествие молодого царя на престол было омрачено еще одни происшествием. Принимая делегацию земств, которая в своем приветственном адресе намекнула на необходимость либеральных реформ, царь отклонился от текста заранее заготовленной речи, в которой говорилось о невозможности удовлетворить "беспочвенные мечтания" о конституции. Вместо этого он оговорился и употребил куда более резкое и даже просто оскорбительное выражение "бессмысленные мечтания", после чего смутился и быстро покинул зал».

[2] Санкт-Петербургская земская губернская управа и Земская учительская школа долгое время не имели своего помещения. Губернская управа ютилась поначалу в доме Дворянского собрания, с 1893 года переехала в арендованный частный дом. В 1901 году губернское собрание приняло решение о постройке дома для Управы, и уже осенью 1903 года Губернская управа перебралась в собственное здание на Кабинетской улице, 4 (ныне — улица Правды). В том же 1903 году получила собственное специальное здание

обсуждали этот отказ царя и необходимость работать под вечным унизительным контролем полиции. Это был последний обед, устроенный земством, на котором собрались люди, любящие свою родину и своей бескорыстной работой помогавшие улучшить жизнь крестьян. Владимир Петрович выразил свои мысли стихами, обращенными ко многим друзьям:

Всему пора, всему есть время,
Настал последний земства час;
И нами созданное бремя
К чему-то отняли у нас.

Нас обвиняют в долгой спячке.
Нам говорят: «Ленивы мы»,
И только к выборной горячке
У всех направлены умы.

Что в нас не стало той заботы,
С какой за дело мы взялись,
Что наши земские работы,
В конце концов, к нулю свелись.

А между тем, вглядевшись в дело
С его серьезной стороны,
В глаза сказать мы можем смело,
Что нами были созданы
Дороги, школы, медицина,
Для мер других широкий путь,
Что в силу нашего почина
Народ свободно мог вздохнуть.
Ему не страшны недороды,
Не страшен дождь, не страшен жар,
Ни грозный бич в былые годы
Огульный бедственный пожар.
От голодовки, от заразы
Ему открыли мы исход...
Все это факты, а не фразы,
Труда усиленного плод.
Теперь ему не будет нужды
Нести пожитки кулакам;

Земская учительская школа, рядом с домом Губернской управы на Кабинетской улице. Сам В. П. Марков в Петербурге жил неподалеку от нового здания управы, на Ивановской улице (теперь это Социалистическая улица).

Нет, земцы, мы еще не чужды
Любви к общественным делам.
К самим себе мы были строги
И знамя доблестно несли,
Но тех заслуг, увы! в итоги
Деяний земских не внесли.
Отдать свой труд мы были рады
Не ради денег и наград.
Ведь в наши земские оклады
Вносили собственный мы вклад.
Долой упрек и порицанья!
За то я пью до дна бокал,
Чтоб час желанный оправданья
Для земства нашего настал.
Второй мой тост короток будет:
Пусть земство сердцем и умом
Былых традиций не забудет
Под новым нравственным ярмом!

Многие земцы горячо аплодировали своему председателю, многие опасались, что в этих правдивых словах услужливая цензура найдет что-нибудь недозволенное; но, по-видимому, все сошло благополучно, и по желанию друзей Владимир Петрович на прощанье прочел свое второе стихотворение, посвященное присутствующим на обеде:

Что это, смерть иль просто сон?
Тяжелый, страшный, безобразный
Под звук речей, бокалов звон
Под говор шумный и бессвязный!
Зачем вино? К чему тут пир?
Что мы собой изображаем?
Не свой ли собственный кумир,
Ликуя, в вечность провожаем.
Кумир, который тридцать лет
С надежной тайной созидали;
В котором видели мы свет,
И от которого мы ждали:
Громадных благ, великих дел,
Эпохи светлой возрожденье...
В котором видели предел
Народа бедствий и растленья.
Где тот широкий, смелый план
Для благ возлюбленной отчизны?

Дождался мощный великан
Своей последней горькой тризны.
Нет, то не смерть, а только сон,
Не верю я в возможность смерти.
Пройдут года, восстанет он,
От сна тяжелого, поверьте!
И твердой, мощною рукой
Дарует свет, любовь, свободу,
Богатство счастье и покой
Свое отчизне и народу.

Старые земцы с Владимиром Петровичем Марковым не дожили до того счастливого времени, когда их мечты воплотились в действительность. В 1865 году у многих земцев еще существовала вера в данное царем обещание быть первым защитником народа. По инициативе нескольких владельцев имений в 1870 году было установлено правило, строго соблюдаемое ими: избегать чересполосицы, следить за тем, чтобы усадебные земли не вклинивались в крестьянские наделы, и уничтожить чрезвычайно тягостные для крестьян выкупные сделки.

Большим другом Владимира Петровича был старый городской врач Александр Сидорович Мясоедов[1]. Он обслуживал с 1875 года и до конца своей жизни не только больных города, но и заключенных Шлиссельбургской крепости. Этот добрый и чуткий человек много способствовал улучшению питания узников, стараясь создать для них лучшие условия жизни. Его интересовала и работа земцев. Он часто предсказывал, что добрые начинания их, несмотря на все преграды и запрещения свыше, рано или поздно будут оценены народом; он вспомнит добрым словом тех земцев, которые работали во имя обездоленного и угнетенного русского крестьянства.

В старой усадьбе жизнь с каждым годом становилась все оживленнее и многолюднее. Выйдя в отставку, возвратился старший сын бабушки, Георгий Петрович. Он поселился в одной из дач на берегу озера вместе со своим старым при-

[1] Возможно, опечатка в машинописном тексте рукописи — отчество, судя по документам Шлиссельбургского уездного земства, Александра Мясоедова было Исидорович, или О. В. Ольденборгер записала его так, как воспринимала на слух.

ятелем Лидиным. Оба были холостяками, увлекались охотой и рыбной ловлей. Дядя играл на кларнете, Лидин — пенсионер Панаевского оперного театра[1] — на валторне. Дом, где жил старый управляющий, давно отвезенный на кладбище лютеранской церкви[2], занял молодой земский врач Стырикович[3]. Поляк по происхождению, он, помимо медицины, увлекался литературой и поэзией своей страны. Узнав, что Владимир Петрович в часы досуга пишет стихи, он стал убеждать его заняться переводом стихов и нескольких баллад Мицкевича. При этом он обещал переводить построчно каждое слово. Переводы оказались настолько удачными, что их взялся печатать в журнале «Вестник Европы» его редактор Стасюлевич. Вскоре несколько стихотворений появились и в журнале «Север». Впоследствии два рукописных тома стихотворений Владимира Петровича были приобретены Домом имени Пушкина[4].

---

[1] Панаевский театр был открыт на Адмиралтейской набережной, дом 4, в 1888 году на средства путейского инженера Валериана Александровича Панаева.

[2] Кладбище лютеранской церкви — финское кладбище, действует по настоящее время, находится на холме справа от дороги Шапки–Надино.

[3] Врач Стырикович — Стырикович Александр Григорьевич, земский врач. А. Г. Стырикович обслуживал участок, на котором проживало 14 тысяч населения, наибольшее расстояние от квартиры врача до обслуживаемого населенного пункта составляло 50 верст. Место жительства врача — мыза Александровка, близ села Шапок. В полутора верстах от квартиры врача находился приемный покой на 8 кроватей. На участке, кроме врача, было три фельдшера и одна повитуха. Прием больных при квартире врача был постоянный, а также врач каждые две недели выезжал в определенные дни в фельдшерские участки. В 1881 году земский врач Стырикович оказал медицинскую помощь в 6711 случаях.

Шапкинский приемный покой был построен благодаря стараниям В. П. Маркова и А. Г. Стыриковича. В 1881 году В. П. Марков приобрел у вдовы бывшего дворового человека господ Балашовых Дарьи Ушаковой ¼ часть десятины земли для строительства земского приемного покоя. Приемный покой многие годы поддерживался в хорошем состоянии, по мере необходимости проводились ремонты. Шапкинская амбулатория размещалась в этом здании до Великой Отечественной войны.

[4] Дом имени Пушкина — Пушкинский Дом, Институт русской литературы, научно-исследовательское учреждение в СПб., в котором хранятся рукописи многих русских писателей, в том числе и А. С. Пушкина.

В 1868 году Владимир Петрович, которому исполнилось 32 года, женился на 16-летней дочери одного петербургского чиновника — Дорошенко. Он познакомился с ней в доме своей сестры[1], дочери которой обучались с нею в одном пансионе. Отец девушки, уроженец Полтавской губернии, очень гордился своим происхождением от гетмана Малороссии[2]; он отличался грубым и жестоким характером и для своей многочисленной семьи оказался суровым деспотом. Заступничество слабохарактерной жены, казалось, еще сильнее ожесточало его. Младший сын Дорошенко и старшая дочь умерли от туберкулеза. Средний — гимназист старшего класса Александр — увлекся революционным движением молодежи и под впечатлением всеобщего недовольства написал письмо царю, называя его главным виновником происходящих в России волнений. Отец перехватил письмо и передал его в 3-е отделение[3], прося «обуздать сына». Результатом его ходатайства был арест 17-летнего юноши; пройдя с другими арестантами несколько тюремных этапов, Александр был заключен в один из острогов Якутского края. При попытке бежать из тюрьмы, переплывая большое озеро, на другом берегу которого начиналась тайга, Александр утонул. О нем в своем сочинении вспоминает сосланный одновременно с ним писатель Короленко в «Истории моего современника».

Примечание автора

Короленко В. Г. Собрание сочинений. Т. 2: История моего современника. Кн. 2. С. 204.

---

[1] В доме своей сестры, дочери которой обучались с нею в одном пансионе, — дочери Марии Петровны Вакар, речь, вероятно, идет о старших дочерях Вакаров, Любови и Надежде, так как Анна Дорошенко по возрасту была их сверстницей (родилась предположительно в конце 1850 или в 1851 году).

[2] Гетман Малороссии Дорошенко Петр Дорофеевич — сподвижник Богдана Хмельницкого и гетман Правобережной Украины в 1665–1667 годах. П. Д. Дорошенко в 1667 году перешел на русскую службу. Дети от первого брака остались на Украине. Возможно, А. Дорошенко был потомком гетмана по этой линии.

[3] 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — орган политического надзора и сыска в России в 1826–1880 годах.

«...Однажды я писал письмо в конторе, когда к Денисюку пришел высокий старик, с благообразным лицом типа крупного чиновника. Усевшись у круглого стола, они повели тихую беседу, отрывки которой все-таки долетали до меня. Это оказался штатский генерал Дорошенко, отец того юноши, который "помешался в уме". Старик был не то губернатором, не то председателем казенной палаты какой-то из юго-западных губерний. Теперь этот провинциальный туз говорил заискивающим тоном с петербургским приставом:

— Вы сами отец, так поймете отца... Такое горе...

— Не беспокойтесь... Не будет ни в чем нуждаться... — успокаивал Денисюк.

— По болезни на свои деньги можно даже вино.

— Ну, вино-то, пожалуй, не очень... Поэкономнее, знаете... У *меня ведь он не один*».

Т. 8. Кн. 3. С. 86–87.

«В камере, куда я попал, было уже человек пять. Первым подошел ко мне молодой человек с очевидной военной выправкой и... отрекомендовался: прапорщик Верещагин...

— Дорошенко, — произнес совсем юный молодой человек, похожий на гимназиста.

...*Дорошенко тоже был моим соседом по Спасской части.*

Когда он подошел к глазку камеры и стал на весь коридор оглашать привезенные мною новости, я сразу узнал звонкий голос юноши, певавший кощунственные ектеньи[1], о котором отец-генерал разговаривал с Денисюком. Теперь в нем не было никаких признаков умственного расстройства...»[2]

Старшему сыну Николаю Дорошенко, несмотря на все притеснения отца, удалось окончить Институт гражданских инженеров; он уехал работать в качестве архитектора в один из южных городов России[3].

Главной причиной женитьбы Владимира Петровича на девушке вдвое моложе его было желание и, быть может, единственный способ вырвать ее и спасти из тяжелой обстановки, созданной в доме отцом.

---

[1] Ектенья (от греч. ektenia — усердие) — совокупность молитв, читаемых при каждом богослужении от имени верующих и содержащих просьбы и обращения к Богу.

[2] Первый эпизод относится к аресту А. Дорошенко и В. Короленко в Петербурге, второй — к пересылке по этапу к постоянному месту ссылки.

[3] Ростов-на-Дону.

Я была старшим ребенком в семье моих родителей и довольно ясно вспоминала себя с семилетнего возраста. В памяти моей сохранились частые приезды в деревню отца из уездного города[1], рассказы дяди — брата отца — о войне с турками 1877 года[2]. Особенно я любила дни, когда к нам приходил приятель дяди — Лидин — с валторной; моя двоюродная сестра Вера[3] садилась за рояль и аккомпанировала ему чудесные мелодии из опер и старинные романсы. Так хотелось в эти минуты самой скорее научиться играть. Иногда из Шлиссельбурга приезжал отец и привозил с собой известного писателя-юмориста Лейкина, который читал нам свои рассказы. Особенно оживленно было у нас в летние каникулы, когда приезжала молодежь: племянники отца[4] и брат мамы, дядя Коля, которого я очень любила.

Примечание автора

Николай Александрович Дорошенко, брат моей матери, родился в 1857 году, учился в 3-й петербургской гимназии[5], где дошел до 5-го класса. Писал в гимназическом журнале либеральные стихи, за них был исключен без права поступления в казенные

---

[1] Уездный город — Шлиссельбург. В начале своей деятельности в уездном земстве В. П. Марков снимал квартиру в Шлиссельбурге, а потом приобрел собственный дом. В 1896 году был освящен дом для земства на Дворянской улице, до этого управа арендовала помещение в доме шлиссельбургского жителя Ивана Ивановича Котова, а у В. П. Маркова земство арендовало помещение для Земского арестного дома.

[2] Дядя — Георгий Петрович Марков — участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Война была начата Россией для укрепления своих позиций на Балканах. Основные события — сражения на Шипке и у Плевны.

[3] Двоюродная сестра Вера — Вера Платоновна Вакар.

[4] Племянники отца — дети его сестер: Марии Петровны Вакар — Любовь, Надежда, Вера, Екатерина, Александр — и сын Надежды Петровны Желтухиной — Василий. У Георгия Петровича Маркова детей не было. Возможно, что в имении бывали дети Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых — Георгий, Иван, Софья, Александра, Петр, о них Ольга Владимировна Ольденборгер отдельно нигде не упоминает.

[5] 3-я гимназия — одна из старейших гимназий в Петербурге, была основана в 1823 году. Находилась в Соляном переулке.

заведения. Родители отдали его в частный пансион для подготовки в Строительное училище (ныне — Институт гражданских инженеров). Он блестяще сдал экзамены и окончил институт в 1880 году. Будучи студентом, он писал в журналах «Слово» и «Отечественные записки» под своей фамилией. А в «Ниве» и «Живописном обозрении» — под фамилией Гриднев. Он был большим другом Надсона и писателя Михайлова. Перед своим отъездом на место назначения в город Ростов-на-Дону он женился на учительнице народной школы Анне Алексеевне Ворожейкиной. У моей мамы сохранились некоторые из его стихотворений, и она передала их мне. В этих стихах 15-летний мальчик переживает глубокую скорбь об участи старшего брата Александра и тяжелые годы в доме отца-деспота. В них он говорит об узниках, томящихся в темницах, о людях, страдающих за правду и продолжающих бороться за счастье и свободу народа, с глубокой верой в то, что настанет время, когда для всех угнетенных и обездоленных наступит свобода и будут навсегда разорваны цепи рабства.

Стихотворения Николая Дорошенко, гимназиста 3-й классической гимназии, переданные петербургской полиции начальством гимназии:

Мыслъ

Ее побивали камнями во прах,
Ее на кресте распинали,
В темнице томили и жгли на кострах
И псам на съеденье давали.
То подлость, то глупость людская стеной
Повсюду ей путь заграждала...
Но в тайные щели, как день золотой,
Как воздух она проникала.

Из мрака неволи, из пепла костров
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавые цепи срывала с рабов,
И спящих от сна пробуждала.
И сеяла правду она меж людей
Средь лжи вековой и разврата;
Но бури раздоров шумели за ней,
И брат поднимался на брата,
И правда для них оставалась нема,
Их душу лучи ослепляли,
И светом казалась им прежняя тьма,
И свет они тьмой называли.

Стихотворение, из-за которого он был изгнан из 3-й классической гимназии без права поступления в казенные заведения:

Сон

Приснилось мне: растворилась темница,
Божий свет проникает в тюрьму;
Узник снова, как вольная птица
Выбегает навстречу ему.
Цепи ржавые пали со звоном
С рук его. Он, свободный, стоит,
И во взоре его просветленном
Луч надежды отрадный сквозит.
Исхудалые, бледные руки
Поднял к небу он, светел и рад.
И в ответ ему громкие звуки
Новой песни немолчно гремят.
Смертный! Брось свои оковы,
Цепи рабства разорви!
Жизнью светлою, здоровой
Жизнью полною живи!
Окрещенной силой новой
Братства, равенства, любви
Забывали горя годы.
Мир свободой озарен.
Прочь сомненья, прочь невзгоды,
Прочь неправедный закон.
Дуновение свободы
Поколеблет царский трон!
Воли этой могучие волны
Разливались так сладко кругом,
И внимал ей спокойный, довольный,
Дерзкий узник с веселым лицом.
Я проснулся. В окошко глядела
Ночь суровая, дождик стучал...
Мрак царил над землею всецело.
Ветер злобно вдали завывал.
Я смотрел в эту темень так жадно,
Ожидая рассвет... Увы! Его нет.
Для меня всюду мрак непроглядный
И когда же настанет рассвет.

ГЛАВА 2

Санкт-Петербург, имение «Александровка» и «Царицына гора» Детство и юность 1878–1891

Вся наша семья засиживалась за вечерним чаем на террасе до наступления ночи. Студенты рассказывали о последних событиях города, о тяжелой жизни рабочих, ютившихся в подвалах многоэтажных домов; как задолго до рассвета по гудку фабричной трубы они шли по безлюдным улицам спящего города, а после работы в вечернюю мглу возвращались в свои конуры, в которых часто проживали по 8–10 человек. Многие пришельцы из деревень привозили и свои семьи, чтобы обзавестись хозяйством, но от этого не становилось легче: жене приходилось идти на поденную работу, маленькие дети были предоставлены улице. Наш земский врач говорил о необходимости высшего образования для женщин, уверяя, что до сих пор существуют страны, где женщина — раба, муж говорит ей: «Прими, подай, пошла вон», как во времена крепостного права, что пора изжить все старое, гнилое. Долго оставалось в памяти вдохновенное лицо дяди Коли[1], читавшего свои стихи. А я, восьмилетняя девочка, чутко прислушивалась к разговору взрослых, мало понимая многое, была рада, что родители позабыли отправить меня спать.

После отъезда молодежи жизнь входила в прежнюю колею, но я стала замечать, что мама с каждым днем становится задумчивей и подолгу совещается с отцом. В конце лета я узнала, что она поступает с осени на Высшие женские курсы[2] и берет меня с собой. Брат и сестра останутся в деревне на попечении бабушки и приезжающей племянницы отца[3].

---

[1] *Дядя Коля* — Николай Александрович Дорошенко.

[2] Высшие женские курсы — Бестужевские высшие женские курсы, назывались по имени их первого директора, известного историка, академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, находились курсы на 10-й линии Васильевского острова.

[3] Племянница — вероятно, Вера Платоновна Стырикович или ее сестра, Надежда Платоновна Акимова (дочери Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны, урожденной Марковой).

Меня несколько пугала мысль попасть в немецкий пансион, но надежда, что моя мама будет также учиться, утешала меня, а по вечерам мы будем встречаться дома.

В 1878 году мы поселились в небольшой квартире на Васильевском острове. С нами жили две курсистки — Мария Алексеевна Сперанская и Дабижа, приехавшая из Грузии. У нас была прислуга, которая заведовала общим хозяйством и отводила меня в пансион[1]. Там я училась, обедала и только вечером возвращалась домой. Я быстро научилась говорить по-немецки; читать и писать на родном языке я умела давно, занимаясь с мамой. Жили мы неплохо; отец часто навещал нас.

А из деревни двоюродная сестра присылала письма обо всем, что у них происходит: дети много гуляли, катались с горы, а когда вечером их укладывали спать, к бабушке собирались все обитатели усадьбы: дядя со своим неизменным приятелем, доктор с женой и моя двоюродная сестра[2]; играли в лото или в модную тогда карточную игру «Желтый карлик». Все старались, чтобы бабушка выиграла; иначе она не на шутку сердилась и подозревала всех в плутовстве.

Как-то незаметно прошли годы моего детства; мама окончила Бестужевские курсы, отцу давно уже был разрешен въезд в столицу, но он так привык к земской работе, так сжился с ней, что, несмотря на строгий контроль свыше, продолжал свое любимое дело, часто вспоминая советы Некрасова. Только после избрания его председателем Губернской земской управы вся наша семья в 1882 году переехала в Петербург. Родители отдали меня в гимназию Оболенской[3], брата — в классическую гимназию. Имея диплом, моя мать давно мечтала об устройстве приготовительного учи-

[1] Немецкий пансион — пансион Эмилии Карловны Шаффе на 5-й линии Васильевского острова.

[2] Доктор с женой — Александр Григорьевич и Вера Платоновна Стырикович. Двоюродная сестра — вероятно, речь идет еще об одной дочери Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны, урожденной Марковой, — Любови или Надежде (младшая, Екатерина (в замужестве Кононова), училась в эти годы в Смольном институте). Наиболее вероятно, что это была Надежда Платоновна Вакар, в замужестве Акимова.

[3] Гимназия Оболенской — первая частная женская гимназии, основанная в 1870 году Александрой Алексеевной Оболенской.

лища для девочек. Не имея достаточного опыта к оборудованию школы, закупке инвентаря, подбору учителей, моя мать должна была сообразовать расходы со строго ограниченным бюджетом. Помимо того, часто происходили недоразумения с родителями учеников. Мать, конечно, не делала различия в приеме детей, к каким бы слоям общества они ни принадлежали; однако многие родители приходили в негодование, узнав, что их дочери обучаются с детьми дворников.

Из деревни в это время приходили невеселые вести, что сильно волновало отца. Управляющий не оправдал доверия родителей, он устраивал нечто вроде аукциона на лесные покосы, которые в первую очередь доставались зажиточным крестьянам и лавочникам соседних деревень. За сухоподстой, который только мешал расти здоровым деревьям и который, как и покосы, отец отдавал крестьянам даром, управляющий требовал денег и клал их себе в карман. Новая служба в Петербурге являлась большим препятствием для отъезда отца в деревню, и мать решила сама поехать, найдя временно заместительницу на свою работу, навести порядок в запущенном деревенском хозяйстве: проценты на заложенную землю выплачивались ежегодно с большими затруднениями; тяжелым бременем было также содержание бывшей дворни, жившей на пенсию бабушки. Трудно было разобраться в этом хаосе неоплаченных счетов и тяжело жить на два дома.

По совету однокурсницы моей матери Марии Алексеевны Сперанской, получившей место преподавательницы русского языка в Смольном институте, родители решили радикально перестроить свою жизнь. Поместить меня и сестру в закрытое учебное заведение Смольного[1], брата — в Училище

В годы, когда там училась Ольга Маркова, гимназия находилась в Басковом переулке.

[1] Смольный институт, учебное заведение Смольного — Институт благородных девиц, первое привилегированное среднее образовательное и учебно-воспитательное заведение закрытого типа для дочерей дворян. Основан институт в 1764 году под названием «Императорское воспитательное общество благородных девиц». В Смольном институте учились многие представительницы рода Дубянских-Марковых-Вакаров: дочь Елизаветы Федоровны Дубянской — княжна Александра Яковлевна Долгорукова, Варвара Михайловна Дубянская, Ольга Владимировна и Вера Владимировна Марковы, Екатерина Платоновна Вакар.

правоведения[1] и ликвидировать неудачную попытку матери с приготовительным училищем.

После трех лет обучения в гимназии мне было нелегко привыкать к замкнутой жизни института; я должна отдать полную справедливость тем воспитательницам, которые со вниманием и лаской относились к нам, в особенности к тем, родители, которых жили в провинции, вдали от столицы, и не имели возможности часто навещать детей. Нам прекрасно преподавали иностранные языки, заставляли ежедневно говорить в свободное от занятий время на немецком или французском языках; при этом нашим воспитательницам вменялось в обязанность читать нам вслух отрывки из произведений классиков. Этот обычай помог многим из нас, и мне в том числе, в будущей жизни. Программа остальных предметов в дореволюционное время была ограничена, но никто не препятствовал нам при выходе из института продолжать дальнейшее образование. Кроме того, при Смольном существовали двухгодичные педагогические курсы, приготовляющие специально домашних наставниц для первоначального воспитания и обучения детей.

В эти три последних года моего пребывания в институте моя мать энергично занялась ликвидацией допущенных злоупотреблений в деревне. После изгнания управляющего, по совету нашего земского врача Стыриковича[2], она собрала сход крестьян из деревень и объявила им о восстановлении прежнего порядка в отношении бесплатного пользования лесными покосами и сухоподстоем. Затем она предложила

[1] Императорское училище правоведения образовано в 1835 году «по мысли и на средства принца Петра Георгиевича Ольденбургского для образования благородного юношества на службу по судейской части». Среди родственников О. В. Ольднеборгер, кроме брата, в Училище правоведения учились муж тети Марии Петровны — Платон Алексеевич Вакар — и их сын Александр, муж младшей сестры Веры Владимировны — Сергей Александрович Бутурлин — и их сын Александр.

[2] Стырикович Александр Григорьевич был земским врачом южного медицинского участка Шлиссельбургского уезда, а позже — земским врачом всего уезда. Затем многие годы был мировым судьей уезда.

отвести в каждой деревне избу под детские ясли[1] и выбрать двух престарелых женщин для наблюдения за маленькими детьми, матери которых уходили на полевые работы. Крестьяне одобрили это предложение, тем более что мать обещала постоянно приезжать в деревню и наблюдать за чистотой и порядком. Зимой она пригласила из агрономического уездного пункта инструктора, приезжавшего еженедельно по воскресеньям. Он читал лекции местным крестьянам, приходившим в свободный вечер в усадьбу, об уходе за скотом, заготовке кормов на зиму, о выделке масла. С каждым разом число слушателей увеличивалось. Девушки приходили как на праздник; парни приносили гармонь, и после отъезда инструктора молодежь была рада потанцевать в большой комнате одной из дач, пустовавших зимой. Вскоре к слушателям присоединились приезжие из Эстонии переселенцы.

В 1865 году, после отмены крепостного права, богатые землевладельцы Эстонии освободили крестьян без земли, и этот трудолюбивый земледельческий народ переживал тяжелую трагедию — оставаться батраками у своих старых хозяев или искать заработка на фабриках и заводах. Многие семьи обратились к русскому правительству с ходатайством о выделении для них участков земли в наших уездах, граничащих с землями их родины. С разрешения Министерства земледелия многие помещики пошли навстречу эстонцам, и, таким образом, в наших краях началось постепенное вселение нового элемента — хуторян-арендаторов. Они получали лесные, удаленные от крестьянских наделов участки. Им безвозмездно отпускался лес для построек, отводили для будущих полей и огородов то количество десятин, которое могла обработать и привести в культурный вид одна семья. Плата за аренду назначалась только по истечении трех лет — пять рублей за десятину. Культура и работоспособность пришельцев быстро привилась и нашему населению.

[1] Анна Александровна Маркова организовала в 1877 году детские ясли в деревне Староселье Шапкинской волости и в селе Лезье соседней Лезьенской волости. Благодаря ее заботам наняли дом, приобрели детские колыбельки, белье, посуду, запаслись продуктами и лекарствами. О первом опыте организации яслей в уезде была сделана запись в Отчете Шлиссельбургского уездного земства за 1877 год. В 1880-х годах А. А. Маркова была попечительницей Лезьенской земской школы.

Особенно финнам, имеющим с ними одну религию и родственный язык. Хутора[1] располагались преимущественно вдоль Шлиссельбургского уездного тракта; эстонцы были сами заинтересованы в его хорошем состоянии, имея коров и переправляя молочные продукты на станцию Тосно, а оттуда — поездом в Петербург.

Что касается запущенного хозяйства в самой усадьбе, то, выписав «Сельскохозяйственный вестник», издаваемый Энгельгардтом, моя мать с присущей ей энергией начала изучать методы ведения небольшого хозяйства. Она мечтала обратить десятками лет запущенную землю в плодородную почву и свой первый опыт начать с небольшого участка в южной части усадебной земли между двумя аллеями. Из плодоводства в Воронеже, из Дерпта (нынешнего Тарту), из Риги от Вагнера она осенью выписала трехлетние яблони; они были высажены на приготовленном к тому времени участке. Отец, вспоминая неудачную попытку с приготовительным училищем, шутливо говорил, что его карман начинает трещать от новой затеи матери. Но когда осенью через три года ему поднесли целый поднос разносортных яблок, которые привели бы, наверное, в восторг самого И. В. Мичурина, он был очень доволен.

[1] Хутора располагались на землях имения «Шапки», принадлежавшего в те годы Фемистоклу Ивановичу Петрококино, и на землях, принадлежавших Марковым. В памяти жителей сохранились фамилии некоторых хуторян — Криг, Визе, Кербис, Лепик, Антон (Стеклянный) Стеклянский. Визе и Кербисы жили на хуторах в долине речки Гурловки, группу этих хуторов называли Кюльвией (в переводе с эстонского «Сеятель») или Гурловкой. На речке Гурловке у эстонцев была водяная мельница. Хутор, принадлежавший А. Стеклянскому, находился справа от дороги Нурма–Шапки, там, где дорога делала поворот к «Брусовой горе». По легенде, у Антона было какое-то небольшое производство стекла, спекшиеся куски стекла долго служили украшением садовых клумб местных жителей. И. Лепик жил в районе Макарского озера, хутор называли Лепиковым бугром. Разбогатев, Лепик перебрался в Тосно, где держал небольшой ресторанчик. Криг жил на хуторе, стоявшем у дороги Нурма — деревня Пендиково. Он много лет учил эстонских ребятишек в частной эстонской школе, содержавшейся на средства эстонских хуторян при небольшой поддержке Шлиссельбургского уездного земства.

Первый успех на двух десятинах посаженных в шахматном порядке яблонь пробудил стремление увеличить площадь фруктового[1] и ягодного сада, в центре которого находился небольшой пруд, где когда-то разводились караси для барского стола. Таким образом, в течение пяти лет на площади в пять десятин возник плодовый сад, считавшийся одним из лучших в уезде. Приобретением нескольких телят ангельмской породы мать положила основание небольшой фермы; по примеру эстонцев, через день несколько бидонов молока отправлялись на станцию[2] и дальше в один из магазинов города. В короткий срок мои родители могли убедиться в правдивости русской пословицы, что «энергия и труд все перетрут»[3]. Доходы с сада и молочного хозяйства оплачивали и содержали садовника и временных рабочих, а главное — облегчали ежегодную плату процентов за заложенную дедом и отцом бабушки землю[4].

Я окончила институт в 1888 году и по примеру матери хотела осенью поступить на Бестужевские курсы. Но на семейном совете отец решил на один год оставить меня дома; часть зимы провести с мамой в деревне, часть — в городе в доме моей тети Маши, сестры отца. На следующий год родители хотели окончательно изменить жизнь и по зимам жить в Петербурге. В деревне я не скучала: у нас была прекрасная библиотека русских и иностранных писателей в подлиннике; я продолжала заниматься усердно на рояле, вспоминая старого институтского профессора Гензельта, наградившего меня при выпуске произведениями Шуберта.

---

[1] Фруктовый сад в XX веке насчитывал около 600 фруктовых деревьев. Сад погиб в суровые зимы 1940–1941 и 1941–1942 годов.

[2] Станция Тосно Николаевской железной дороги.

[3] Так в авторском тексте. Пословица же — «Терпение т труд...»

[4] По данным Шлиссельбургского уездного земства, в 1878 году у надинских помещиков Марковых под усадьбой, лугами и пашнями было 450 десятин, под лесами и выгонами — 2494 десятины, 1087 десятин числились как неудобья (всего 4031 десятин земли). Оценочная стоимость земель в Шапкинской волости составляла 33 рубля 33 копейки для земель под усадьбами, пашнями и лугами и 3 рубля — для выпасов и лесных угодий. Неудобья налогом не облагались. После смерти матери в 1891 году и выделения доли брату Георгию Петровичу В. П. Марков получил в наследство 3800 десятин земли.

Мама достала свои литографированные лекции и стала проходить со мной первый курс историко-филологического факультета Высших женских курсов. Поездки в город меня не удовлетворяли: двоюродные сестры были старше меня, тетя с утра погружалась в хозяйственные хлопоты, а ее муж, Платон Алексеевич Вакар, — главный цензор по делам печати и первоприсутствующий сенатор — часть дня просматривал газеты или, надев все свои ордена, уезжал в Сенат.

В летние месяцы, когда приезжали брат и сестра, у нас часто гостили знакомые. Каникулы проходили всегда весело и оживленно. Вся наша молодежь любила устраивать пешком или в экипаже большие и отдаленные прогулки в окрестности Шапкинской и соседней с ней Лезьенской волости. У села Шапки, на протяжении трех верст, раскинулся огромный парк с двумя прудами: Верхним и Нижним; на последнем были два острова, соединенных с парком двумя мостами. В центре парка находился старинный одноэтажный дом с широким подъездом, по обе стороны которого лежали два прекрасно сохранившихся чугунных льва[1]. Большая липовая аллея вела к оранжерее, по стенам которой вились персиковые деревья[2] и виноградные лозы. Несмотря на отсутствие владельцев, старый садовник Муратов заботливо ухаживал за вверенным ему имуществом, и только 15 июля, в день именин отца, с разрешения управляющего приносил в небольшой корзине эти редкие на нашем севере фрукты. В старом

---

[1] Один из чугунных львов чудом уцелел в годы немецкой оккупации и сейчас хранится в Тосненском историко-краеведческом музее.

В усадьбе в эти годы было еще три пруда: у библиотечного павильона, пруд на границе с Покровской площадью и расположенный южнее оранжереи совсем небольшой прудик с круглым островком по центру. При Ф. И. Петрококино в усадьбе в большом пейзажном, хорошо ухоженном парке располагался господский дом с двумя флигелями, дом управляющего имением, дома для гостей, людская, три дома для служащих и дом для рабочих. Многочисленные капитально построенные хозяйственные постройки, среди которых следует отметить водонапорную башню и оранжерею. Территория усадьбы освещалась масляными фонарями. Были постройки, носившие декоративно-прикладной характер, — беседки, смотровые площадки, маленькие домики. На Нижнем пруду была расположена деревянная купальня.

[2] Может быть, персиковые деревья были выращены в форме пальметты, которая на первый взгляд производит впечатление вьющегося дерева.

доме, казалось, ничего не изменилось: старинные диваны по углам, обитые полинявшим от времени штофом. Большая гостиная, стены которой вместо обоев были украшены панно с изображением мифов о любви Психеи и Амура. Несколько десятков картин на черном фоне стекла — фигуры римских воинов и богинь, очевидно, вывезенных из Италии.

Бабушка рассказывала, что имение Шапки принадлежало ее деду Якову Федоровичу Дубянскому; отец ее, Александр Яковлевич[1], продал его камергеру Балашеву[2], выстроившему в Шапках большую церковь из кирпича, вывезенного из разрушенного Успенского монастыря. Все сыновья Балашева погибли в различных сражениях; на больших мраморных досках, прикрепленных между окнами церкви, бронзовыми буквами написаны их имена и места сражений, где они погибли. Балашев продал имение парижскому банкиру Петрококино — богатому греку[3]. Для него, конечно, были совершенно

---

[1] Имение Шапки после смерти Якова Федоровича Дубянского унаследовали братья — Александр Яковлевич и Федор Яковлевич Дубянские. В результате раздела наследства село Шапки с барской усадьбой и деревнями Нурма, Горки, Пендиково, Белово, Белоголово, Ерзуново, Гертово отошли к Федору Яковлевичу, он вскоре продал имение Александру Дмитриевичу Балашову. Александру Яковлевичу отошли деревни Староселье, Сигалово, Надино, Любино, Жоржино, Нечеперть, Кантули, Мга (Муя), Старостино. У деревни Надино Александр Яковлевич построил новую усадьбу «Александровку» (деревни Надино, Любино, Жоржино носили тогда финские названия).

[2] Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках была окончена постройкой в 1786 году при Якове Федоровиче Дубянском, после чего официально Шапки стали называть селом Покровским. В 1847 году при Александре Александровиче Балашове церковь была возобновлена. Об этих двух событиях гласили таблички, расположенные в западной части храма.

В склепе под церковью были похоронены: Александр Дмитриевич Балашов и его три сына: Александр, Петр и Иван. Из них на Кавказе погиб только Иван Александрович Балашов. А также в склепе были похоронены жена П. А. Балашова — Александра Ивановна Балашова, урожденная Паскевич, и дочь А. А. Балашова — Елена.

Там же, под Покровской церковью, в семейных склепах похоронили Дубянских-Марковых: А. Я. Дубянского, Л. А. Маркову, урожденную Дубянскую, Г. П. Маркова и В. П. Маркова.

[3] Имение «Шапки» продал в 1884 году Фемистоклу Ивановичу Петрококино Петр Александрович Балашов, внук Александра Дмитриевича Балашова.

безразличны и красота местности, и былые памятники старины — нетронутые старыми владельцами сосновые леса да целая гряда холмов на протяжении десятков верст. Гряда холмов заключала в себе гравий и песок, как и лес — ценные строительные материалы. Сам банкир, кажется, никогда не заглядывал в приобретенное им имущество, а приехавший поохотиться из Парижа его сын Жан сильно заболел болотной лихорадкой и навсегда, по-видимому, отказался посещать наши края. Петрококино, построив железнодорожную ветку от Шапок до станции Тосно, в 1915 году продал свое имение графу Воронцову-Дашкову[1].

Меня еще ребенком интересовала и привлекала местность в шести верстах от Шапок, входящая в состав земельного участка моего отца. Местные старожилы называли ее Царицыной горой[2]; такое название она сохранила и поныне. Несколько лет спустя мне удалось найти в брошюре Археологического института интересную заметку: «Монастыри, упраздненные в царствование Екатерины II». Между многими перечисленными монастырями был упомянут и Успенский монастырь

[1] Имение «Шапки» Воронцовым-Дашковым продал наследник — сын Фемистокла Ивановича Петрококино Иван (Жан). Фемистокл Иванович умер в 1912 году (по другим данным, в 1911-м). Он немного не дожил до открытия железнодорожной ветки Тосно–Шапки, строительство которой было закончено в 1912 году. Сделка приобретения имения «Шапки» была оформлена на имя графини Ирины Васильевны Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной, во втором браке княгини Долгоруковой.

[2] Царицына гора — в настоящее время урочище в 3-х километрах от деревни Староселье. Во времена, когда этими землями владел Великий Новгород, поселение называлось Гора, принадлежала деревня известному новгородскому посаднику Василию Онаньину (Ананьину).

В 1821 году прадед Ольги Владимировны Ольденборгер, Александр Яковлевич Дубянский, сделал описание надгробной плиты и ее снимок от руки. Документы были переданы А. Я. Дубянским графу Николаю Петровичу Румянцеву: «Честь имею препроводить к Вашему превосходительству чертеж местоположения и опись гробницы в моем имении».

В семейном архиве И. Н. Евгеновой сохранилась рукописная страничка с записями Ольги Владимировны об истории Царицыной горы.

в Шапкинской волости. Он был расположен в красивой гористой местности с лесными озерами, оврагами, сосновыми лесами, с юго-западной стороны, как упоминалось в брошюре, гора была почти неприступна, а у подножья ее расстилалась низина почти до реки Тосно. Много веков тому назад она была дном большого озера, частично сохранившегося и по сие время с восточной стороны. Быть может, она была даже дном моря, так как при мелиоративных работах, прокладке канав и осушке болот местные жители находили остатки частей судов с причудливыми резными фигурами, горшки с медной монетой, наконечники копий, каменные чаши. Монеты были исключительно шведские, они относились к XVII столетию, времени царствования шведской королевы Христины. Развалины монастыря на горе не сохранились. Как рассказывала бабушка, кирпичи действительно были вывезены в Шапки. Но до 1880 года я очень хорошо помню, что среди высоких берез лежало несколько плит. Одна из них была белого мрамора с отбитым краем. Надпись на ней церковно-славянская была сильно стерта годами. В настоящее время мне трудно доподлинно вспомнить ее: «Здесь похоронена царица угол... (угол отбит) в инокинях Марфа...» Даже нельзя было разобрать текст молитвы о каких-то убиенных старцах. Трудно было понять: была ли это одна из жен, сосланных Иоанном Грозным, или жена убитого им старшего сына. Через год плита исчезла и, по словам крестьян соседней волости, была увезена каким-то любителем старины. Более древнее название этой местности, по сведениям, полученным из Археологического института, было Силасари. По-фински «сари» обозначает остров, и это название еще более подкрепляло предположение, что много веков назад вся наша местность была берегом большого водяного пространства. По тем же сведениям, все земли принадлежали «Новгородским пятинам»[1], граничащим и в настоящее время с южной частью Шлиссельбургского уезда близ деревни Замостье. Как и во многих исторических местах нашей родины, об Успенском монастыре издавна сложилась легенда. Во время набегов шведов, которые не раз вторгались

[1] Новгородские пятины — административно-территориальные области в Новгородской земле с XV века (Бежецкая, Водская или Вотская, Деревская, Обонежская, Шелонская). Упразднены в XVIII веке. Шапкинские земли входили в состав Водской пятины. В XIX — начале XX века имение Шапки граничило с Новгородским уездом, который когда-то тоже входил в состав Водской пятины.

в пределы нашей северной области, жители монастыря спрятали дорогую церковную утварь и казну в сундук и опустили его на цепи в глубокое лесное озеро. Цепь прикрепили к подводной свае. Прошли годы, многие тщетно пытались поднять тяжелый сундук, и, наконец, при одной попытке цепь лопнула, и тяжелый груз навсегда опустился в илистое дно.

Из знакомых последних лет моей институтской жизни особенно памятна мне семья Бем, приезжавшая в продолжение многих лет в Шапки[1]; управляющий имением отвел для нее несколько комнат, граничивших с оранжереей. Людвиг Францевич Бем — профессор консерватории — часто приезжал к моим родителям и привозил свою скрипку; к вели-

[1] Семья Бем, по воспоминаниям современников, отдыхала на даче в имении «Шапки» на протяжении 13 лет. В какие годы Бем жили в Шапках, точно не установлено, ориентировочно это были 1877–1890 годы. В Государственной Третьяковской галерее хранится работа Е. М. Бем «Семейство Бем в дороге», 1877 г. Бумага, тушь, силуэт. В верхней части листа авторская надпись «Тосна». На рисунке изображены Елизавета Меркурьевна и Людвиг Карлович Бем, их дочь Лилуша, одна из младших сестер Елизаветы Меркурьевны — художница Любовь Эндаурова, две служанки и две собаки. Вероятно, зарисовка относится к поездке на дачу в имение Шапки. До Тосно в те годы ехали на поезде, а дальше добирались на лошадях. Экипаж за дачниками присылали из имения. С таким же сюжетом выпускались почтовые открытки. До середины 1870-х годов семья Бем ездила каждое лето в имение отца Елизаветы Меркурьевны — Меркурия Николаевича Эндаурова — село Щепцово Пошехонского уезда Ярославской губернии. В 1878 году отец передал имение сыну Николаю, а в 1880 году имение было продано. Вероятно, поэтому семья Бем подыскала дачу ближе к Петербургу. С годами дорога до Шапок казалась все утомительнее, и они перебрались в Любань, в имение Болотовых «Горка», которое располагалось недалеко от железнодорожной станции Любань Николаевской железной дороги. Александр Владимирович Болотов сдавал дачные помещения, а затем распродал часть имения под дачные участки. По инициативе А. В. Болотова Любанское общество попечения о бедных предприняло выпуск почтовых открыток. А. В. Болотов привлек к сотрудничеству Е. М. Бем, ее сестру Л. М. Эндаурову и их знакомых художников — Н. А. Сергеева, Ф. П. Ризниченко, Ю. Ю. Клевера и М. Ю. Клевер. Елизавета Меркурьевна выполнила для Общества 7 открыток, Любовь Меркурьевна — 14.

кому удовольствию нашей семьи, у нас летом устраивались импровизированные концерты; хорошим аккомпаниатором явилась и моя кузина Вера. Жена Людвига Францевича, Елизавета Меркурьевна Бем, была художницей особого жанра; ее специальностью были силуэты, которые приобрели ей славу не только у нас в России, но и во Франции и за океаном, в Америке. Она получала бесчисленные заказы, и про нее можно было сказать, что в те времена она была единственной в этом роде искусства. В своем творчестве она была неутомима. Помню, как, собрав пять ребятишек из села, она заставила их позировать для издаваемых ею иллюстраций к рассказу Тургенева «Бежин луг». В этих черной тушью изображенных фигурах можно было сразу узнать стоящего на коленях перед котелком Павлушку, лежавшего опершись на локоть Федю; Костю, задумчиво наклонившего голову, и Ваню, лежавшего под рогожей, высунув свою кудрявую головку. Дети охотно шли на приглашение «доброй тети», получая в награду за свой труд орехи, леденцы и пряники. Несколько крестьян из ближайшей к нашей деревне — д. Староселье — привлекли ее внимание своими характерными чертами лица. И вот к замечательному произведению писателя Тургенева прибавились силуэты к рассказам: «Бурмистр», «Хорь и Калиныч», «Свидание», «Герасим и Муму»[1]. Моему отцу в день его именин она в продолжение нескольких лет дарила к обеду художественное меню. У отца их накопилось около 15 штук, и он заказал для них альбом, завещая его мне[2]. После смерти отца художник Бродский хотел приобрести его для музея. Я решила передать ему эту ценную вещь через моего знакомого. Но в памятном

[1] Опечатка в машинописном тексте воспоминаний; речь идет о силуэтах Герасима и Муму к рассказу «Муму».

В 1889 году была издана книга «Главнейшие съедобные и несъедобные грибы», в основу которой легли зарисовки грибов Е. М. Бем. По времени издания книги можно предположить, что зарисовки были выполнены в окрестностях Шапок, Староселья, Надино.

[2] Одно такое меню сохранилось и было представлено на выставке в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга в 2010 году. Оно называется «Александровка. Обед 15 июля 1880 года» и считается самым ранним из всех меню, нарисованных Е. М. Бем. Рисунок, украшающий меню праздничного обеда 15 июля, в день именин Владимира Петровича Маркова, владельца усадьбы «Александровка», изображал, как ребятишки-поварята и служки несут кушанья.

для всех ленинградцев 1941 году, во время блокады, альбом погиб под развалинами разрушенной квартиры. Сестра Елизаветы Меркурьевны, Любовь Меркурьевна Эндаурова, окончив рисовальную школу, специализировалась на изображениях цветов, которые особенно ей удавались. В продолжение многих лет ее открытки продавались во многих эстампных магазинах Петербурга. Ее работы мне очень нравились, и отчасти эта симпатичная девушка явилась виною моего неожиданного и необдуманного решения поступить в рисовальную школу Штиглица[1] вместо намерения продолжать по примеру матери свое образование на Бестужевских курсах. В институте я рисовала хорошо и считалась способной ученицей; но когда мне пришлось срисовывать гипсовые фигуры конусов, шаров и пирамид чернилами при помощи камышового пера, я увидела, что каждая моя ошибка, каждая линия неизгладимо остается на бумаге. Мне это не нравилось, становилось скучно, и я скоро почувствовала свою ошибку в выборе такой неудачной работы. Да и моей матери, по-видимому, было неприятно, что я свернула с намеченного пути. Утешала только возможность посещать в свободное от занятий время театр. Одна из маминых подруг по Бестужевским курсам вышла замуж за профессора Петра Осиповича Морозова, преподававшего в Театральном училище историю театра. Он имел на все представления кресло пятого ряда в Александринском и Михайловском театрах[2]. После первого спектакля новой пьесы, когда требовалось его личное присутствие, он часто передавал свой билет маме, а она великодушно уступала его мне. В 1889 году в Михайловском театре гастролировала парижская драматическая труппа с артистами Гитри и Ниной Мёнт во главе; а в Александринский театр во время поста приехала из Германии труппа театра герцога Мейнингенского. Она привезла с собой все декорации к пьесам, которые никогда не исполнялись в Петербурге. Игра артистов была так прекрасна, так понятен их язык, что, не желая беспокоить профессора, я часто брала с моей знакомой билеты на галерку, не пропуская ни одного спектакля. Я так увлеклась игрой артистов,

[1] Училище Штиглица — Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица.

[2] Александринский театр в советское время назывался Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина, или Пушкинским театром. Михайловский театр — Малым оперным театром.

что накупила фотографии многих из них. В «Юлии Цезаре» Брута играл Бартель, и его знаменитый монолог после убийства Цезаря вызвал целую бурю аплодисментов. Когда ставили «Тевтобургский лес», где когда-то происходили жестокие бои римлян с германцами, декорация заставляла забыть, что мы находимся в театре, а не в глухом первобытном лесу, где в туманной дали виднелись свайные постройки.

Людвиг Францевич часто присылал нам билеты в консерваторию, где на весенних испытаниях выступали его ученики. Старшая дочь бабушки[1], вышедшая замуж за окончившего Училище правоведения чиновника, имела ложу в Мариинском театре и часто приглашала меня. После трех лет замкнутой жизни и последнего года, проведенного в деревне, все эти новые впечатления совсем выбили меня из колеи повседневной однообразной работы в рисовальной школе, которая совершенно перестала интересовать меня.

Однажды дядя Платон, муж тети Маши[2], прислал нам с мамой билеты на благотворительный концерт в пользу недостаточных[3] студентов Медицинского института. Мы решили послушать приглашенных из оперы и драмы артистов и вернуться раньше домой, к приходу после заседания в управе отца. После концерта к нам подошел знакомый врач и представил нам военного топографа, который оказался очень веселым собеседником. В соседнем большом зале начались танцы, и я невольно согласилась принять в них участие, забыв, что маме придется одной поскучать со старым доктором. В общем, мне было весело и потанцевать с новым знакомым, и поговорить обо всем, что интересовало нас обоих. На прощанье он попросил маму разрешения явиться с визитом на следующий день. А потом произошло то, что часто случается при таких неожиданных знакомствах, — совместное посещение выставок картин, музея, Эрмитажа. Короче говоря, Н. Н. мне сделал предложение, я дала согласие, решив за отъездом матери поговорить с отцом. Но отец взглянул на это неожиданное известие неодобрительно;

[1] Мария Петровна Маркова, в замужестве Вакар.

[2] Дядя Платон — Платон Алексеевич Вакар, муж Марии Петровны, урожденной Марковой.

[3] Недостаточные — небогатые, незажиточные (устаревшее).

он посоветовал нам обоим раньше, чем предпринимать такой серьезный шаг, лучше узнать друг друга. Зная из слов Н. Н. о его скором назначении в качестве топографа на изыскания строящегося Сибирского железнодорожного пути[1], отец высказал свое мнение, что во время такой продолжительной разлуки мы сможем проверить свое взаимное чувство и только после возвращения решить вопрос о браке. Я знала, что с решением отца спорить не придется, да и мать после приезда разделила взгляды отца, хотя была сильно обеспокоена моим унылым видом и апатией, которая овладела мною. Грустно прошли для нас последние дни перед отъездом. Мы обещали часто писать друг другу и бережно хранить нашу любовь и дружбу.

Весной 1891 года мама получила письмо от брата Николая[2], который когда-то в летние каникулы приезжал к нам в усадьбу. Он служил в продолжение 10 лет в Ростове-на-Дону, был женат, имел троих детей и считался одним из лучших архитекторов города. Он просил моих родителей отпустить меня к нему на юг ввиду предстоящей возможности путешествия его жены на Кавказ. После некоторых колебаний родители согласились, тем более что мой родственник, получив назначение в Ставрополь[3], в конце июля собирался ехать на место своей службы и обещал доставить меня к дяде. Первую часть лета я провела у нас в деревне; обещание писать моему другу я исполняла аккуратно; я всегда была в курсе его работ, с интересом прочитывала его письма, описания тайги, бесконечных степей, в день его приезда занесенных еще снегом, широких рек, через которые проектировали построить мосты. Это был Великий Сибирский путь к далекому восточному морю. К сожалению, я не могла написать ему ничего нового, интересного. Та же работа в школе, посещение театров или знакомых, главное — отсутствие той целеустремленности, которая красной нитью прошла через жизнь моих родителей.

---

[1] Сибирский железнодорожный путь — Транссибирская магистраль, Великая сибирская магистраль. Железная дорога Челябинск–Омск–Иркутск–Хабаровск–Владивосток (около 7 тыс. километров) соединила европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Дорога построена в 1891–1916 годах.

[2] Николай Александрович Дорошенко.

[3] Уточнить кто, из многочисленных родственников О. В. Марковой, получил в эти годы назначение в Ставрополь, не удалось.

ГЛАВА 3

Поездка на юг
Ростов-на-Дону
Первые годы семейной жизни
1891–1902

И вот я впервые на юге. Как далеко от родины, от Петербурга с его прямыми, как стрела, улицами, широкими площадями, дворцами, музеями и памятниками. Нет нашей скованной гранитом набережной Невы, прекрасных зданий Адмиралтейства и театров. В Ростове на улицах разноголосая толпа; куда-то спешат, слышен говор украинцев, греков, армян, евреев. Особенно шумно у берегов «тихого» Дона. У причалов стоят барки, нагруженные арбузами, вдоль берега проложены рельсы, на которых стоит бесконечная вереница товарных вагонов. Из них выгружают золотистую пшеницу и ссыпают посредством элеваторов на иностранные суда. Тут же на якоре греческие фелюги; они доставляют в Ростов изюм, сухие фрукты и вина.

Дядя[1] был рад моему приезду, познакомил с женой и сообщил мне, что инженер Полков — строитель железнодорожного пути «Тифлис–Батуми», его старый товарищ, — предлагает воспользоваться своим служебным вагоном и приехать к назначенному им сроку в Тифлис[2]. К сожалению, дядя ввиду неотложной строительной работы не мог принять участия в этой интересной поездке и, кроме жены и меня, предложил ехать родственнице его сослуживца.

Через несколько дней мы выехали из Ростова. Располагая достаточным временем для приезда в Грузию, тетя[3] решила остановиться на станции «Минеральные Воды», нанять экипаж и прокатиться в Кисловодск. В те времена еще не существовало общественного транспорта и такси, и к группам с железнодорожного транспорта и для приезжающих к поезду отправляли пароконные экипажи. Я, конечно, была в восторге от неожиданного проекта. Мы остановились в гостинице

---

[1] Дядя — брат матери — Николай Александрович Дорошенко.

[2] Тифлис — Тбилиси.

[3] Тетя — жена Николая Александровича — Анна Алексеевна Дорошенко (в девичестве Ворожейкина).

вблизи источника «Нарзан». Утром, пока приятельница тети спала, мы вышли в парк, уселись под тенью большого платана и стали обсуждать, как бы добраться до знаменитой «Кольцо-горы», находящейся в нескольких верстах от Кисловодска. Оттуда открывался прекрасный вид на заснеженную вершину Эльбруса. Неожиданно к нам подошли два горца в папахах и бешметах. За поясом сверкали чеканным серебром рукоятки кинжалов. Они протянули нам свои визитные карточки. На первой я прочла: «Князь Сандро Вачнадзе — Кахетия, город Сигнах». На второй: «Князь Джевахо — поручик Менгрельского полка»[1]. Один из них объяснил нам, что, приехав по делам в Кисловодск, они остановились в той же гостинице и, узнав от хозяина, что мы просили прислать проводника, чтобы осмотреть окрестности, решили предложить свои услуги. Приехали они оба из Кахетии, привезли вино в бурдюках с собственных виноградников. Вино они уже доставили в погреба гостиниц и, зная хорошо все окрестности, хотели бы с разрешения тети сопровождать нас. Я со страхом взглянула на них, моей первой мыслью явилось подозрение, что перед нами появились не князья, а переодетые разбойники; говорили очень плохо по-русски, коверкая слова, особенно Вачнадзе. Видимо, и тетя не особенно доверчиво отнеслась к их неожиданному приглашению. Во всяком случае она поблагодарила их за желание сопровождать нас, но в данное время она должна спросить согласие нашей спутницы, оставшейся в гостинице. Вернувшись в наш номер, тетя позвала заведующего и спросила его относительно приезжих. Хозяин подтвердил слова знакомых ему грузинских князей, ежегодно доставляющих в гостиницы вино из своих отдаленных владений.

Он прислал нам старого проводника с тремя верховыми лошадьми, и через час наша маленькая кавалькада выехала из Кисловодска. Оба князя, которых я приняла за разбойников, лихо гарцевали на прекрасных лошадях и, по-видимому, были очень довольны согласием тети сопровождать нас. Сандро Вачнадзе старался ехать около меня; он рассказывал мне подробно о жизни в Кахетии, о красотах горных хреб-

[1] Кахетия (Кахети) — историческая область в Восточной Грузии. Менгрельский полк — Мингрельский полк, расквартированный в Мингрелии (Мегрелии), исторической области в Западной Грузии.

тов, об уютных усадьбах, окруженных виноградниками. Когда он узнал, что мне пришлось учиться в Смольном институте, он стал хвалить моих родителей, которые не позволили мне, по примеру многих русских девушек, обрезать волосы и посещать какие-то курсы наравне с мужчинами. Не знаю, откуда он почерпнул такие сведения. Но он с гордостью рассказывал, что девушки Кавказа заняты до замужества домашними работами, ткут сукно, ковры и не вмешиваются никогда в мужские дела. А выйдут замуж, пойдут дети, хозяйство — дела хватит на всю долгую жизнь. Вспомнила я услышанные в детстве слова нашего земского доктора о стране, где женщинам говорят: «Прими, подай, пойди вон». Должно быть, он говорил о Кавказе, и, пожалуй, такова была судьба женщин этого края.

Наконец, мы добрались до цели нашего путешествия. Слезли с коней и с трудом поднялись по уступам на крутую высокую гору. В одной из ее стен образовалось после обвала большое круглое отверстие; через него далеко сверкающей вершиной виднелся величественный Эльбрус. Солнце садилось за соседними холмами, быстро надвигалась южная ночь. В Кисловодск мы возвратились поздно, когда на темном южном небе зажглись огромные яркие звезды, каких я никогда не видела на нашем Севере. В Пятигорске, куда мы поехали на следующий день уже в экипаже, я снова встретила Вачнадзе; он попросил меня дать ему мой петербургский адрес; быть может, он соберется посмотреть нашу Северную столицу и заглянет ко мне. Признаться, я нехотя исполнила его желание. В горах Кавказа, среди дикой природы этот князь в своем красивом костюме горца подходил ко всему, что окружало нас в эти дни; но в Петербурге, в квартире отца, он показался бы оперным статистом из «Демона» Рубинштейна.

Приехав во Владикавказ (ныне — Орджоникидзе[1]), тетя на следующий день наняла экипаж, заложенный четырьмя лошадьми. На коне первой пары впереди уселся мальчишка-осетин лет 12, он громко трубил в рожок, подъезжая к станциям в горах Военно-Грузинской дороги. Нигде и никогда больше не пришлось мне увидеть такой суровой природы,

[1] Владикавказу-Орджоникидзе в наше время вернули прежнее название Владикавказ.

таких высоких скал и бездонных оврагов; глубоко внизу шумел и пенился Терек. Действительно, как в бессмертном стихотворении Пушкина «Кавказ», он походил на зверя, желавшего вырваться из своей клетки. Через 20–30 верст на станциях меняли лошадей. Подъем от станции на Казбек был труден; я просила тетю переночевать на одной из станций; как-то страшно было ехать в темноте на краю пропасти и, кроме того, не хотелось терять из вида ни одного разрушенного замка на скалах, ни одной сакли, притаившейся в ущелье. На одной из станций мы вдруг почувствовали страшную сырость, холодные капли на лице. Кучер объяснил нам, что мы въехали в облако. Утром мы стали осторожно и медленно спускаться. На станции нам сказали, что где-то произошел обвал скалы. Но все обошлось благополучно; проехали Гудаур, Гори. Вдали засеребрились воды Арагви, мелькнули белые строения Тифлиса.

Инженер Полков встретил нас на почтовой станции города и отвез в гостиницу, где мы остановились на два дня. Тетя очень устала и осталась отдохнуть, а я с нашей спутницей успела осмотреть караван-сарай, местный базар и очень красивое здание музыкальной школы. Дальнейшее наше путешествие в поезде проходило среди диких тропических лесов, болотистых долин Риони — этой древней Колхиды[1] — и вдоль берега Черного моря, волны которого при сумраке наступающей ночи сверкали фосфорическим блеском от массы жучков-светлячков, летающих над водой.

В Батум приехали поздно; тетя, в продолжение всего путешествия стоявшая у раскрытого окна, схватила лихорадку и, опасаясь малярии, два дня пролежала в постели. Было невыносимо жарко, несмотря на близость моря. По улицам нередко проходили закутанные женские фигуры; их лица покрывала паранджа; как бедняжки должны были завидовать нам. Мы вышли на бульвар, примыкающий к морю, с высокими пальмами и магнолиями. Хотелось посмотреть на плантации мандариновых и апельсиновых деревьев, на знаменитый Ботанический сад Аджаристана[2], но время возвращения в Ростов приближалось, тетя беспокоилась об оставшихся на бонну детях. Мы быстро собрались и тем же путем через несколько дней были уже в Ростове.

---

[1] Колхида — древнегреческое название Западной Грузии.

[2] Аджаристан — Аджария.

Дядя передал мне письмо матери и сестры, которая писала мне, что после моего отъезда от Н. Н. из Сибири пришло только одно письмо. Было еще одно письмо из Кисловодска, которое распечатала мама. Письмо было безграмотно с подписью Сандро В., с приложением фотографической карточки. Мама очень сердилась, упрекала меня в легкомыслии и находила, что и тетя поступила легкомысленно, устроив прогулку в горы с незнакомыми людьми. Дядя уговорил меня остаться еще на месяц. Я очень подружилась с ним после возвращения из поездки на Кавказ; рассказала о моем знакомстве на балу с Н. Н., о нашем обоюдном решении по возвращении никогда не разлучаться и жить друг для друга. Пришлось сознаться, что за последнее время мало вспоминала о нем, переживая неизгладимые впечатления нашего путешествия по Кавказу. Больше всего меня удручала мысль о собственном бессилии изменить свою жизнь, найти верный путь, по которому шли многие мои подруги, и не существовать в вечном празднике всевозможных развлечений.

Дядя находил, что институтское воспитание имело много отрицательных сторон. Примером была встреча и знакомство на балу с Н. Н. Быстрое необдуманное решение обоих связать свою жизнь накануне отъезда на неизвестный, или, вернее, весьма продолжительный, срок одного и торжественное обещание другого лица хранить любовь и дружбу до гроба или следовать за ним на изыскания сквозь дебри тайги и тундры. Большим упреком для меня и невольным осуждением моего легкомысленного поступка был рассказ одного молодого инженера О., часто посещавшего дядю и служившего с ним в Городском управлении[1]. Он говорил о своей сестре, которая окончила Ростовскую гимназию, поступила в консерваторию в Москве и была на последнем курсе по классу профессора Шишкина. Не имея знакомых

[1] Инженер О. — Ольденборгер Александр Иванович. Одной из первых работ А. Ольденборгера в Ростове было строительство набережной, потом он работал в Городской управе вместе с Николаем Александровичем Дорошенко. В изданной в 2009 году книге А. Н. Балацкого и В. Ф. Чеснока «История Центрального рынка города Ростова-на-Дону» говорится об их работе в Ростове: «В формировании облика "Старого базара" (так назывался в XIX веке Центральный рынок) принимали участие архитекторы Н. М. Соколов, Н. А. Дорошенко, А. И. Ольденборгер».

в Москве, она устроилась в общежитии, приезжая к родным только на летние каникулы. В последние минуты разлуки дядя посоветовал мне не мечтать о каком-то несбыточном счастье, заняться самообразованием, которое может понадобиться в будущем.

Моими дорожными спутниками были одна супружеская пара и инженер О., ехавший навестить сестру[1]. На вокзале в Москве она встретила его и уговорила зайти к ней до отхода скорого поезда. Мне очень понравилась эта веселая красивая девушка; я провела с ней и ее братом почти целый день и на прощанье, в свою очередь, пригласила их приехать ко мне в Петербург и познакомиться с моими родными.

Вернувшись домой, я с грустью узнала, что после последнего письма из Челябинска никаких известий от Н. Н. получено не было. Ни на бывшей его службе, ни в Главном управлении по строительству дороги о нем сведений не имелось. Мама сделала мне несколько несправедливых упреков по поводу письма Сандро и его фотографии, которую она попросту выбросила, к моему великому сожалению.

Твердо решив переменить свой образ жизни, я усиленно стала заниматься английским языком и, чтобы окончательно умилостивить маму, поступила на пчеловодческие курсы. Я знала, что мама мечтает о приобретении пчел для своего любимого сада, а ухаживать за ними сможет не каждый. Я обещала поэтому, пройдя теоретический курс зимой, летом под наблюдением одного старого пасечника из Шапок уже на практике усовершенствоваться в этой отрасли сельского хозяйства. Свое обещание, торжественно данное маме, я выполнила.

Но моя судьба сложилась через несколько месяцев иначе. Зимой к нам приехала сестра инженера О. От имени брата, почему-то не решившегося поговорить со мной лично, она просила меня согласиться стать его женой. По-видимому, это неожиданное предложение не обошлось без моего ростовского дядюшки, любившего своего молодого сослуживца и недаром так часто приглашавшего его к себе по вечерам после моего возвращения с Кавказа. Я решила сама ответить на его просьбу, переданную сестрой. Не помню, что заставило меня начать длительную переписку с человеком,

[1] Александр Иванович Ольденборгер и его сестра Варвара Ивановна, в замужестве Карлинская.

которого я встретила у дяди и которого знала так же мало, как Н. Н., исчезнувшего неизвестно куда. Писала мне часто и его сестра, которая очень любила своего брата и, по-видимому, очень хотела, чтобы я отнеслась к его чувству серьезно. Осенью он сам приехал к нам вместе с дядей, чтобы узнать мой ответ; после некоторых колебаний я согласилась, и в феврале 1892 года после свадьбы мы в тот же день уехали в Ростов-на-Дону.

1[1]

В 1892 году, после переезда из Петербурга в город Ростов-на-Дону, родину моего мужа, я познакомилась с несколькими семьями — коренными жителями Области Войска Донского[2]. С тех пор прошло много лет, много событий пришлось пережить за это время, но я всегда вспоминала семью Авиловых, их дружеское сердечное отношение ко мне. Татьяна Ивановна Авилова была большой любительницей театрального искусства, умела привлечь в свой гостеприимный дом приезжающих на гастроли артистов и когда-то в молодости сама мечтала о сцене. Во время своих гастролей в Ростове ее всегда посещала известная артистка Малороссийской труппы Заньковецкая, имя которой гремело по всей Малороссии[3]. Лучшие антрепренеры — Саксаганский, Кропивницкий, Садовский — оспаривали право иметь в своей труппе эту замечательную артистку, игру которой сравнивали с игрой Сары Бернар. Во время концертов итальянского певца Баттистини Татьяне Ивановне удалось познакомиться с ним. В разговоре с ней знаменитый артист выразил восхищение кипучей торговой деятельностью Ростова, который напоминал ему американский город Чикаго. Он был тронут широким, чисто русским гостеприимством хозяев города и торжественной встречей, которую ему устроила публика в театре.

---

[1] Эта страничка из рукописи О. В. Ольденборгер начинала главку: «Из моих воспоминаний о Павле Васильевиче Самойлове — заслуженном артисте столичного и провинциальных театров России». Составители распределили эту часть воспоминаний, как и все остальные «странички», — в соответствии с хронологией.

[2] Войско Донское — одно из 11 казачьих войск, существовавших в России в начале XX века.

[3] Малороссия — название Украины в официальных документах царской России начиная с середины XVII века.

Желанным гостем Татьяны Ивановны был Павел Васильевич Самойлов. Она не пропускала ни одного из спектаклей во время его приездов в Ростов. Много рассказывала она мне об этом артисте, о его способности при первом выходе на сцену приковывать к себе внимание зрителя какой-то необыкновенной нервной силой. В его игре не было ничего искусственного, лишнего; при этом он никогда не выдвигал себя на первое место, оставляя в тени других исполнителей. В один из вечеров, когда я зашла к Авиловым, Татьяна Ивановна просила остаться меня на ужин. После театра к ней хотела заехать Заньковецкая, обещал зайти Самойлов. Оба приехали довольно поздно, оба утомленные. После ужина Павел Васильевич оживился; с неподражаемым юмором рассказал он нам, что во время своих гастролей в Харькове после окончания пьесы молодежь выпрягла лошадей из извозчичьих саней и довезла его сама до гостиницы, где он остановился.

С дочерью Татьяны Ивановны — Ниной — я познакомилась по приезде в Ростов, в доме ее тетки-врача. Это была умная, серьезная девушка, которая вследствие хронической болезни не смогла завершить свое высшее образование. Мы скоро стали с ней большими друзьями. Вместе посещали Малороссийскую труппу и театр Асмолова, где, помимо постоянной оперной труппы Джубелини-Рядновой, гастролировали артисты из Петербурга и Москвы.

В 1893 году моя сестра окончила Смольный институт, а через два года и брат — Училище правоведения. Во время моих летних приездов к родителям я с каждым годом замечала, как сильно изменилась жизнь в нашей старой усадьбе. К брату приезжали товарищи, не успевшие получить назначение, у сестры гостили подруги. Одна из них, племянница известного художника Клевера, была невестой кончавшего Военную академию Сережи Рашевского, впоследствии одного из героев Русско-японской войны 1905 года.

Из товарищей брата выделялся своей любовью к естественным наукам Сережа Бутурлин. Мне казалось, что его родители[1]

[1] Отец Сергея Бутурлина — Александр Сергеевич (1845–1916) — родом из известной дворянской семьи. Мать С. А. Бутурлина — Елизавета Михайловна Снитко — происходила из обедневшего дворянского рода.

сделали большую ошибку, отдав его вместо естественного факультета Университета в Училище правоведения. Однажды он рассказал нам, как его отца в 1862 году исключили во время студенческих волнений из Московского университета, как ему пришлось покинуть Москву, не окончив курса, в свое родовое имение в Симбирской губернии[1]; только после нескольких лет, будучи отцом четырех детей, ему удалось вернуться в Москву. В период пребывания в деревне 9-летний Сережа был отдан отцом в 1-й класс классической гимназии города Симбирска, в тот же класс, где начинал свою первоначальную учебу и маленький Володя Ульянов[2].

Отец Сережи, к великому удивлению своих родных, отправив свою жену с детьми в Петербург, снова поступил вольнослушателем на неоконченный много лет тому назад факультет Московского университета.

В 1896 году, приехав ко мне в Ростов по случаю рождения моего второго сына, сестра сообщила мне, что выходит замуж за Сергея Александровича Бутурлина и что ей придется, как и мне, жить вдали от родного Петербурга[3]. Сергей Александрович получил место судьи в маленьком латышском городке Мариенбурге. В этом патриархальном местечке (откуда Петр I когда-то вывез от пастора Мозеля[4] его служанку — будущую императрицу Екатерину I) так тихо протекала жизнь его обитателей, что вряд ли приходилось судить кого-либо. Поэтому Сергей Александрович мог посвятить все свое свободное время любимым занятиям и серьезному изучению естественных наук. Зная хорошо английский язык, он вел продолжительную переписку

---

[1] Симбирская губерния — в настоящее время Ульяновская область.

[2] Учиться в гимназии Сергей Бутурлин начал в 1881 году в Твери, в Симбирскую гимназию Сергей поступил в 1883 году, после переезда родителей в имение его бабушки, Марии Сергеевны Бутурлиной, Белый ключ. Отцу заменили место ссылки в Тобольске на Симбирскую губернию. Мать с детьми приехала из Твери, где она, ожидая окончания ссылки мужа, жила у родного брата.

[3] Венчались Вера Владимировна Маркова и Сергей Александрович Бутурлин в начале 1898 года в церкви Училища правоведения.

[4] Пастор Мозель — у историка Костомарова Н. И и в других источниках речь идет о пасторе-пробсте Глюке, у которого в услужении была Марта Скавронская, будущая русская императрица Екатерина I.

с английскими профессорами-орнитологами. С интересом изучал сочинения наших русских и иностранных натуралистов: Эрнста Хартера, О. Клейна, Шмидта — превосходного знатока птиц.

Зимой 1898 года Павел Васильевич Самойлов выступал в театре Асмолова[1] в «Ревизоре» Гоголя, «Доходном месте» Островского, «Горе от ума» Грибоедова, «Норе» Ибсена, «Уриеле Акосте» Гуцкова, «Коварстве и любви» Шиллера и в «Гибели Содома» Зудермана.

Если игра Самойлова в последней драме произвела на меня более сильное впечатление, чем в остальных его выступлениях, то это произошло от собственного призвания артиста. Он говорил нам, что увлекается живописью. Написал несколько удачных этюдов под руководством академика Крачковского. Но работа в театре была несовместима с желанием быть хотя бы посредственным художником. Насколько я помню, содержание пьесы Зудермана следующее: «Талантливый молодой художник, которому профессор предсказывает блестящую будущность, работает над картиной "Гибель Содома". Она предназначена для весенней выставки и должна быть, как пророчат его товарищи, "гвоздем сезона". По ходу действия художник увлекается светской красивой женщиной. Руководимая одним только чувством тщеславия видеть в своем салоне будущую знаменитость, она дает понять юноше, что любит его». Замечательно тонко провел Павел Васильевич постепенное увлечение героя драмы женщиной иного мира — мира богатых, праздных, беспринципных людей. Он страдает от бессилия вырваться из этой среды, вернуться на старый путь любимого труда. Павел Васильевич показал зрителю всю силу страдания человека, потерявшего намеченную цель жизни. Гибнет талант, исчезло вдохновение творчества. Остается одно — исчезнуть из жизни перед неоконченной картиной.

Творчество Павла Васильевича в период полного расцвета и зрелости являлось образцом русской реалистической школы. В дореволюционное время это была основа, на ко-

[1] Асмолов — известный предприниматель и миллионер Владимир Иванович Асмолов, владелец частного театра в Ростове-на-Дону. В начале XX века славилась табачная фабрика Асмолова.

торой строилась традиция столичных театров; эта традиция передавалась всей нашей необъятной периферии. Задачей актера было на практике проводить идеалистические взгляды на искусство. Павел Васильевич основой своего творчества всегда признавал интуицию и вдохновение. Глубокая правдивость, полнота чувства звучала в словах его, как и полнота разработки характера данного лица. Он всегда избегал преувеличенной приподнятости, когда выражал сильное чувство, чем иногда грешили другие артисты; зрители при его выходе на сцену чувствовали, что именно таким хотел автор пьесы изобразить своего героя.

После отъезда П. В. Самойлова прекратились и наши посещения Асмоловского театра. Как-то сразу почувствовали мы с Ниной, что в нашей однообразной провинциальной жизни есть много недочетов. Хотелось заполнить свободные вечера чем-нибудь интересным. Ограничиться одними хозяйственными хлопотами я не могла, заботам о малолетних детях, играм с ними я посвящала весь день. Но вечера казались мне бесконечно долгими, скучными. Муж, занятый службой, отдохнув после обеда, обычно уходил в клуб, где был избран одним из его директоров. Он неоднократно звал с собой и меня. Но достаточно было два или три раза принять его приглашение, как у меня совершенно пропала охота посещать это заведение. Правда, этот клуб несколько отличался от второго — коммерческого. В последнем собирались торговые люди Ростова-на-Дону. Там совершались торговые сделки и велась крупная карточная игра. Клуб, который посещал мой муж, состоял исключительно из инженеров, врачей, архитекторов и чиновников Государственного банка. Приходили иногда их жены. Они или подсаживались к карточным столам, где «винтили» их мужья, или сидели в ожидании ужина в гостиной и говорили о модах, злобах дня и последних происшествиях в городе.

К счастью, наши желания и мечты с Ниной Авиловой неожиданно исполнились. Две обитательницы Ростова-на-Дону, М. Д. В.[1] и С. Т. Скуба, решили поехать в город Ново-

[1] М. Д. В. — по-видимому, баронесса Мария Дмитриевна Врангель (1857–1944), мать барона, главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Петра Николаевича Врангеля (1878–1928), собирательница материалов по истории русской эмиграции.

черкасск к наказному атаману Святополк-Мирскому за разрешением открыть в Ростове-на-Дону бесплатную народную читальню имени поэта Кольцова. Получив его согласие, они немедленно сообщили эту радостную новость нам. Мы все энергично принялись за дело. Заинтересовали в нашей работе известного миллионера В. И. Асмолова, накупили книг, выписали несколько периодических журналов, напечатали читательские билеты. Меня неожиданно на общем собрании выбрали казначеем, секретарем инженера Омелюстого, а председателем решил быть сам Асмолов. С. Т. Скуба написала об этом событии Павлу Васильевичу Самойлову[1].

Во время его гастролей в Ростове, если его приезд совпадал с открытием навигации Дона, муж Серафимы Терентьевны, Алексей Васильевич, страстный охотник и рыболов, всегда приглашал Павла Васильевича в гирла «Тихого Дона». Там, в густых камышах, при впадении реки в Азовское море, во время весеннего перелета водились бесчисленные стаи диких уток и гусей. С богатой добычей возвращались домой счастливые охотники. Много лет прошло с тех пор, но Павел Васильевич всегда вспоминал с удовольствием гостеприимную семью Скуба. Не помню, ответил ли Павел Васильевич на письмо Серафимы Терентьевны. Но у нас с каждым днем число читателей-рабочих увеличивалось; многие из наших девиц изъявили согласие выдавать книги и дежурить по вечерам. Я часто жалела, что это полезное и интересное дело произошло в 1901 году, за два года до моего переезда с семьей в родной город Петербург.

В 1900 и 1902 годах мужу моей сестры, Сергею Александровичу Бутурлину, удалось побывать на острове Колгуев, в Белушьей губе, в проливе Маточкин Шар на Новой земле[2].

В 1954 году о том, чтобы открыто вспоминать о матери барона Врангеля, и помыслить было нельзя.

[1] Народная библиотека-читальня имени поэта Алексея Кольцова была учреждена в 1897 году.

[2] В 1900 году С. А. Бутурлин летом во время своего отпуска совершает совместно с Б. М. Житковым, зоологом Московского университета, свою первую экспедицию на Север. Летом 1902 года он совершает свою вторую поездку на Север совместно с агрономом И. А. Шульгой и студентом-зоологом М. Н. Михайловским.

К сожалению, я в этот период времени еще жила в Ростове, и только по приезде в Петербург мне удалось попасть на его интересный доклад в здании Министерства внутренних дел. Он привез с собой большую коллекцию птиц — галстучников, присутствие которых он наблюдал также в области Балтийского и Немецкого морей и в бассейне реки Волги. Свою коллекцию он подарил Зоологическому музею, как и добытых им в 1905 году птиц этого рода на Колыме и Индигирке, близ села Походского. Они гнездились внутри великого каменного пояса Верхоянского хребта, то есть в Янско-Колымских тундрах.

После жизни в Мариенбурге[1] сестре с мужем пришлось переехать в эстонский город Везенберг[2], мало отличавшийся по тишине и характеру жителей от первого. Поэтому Сергей Александрович мог спокойно продолжать свою работу, вел большую переписку с нашими натуралистами и орнитологами.

У меня сохранилось письмо Сергея Александровича от 20 августа 1905 года, посланное сестре из Колымского края. Министерство внутренних дел назначило его уполномоченным по снабжению Колымского и Охотского края[3] до декабря 1905 года. Он должен был доехать до Якутска, явиться в канцелярию губернатора и произвести ревизию, так как слухи о растратах и плохом снабжении продовольствием местных жителей дошли до Петербурга. Воспользовавшись этим неожиданным назначением, Сергей Александрович решил все свое свободное время посвятить любимой работе. Конечно, ему пришлось остаться в этих далеких северных краях значительно дольше вследствие возложенной на него затяжной работы. Почта шла очень медленно, а по всей России началось революционное движение, которое докатилось и до отдаленных городов нашей Родины. Сергей Александрович с нетерпением ожидал писем от сестры из Везенберга, но они приходили целыми пачками только через пять месяцев после

[1] Мариенбург (Лифляндия) входил в состав России — город Алуксне (Латвия.)

[2] Везенберг (Эстляндия) входил в состав России — город Раквере (Эстония).

[3] Колымский край — территория на Северо-Востоке России в бассейне реки Колымы. Охотский край — территория России, прилегающая к Охотскому морю.

отсылки. Как трудно было в это время, помимо порученной министерством работы, отдаться любимым орнитологическим поездкам, видно из письма, посланного сестре из села Пантелеиха:

«Я только, что вернулся с юга, с границы тайги, где провел более недели в Пантелеихе, снаряжая караван Шульги к чукчам на Большую реку. (И. А. Шульга – препаратор собранной коллекции птиц). За ним ведь нужен присмотр, как за младенцем, не то он забудет ружье, или спирт, или не захватит провизии. Да и при неудачах он совершенно теряет энергию (например, в Сеймчани – местности высокого интереса – он провел месяц буквально сложа руки). А неудачи были: околела одна из необходимых старых езжалых лошадей; ее пришлось заменить парой двухгодовалых необъезженных, а для молодых нужен лишний человек, а для него опять молодая лошадь. При выезде одна из молодых попала копытом в лицо одному из проводников, другая упала на главного проводника и помяла его, да еще заболел один мой рабочий. Образовался целый лазарет, и мы едва его вычинили. В Пантелеихе оказалась интересная фауна: муравьи, стрекозы, кузнечики почти под 69 градусом северной широты. Влезал на Пантелеевскую сопку, где еще уцелел конур Врангеля, но надпись на кресте исчезла. Под его конуром, пристроив к нему каменную стену от ветра, я ночевал. Теперь здесь уже осень: стайки куликов, уток летят на юг, карликовый березняк тундры стоит весь фиолетово-пурпурный, а ивняк – золотой. Вопреки указаниям, что в Северо-Восточной Сибири есть лишь два времени года: зима и лето с незаметными переходами, я сказал бы, что их здесь три: зима, весна и осень. Сейчас я упаковываю для оказии с десяток ящиков-посылок; затем поеду на неделю на северо-запад к самому морю, к Столбовому камню, где ввиду особенностей местности надо пособирать растения, и я надеюсь закончить наблюдения за розовой чайкой. Затем поеду на запад на «Горловой» промысел, также на неделю, и еще надеюсь, вернувшись и все уложив, попасть водою на Святой к Сухарному, на осенний промысел, оттуда поеду уже на собаках по зимнему пути к дому. И. А. Шульга вернется в Колыму в начале сентября и водою уже направится к Верхне-Колымску и далее на реку Нелемную к зимовью

юкагирей; мы с ним увидимся только в середине октября в Верхне-Колымске. Всего теперь моя орнитологическая коллекция насчитывает 1800 нумеров, но до Петербурга с Алтайскими сборами она дойдет до трех тысяч. Сухих насекомых мною лично собрано около тысячи, да кроме того, для меня много собрали и в Среднем Колымске (папин товарищ Попов и его жена), около сотни млекопитающих, кроме того, камни, почвы, растения, рыбы и т.п. В общем, сборы будут интересные...»

В Сергее Александровиче сосредоточивалась необычайная энергия и любовь к научной деятельности, которой он посвятил всю свою жизнь. Он мало заботился о своем здоровье; приходилось на Новой Земле часто спать на снегу в меховых мешках. Да и в Сибири во время продолжительных переходов, при остановках в лесу, в болотистой тундре, отдых для усталых путников был мучителен, особенно в весеннее время от бесчисленных роев мошкары — гнуса, этого бича наших северных областей.

После возвращения в Москву[1] Сергей Александрович покончил со своей работой в Везенберге. Сестра переехала в Петербург и поместила своего маленького сына в младший класс Училища правоведения; она очень любила мужа, интересовалась его научными работами, но вечное одиночество в маленьком эстонском городке, отсутствие родных и знакомых сильно огорчали ее. В Петербург в 1903 году переселилась и я с мужем; вся наша семья заставила ее на время забыть печальные дни вынужденного одиночества. Сергей Александрович писал из Москвы, места своего назначения, о возможности принять участие в новой экспедиции на Север...

[1] В 1905 году С. А. Бутурлин был в Москве проездом. В Везенберге С. А. Бутурлин служил и во время Первой мировой войны, оставаясь там до последней возможности (1918), он только переправил основную часть коллекции птиц, научную библиотеку, рукописи и архив к друзьям в Симбирскую губернию, подальше от театра военных действий. Но это не помогло уберечь материалы тридцатилетнего труда. При национализации имения Кротковых ящики с научными материалами и книгами были изъяты и отправлены в распоряжение Карсунского уездного отдела народного образования. Дальнейшая судьба их была неизвестна. Только после смерти С. А. Бутурлина выяснилось, что часть архива и библиотеки все-таки уцелели.

Вспоминаются мне годы, проведенные сестрой с маленьким сыном Сашей[1] в Везенберге; однообразная жизнь среди эстонского населения, одинокие прогулки в окрестности городка, где сохранились руины древнего рыцарского замка, долгое ожидание запаздывающих писем от мужа с далекого Севера[2].

Наконец, возможность переезда в родной Петербург и поступление сына в Училище правоведения, где когда-то учился его отец[3]. В этот период в жизни сестры происходит перелом. В семье родных она снова встречает человека значительно старше себя, человека, имя которого знает вся учащаяся молодежь нашей страны дореволюционного периода, — Алексея Алексеевича Ильина. Говорят, что продолжительная разлука убивает чувство любви, но чувство уважения к Сергею Александровичу, интерес к его работам в области орнитологии остаются у сестры навсегда. К тому же уверенность, что он сумеет создать себе новую семью в лице молодой девушки[4], давно любившей его, решает

---

[1] Саша — Александр Сергеевич Бутурлин — родился осенью 1898 года, сын С. А. Бутурлина и В. В. Марковой.

[2] Поначалу семейная жизнь Веры Владимировны и Сергея Александровича складывалась хорошо. Подрастал сын Сашок. Вера Владимировна помогала мужу в научных трудах, иногда вместе с ним охотилась. Но постепенно нарастало взаимное недовольство. Вере Владимировне не нравились длительные экспедиции мужа на Север, а Сергею Александровичу не нравилось оказываемое на него по этому поводу давление. Друзья стали замечать семейный разлад. В 1901 году С. А Бутурлин собирался уехать с Житковым на целый год на Новую Землю и поделился своими планами с Н. А. Зворыкиным. Ответное письмо Зворыкина заканчивалось словами: «...поклон Вере Владимировне. А ведь она не пустит тебя на Новую Землю?!» Экспедиция действительно не состоялась скорее по иным причинам, но охлаждение между супругами нарастало. К 1912 году брак Бутурлиных окончательно распался, но ради сына они сохранили дружеские отношения.

[3] В списках Императорского училища правоведения С. А. Бутурлин числился как Бутурлин-первый, его брат Валериан — как Бутурлин-второй, а его сын Александр — как Бутурлин-третий.

[4] Вторая жена С. А. Бутурлина — латышка Амалия Зарс, с которой он познакомился в Везенберге. Во втором браке у Бутурлина было два сына. Старший — Константин, 1914 года рождения,

и дальнейший жизненный путь сестры. В лице Алексея Алексеевича, потерявшего жену и детей, сестра находит чуткого, любящего друга[1].

и младший — Александр Сергеевич Бутурлин, 1924 года. Младший, вероятно, был назван Сашей в память о погибшем первенце, сыне от первого брака с Верой Владимировной Марковой.

[1] Первая жена А. А. Ильина, Екатерина Михайловна Ильина, урожденная Безак, умерла в 1911 году. Сыновья — Александр Алексеевич (1885–1935) и Алексей Алексеевич (1885–1952) — участники Белого движения, эмигрировали после революции за границу. Оба сына А. А. Ильина последние годы жизни жили в США.

ГЛАВА 4

Возвращение в столицу
Санкт-Петербург и имение «Александровка»
Детские и юношеские годы сыновей
Русско-японская война
Первая русская революция
1903–1914

Наша семья переехала в Петербург осенью 1903 года[1], когда в Ростове-на-Дону происходили стачки рабочих. Бастовали железнодорожники, к ним примкнули рабочие многочисленных заводов. В пригородной рабочей слободе Нахаловке, где ютилось большинство рабочего люда, на берегах маленькой, густо поросшей камышами речки Темерник, в отдаленном парке бывшего армянского монастыря, везде находились скрытые от полиции уголки, где происходили митинги. Муж говорил, что борьбой рабочих руководит Донской комитет Социал-демократической партии[2] и что, по его мнению, недалек тот час, когда эта борьба охватит весь юг.

Что касается до моего родного города, на который он променял свою родину, то новая ответственная работа, необходимость частых выездов в окрестности не давали ему времени глубже вникнуть в то, что происходило у нас не только среди рабочих Петербурга, но и в стенах высших учебных заведений. В Губернской управе, где начал свою новую службу муж, в дорожном отделе организовалась группа «Освобождение»[3]. Несмотря на уговоры сослуживцев

---

[1] Возможно, неточность в дате переезда. Массовая стачка в Ростове-на-Дону была в ноябре 1902 года.

[2] Социал-демократическая партия — Российская социал-демократическая рабочая партия, положившая начало Коммунистической партии Советского Союза (1898–1991).

[3] Группа «Освобождение» — группа «Союза Освобождения» — нелегального политического объединения либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Освобождение». Союз был создан в 1904 году, действовал в контакте с Союзом земцев-конституционалистов. Члены Союза составили ядро партии кадетов.

примкнуть к ней, муж, будучи новичком в малознакомом ему обществе, отказался, не понимая целей, которые преследовали ее члены. Впоследствии эта группа организовала партию кадетов[1]. Только значительно позже, во времена III Думы[2], он записался в партию трудовиков[3], партию крестьянских масс и рабочей демократии.

В 1903 году мне снова пришлось встретиться на одном концерте с П. В. Самойловым; он познакомил меня со своей женой Варварой Александровной и, узнав, что его отец Василий Васильевич бывал много лет назад в усадьбе моего отца, изъявил желание познакомиться также и с моей семьей. Моим родителям при первой встрече с Павлом Васильевичем пришлось подробно рассказать о приездах его отца к ним зимой на медвежью охоту. Я была в те времена восьмилетним ребенком, но хорошо помню красивого высокого старика и его интересные охотничьи рассказы. Отец Павла Васильевича был в те времена одним из лучших драматических артистов Александринского, ныне — Пушкинского, театра. В свободное от работы время он занимался живописью и в своей квартире на Стремянной улице[4] устроил специальную мастерскую, где на стенах висели многочисленные этюды его работы. Павел Васильевич унаследовал от отца и любовь к театру, музыке и живописи. Поэтому Павлу Васильевичу понравилось, что в наш тихий уголок приезжают артисты и художники.

Особенно его заинтересовало пребывание Петра Ильича Чайковского в нашей усадьбе. По его желанию отец подробно рассказал о давно минувшем событии 1851 года.

---

[1] Партия кадетов — Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы, кадеты) — одна из основных политических партий в России начала прошлого века, создана в декабре 1905 года. Запрещена после 1917 года.

[2] III Дума — 3-й созыв Государственной Думы Российской империи (1.11.1907–9.6.1912).

[3] Партия трудовиков — Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) — создана в 1906 году. После поражения революции 1905–1907 годов распалась, возродилась в 1917 году. Запрещена в 1918 году.

[4] В настоящее время в доме на Стремянной располагается Музей-квартира актерской династии Самойловых.

Примечание автора

Из воспоминаний моего отца:

«По документам, хранящимся в архиве Музея имени покойного композитора в городе Клину Тверской губернии (Т. 1. С. 68. 1840–1877), и по собственным воспоминаниям могу рассказать следующее:

Муж моей сестры Марии Петровны, Платон Алексеевич Вакар, был знаком с семьей Чайковских. Когда Илья Петрович Чайковский получил назначение в Алапаевск[1] и переехал туда с семьей, он оставил на попечение своего друга, Модеста Алексеевича Вакара, двух своих сыновей: Николая, учившегося в Горном институте, и Петю, поступившего в младший класс Училища правоведения. Вскоре Модест Петрович покинул Петербург и переселился с семьей в город Каменец-Подольск. Заботу о маленьком Пете взяли на себя Мария Петровна и Платон Алексеевич Вакар, брат Модеста Алексеевича. Будучи чрезвычайно добрым и отзывчивым человеком, он принял горячее участие в судьбе маленького одиннадцатилетнего Пети. Мальчик тяжело переживал разлуку с семьей, но сердечное отношение Вакара значительно облегчало его тоску. Обстановка вне училища была несравненно отраднее; никакие тяжелые случайности не омрачали ее. О том, как хорошо было жить обоим братьям у Платона Алексеевича, можно судить по письму сына к отцу: *«Какая веселая неделя. Праздников куча. Платон Алексеевич и Мария Петровна так добры, что нельзя выразить»*.

Особенно участливо к Пете отнеслась в это время (1851 год) моя матушка — Любовь Александровна Маркова, рожденная Дубянская. Она была правнучкой Федора Яковлевича Дубянского — одного из образованнейших людей при дворе Елизаветы Петровны, дочери Петра I. По распоряжению императрицы в 1741 году ему были дарованы земли в Шлиссельбургском уезде. С тех пор в старой усадьбе проживали потомки Дубянского, и последняя из них — моя мать.

В начале июня 1851 года она увезла Петю Чайковского с собой в деревню; ее усадьба «Александровка» находилась недалеко от Петербурга[2]. Эти два месяца, проведенные в деревне, по словам Модеста Ильича Чайковского (Т. 1. С. 68), были отраднейшими за этот год в жизни Петра Ильича. *«Вы не можете себе представить,* — писал Петя, — *как я весело провожу вре-*

---

[1] Алапаевск — город на Урале, в настоящее время в Свердловской области.

[2] В большинстве работ, освещающих этот период жизни Петра Чайковского, допускается неточность — имение «Александровка» называют имением Вакаров или Вакаров-Марковых, тогда как оно всегда принадлежало Дубянским-Марковым.

мя. Эта деревня так красива. Окрестности восхитительны. Расположена она на холме, против нее аллеи, ведущие к озеру, в котором много рыбы, налево от аллеи птичник. С другой стороны дома сад, за этим садом большая аллея, ведущая в рощу. С другой стороны дома маленькая деревня Надино. Вдали видна церковь, где похоронен папа г-жи Марковой Александр Яковлевич Дубянский».

Самойловы любили деревенскую жизнь и охотно приняли предложение моего отца провести лето в его старой усадьбе. Мне казалось, что Павлом Васильевичем руководило больше желание заняться охотой и рыбной ловлей, — занятия, которые он так любил во время поездок в Ростов.

Семья Самойловых поселилась на большой даче на берегу озера, и с тех пор в продолжение 12 лет они приезжали в усадьбу родителей. Этот период их жизни был интересен и для всей нашей семьи.

Красивая холмистая местность, бесконечные леса, озера, а главное — полная тишина и покой привлекали многих художников в наши края. Академик Н. А. Сергеев[1] запечатлел навсегда наше Долгое озеро в своих прекрасных картинах «Тучка» и «Буря на озере». Они были приобретены Третьяковской галереей в Москве, а этюд к одной из них художник подарил моему отцу. Посетители «Мюссаровских понедельников»[2] — художники Ф. П. Ризниченко

[1] В те годы художник Н. А. Сергеев еще не был академиком. Николай Александрович стал академиком пейзажной живописи в 1910 году.

[2] «Мюссаровские понедельники» были основаны по инициативе тайного советника Е. И. Мюссара. До 1912 года назывались Обществом для оказания помощи семействам художников; общество имело благотворительный характер, состояло из художников, меценатов и любителей искусства. Членами общества были Альберт Николаевич Бенуа, В. П. Верещагин, А. В. Ганзен, Н. И. Кравченко, И. Е. Крачковский, К. Я. Крыжицкий, А. И. Куинджи, Л. Ф. Лагорио, В. В. Матэ, Н. К. Рерих, М. С. Судковский и др. Проводились еженедельные собрания по адресам: Английская набережная, 6, Галерная ул., 33, Невский пр., 24, в Соляном городке и других местах. Свое название «Мюссаровские понедельники» получили после смерти своего основателя Мюссара (1896). На них устраивались совмещенные сеансы рисования, художественные лотереи, концерты с участием артистов оперы, балета и драмтеатров. Особую

и А. Н. Степанов — подолгу гостили в нашей гостеприимной семье. С утра до вечера с красками и мольбертами они уходили на свою интересную работу.

Павел Васильевич, глядя на них, сам снова увлекся живописью. Он написал несколько этюдов, настолько удачных, что они были приняты на выставке петербургских художников.

Павел Васильевич любил нашу молодежь, и она платила ему тем же. Вечерами, когда спадала жара, он часто, несмотря на свой возраст, принимал участие в играх детей; на широкой площадке, усыпанной песком, сражались в городки, крокет или тенес[1].

Иногда собирались на даче художницы-портретистки Екатерины Сергеевны Кавос-Зарудной[2]. Портреты Павла Васильевича Самойлова и Веры Федоровны Комиссаржевской, написанные маслом в ее собственной мастерской, хранятся в Театре имени Пушкина.

Павел Васильевич с обычным мастерством читал собравшейся молодежи рассказы Чехова, и это чтение доставляло огромное удовольствие всем слушателям. Иногда под аккомпанемент гитары или рояля Павел Васильевич своим мягким красивым баритоном пел с исключительным чувством романсы Чайковского, Глинки, Танеева и многих других композиторов. Действительно, про него можно сказать, что он соединил в себе гений артиста, талант художника и обаяние певца.

Свободное от гастролей в провинции время семья Самойловых иногда проводила за границей. Природа Италии, близость Средиземного моря укрепляли всегда расшатанное после усиленной театральной работы здоровье Павла Васильевича; он возвращался всегда после таких поездок бодрым,

---

популярность концерты приобрели в 1910-х годах, став заметными событиями культурной жизни Санкт-Петербурга. Собранные средства поступали в Фонд подержания недостаточных художников и их семей. Деятельность общества прекратилась после 1917 года.

[1] Тенес — так в авторском тексте; теннис (лаун-теннис) появился в России в 1870-х годах.

[2] Е. С. Кавос-Зарудная была знакома с художником А. А. Рыловым, не исключено, что именно от нее он узнал о природных красотах Шапкинской волости. Здесь он написал картины «Домик в Шапках», «Дорога в Староселье», «Стог».

обновленным, привозя с собой несколько десятков маленьких этюдов окрестностей Ливорно, Сорренто с их белоснежными виллами на фоне синего южного неба. Он очень радовался своей удачной работе и похвалам товарищей-художников. На весенних выставках они быстро раскупались публикой, и я часто жалела, что заранее не успела взять на память маленького итальянского мальчика на берегу Средиземного моря — этюд приобрел один артист. Отец Павла Васильевича был незаурядным художником; очевидно, что этот талант передался и сыну.

Зимние месяцы, кроме ежедневной работы в театре, проходили в участии во многих концертах, где помимо чтения Павел Васильевич выступал в мелодекламации с известным старейшим аккомпаниатором Петербурга Михаилом Тимофеевичем Дуловым. До сих пор вспоминаются выступления этих спаянных в одно целое словами и мелодией артистов. Буря аплодисментов встречала выходивших на бесконечные вызовы Самойлова и Дулова, имена которых навсегда сохранятся в памяти старого Петербурга.

Мне не пришлось видеть Павла Васильевича на сцене Александринского театра, где он играл с Марией Гавриловной Савиной. Пробыл он в этом театре недолго.

В 1904 году Вера Федоровна Комиссаржевская организовала труппу артистов, в числе которых работал и Павел Васильевич Самойлов. Спектакли происходили в помещении «Пассажа»[1], театр считался одним из передовых театров того времени. Пьесы А. М. Горького «Дети солнца», «Дачники» стали выражением политического подъема в России. Павел Васильевич говорил мне, что часть сборов поступала в фонд рабочих, пострадавших во время забастовок, и в помощь политзаключенным.

Наша семья брала ложу в театре, в котором П. В. Самойлов выступал в 1905 году с В. Ф. Комиссаржевской. Можно сказать, что мы побывали на всех представлениях.

Зимой 1904 года я часто посещала симфонические концерты благодаря моему другу Е. М. С-ой, служившей врачом в филармонии. В этом прекрасном здании, где выступали

[1] Сейчас здесь находится Драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской.

наши русские и иностранные артисты, постоянным аккомпаниатором был крупнейший артист музыкального сопровождения — Михаил Тимофеевич Дулов.

Мои воспоминания о Михаиле Тимофеевиче Дулове, этом исключительно талантливом артисте-аккомпаниаторе, относятся к довольно продолжительному времени, с 1903 по 1948 год, год его смерти[1].

Познакомилась я с ним на даче Павла Васильевича Самойлова[2], проводившего с семьей летние месяцы в усадьбе моего отца. Зимой они оба выступали на концертах в мелодекламации и всегда имели огромный успех у публики; мне казалось, что если бы Павел Васильевич выступал с другим аккомпаниатором, то не смог бы достигнуть такого совершенства исполнения.

Нашему небольшому обществу, особенно молодежи, очень хотелось услышать хоть одну мелодекламацию[3], но никто не решался попросить об этом артистов; оба приехали отдохнуть после утомительного зимнего сезона, забыть на время нервную жизнь эстрадных выступлений. К тому же наш старый рояль неизвестно какой фирмы давно забыл о существовании настройщика. Михаил Тимофеевич, взяв несколько аккордов, произнес свой строгий приговор: «Не все хорошо, что старо». Мне хотелось заступиться за старого друга, отслужившего столь долгий срок.

В детстве я прилежно разучивала на нем гаммы и этюды. 12 лет тому назад у нас устраивались «музыкальные утренники». Живший на даче по соседству с нами профессор консерватории Людвиг Францевич Бем приезжал со своей скрипкой. Старый ветеран оркестра итальянской оперы Иллиодор Васильевич Лидин приносил валторну. Им прекрасно аккомпанировала моя двоюродная сестра. С большим удовольствием в таком исполнении слушали

---

[1] Этим абзацем начинается в рукописи О. В. Ольденборгер главка «Михаил Тимофеевич Дулов»; как и другие «странички» рукописи, эта главка разбита составителями на «странички» в хронологическом порядке.

[2] Кроме большого зимнего дома в усадьбе «Александровка», были летние дачи на берегу озера Долгого.

[3] Мелодекламация — чтение стихов или прозаического текста в сопровождении музыки, жанр был очень распространен в конце XIX — начале XX века.

мы Крейцерову сонату Бетховена, скрипичный концерт Генделя, сонаты Брамса, а на валторне — итальянские оперные арии и романсы. Быть может, наш рояль звучал по-другому, когда много-много лет тому назад к моей бабушке приезжал Петр Чайковский[1].

Я уже не хотела сослаться на Павла Васильевича, который очень часто и в настоящее время подходил к роялю. Аккомпанируя себе сам, он пел своим красивым баритоном (смотря по настроению) или грустный романс на слова Надсона «Я б умереть хотел на крыльях полуночи, в красивом полусне, навеянном мечтой...» или, взяв несколько бравурных аккордов, исполнял Сибирскую песню колодника «Пропал я мальчишечка, пропал я навсегда...»

Михаил Тимофеевич Дулов рассказал нам, что, окончив консерваторию по классу скрипки у профессора Краснокутского, он как-то встретил в зале Антона Рубинштейна; в то время знаменитый пианист был директором консерватории. Однажды он услышал игру Михаила Дулова на рояле и при встрече высказал ему сожаление, что он выбрал своей специальностью скрипку, а не рояль.

Будущая деятельность Михаила Тимофеевича действительно оправдала пожелание Рубинштейна. Репертуар Дулова был огромен: его музыкальность, умение исполнять с листа ставили Михаила Тимофеевича в ряды выдающихся мастеров музыки. Как я узнала впоследствии, он, несмотря на свой громадный опыт, постоянно работал над повышением своей квалификации. Несколько часов ежедневной игры на рояле — это был закон, установленный для себя еще с институтской скамьи и с тех пор неизменно им соблюдаемый.

---

[1] Пребывание Петра Чайковского в усадьбе Любови Александровны Марковой в тот далекий 1851 год у местных жителей окружено многочисленными легендами. Вот две из них. «Великий композитор П. И. Чайковский под детским впечатлением от лесов, окружающих Долгое озеро, написал такие строки:

О ландыш! От чего ты радуешь так взоры?
Другие есть цветы, роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры, –
Но прелести в них нет таинственной твоей...»

«А еще старожилы говорили, что П. И. Чайковский, когда писал свой балет "Лебединое озеро", представлял наше Долгое озеро».

Наступила зима. В Петербурге начался сезон концертов, художественных вечеров, выставок.

Мой отец, знакомый с поэтом Яковом Полонским[1], часто после его смерти посещал по пятницам вечера, устраиваемые в память мужа его вдовой, Жозефиной Антоновной. Но занятый службой, отец вскоре передал мне свой членский билет, и я стала с удовольствием бывать на этих интересных собраниях. Помимо музыкальных исполнений артистов оперы под аккомпанемент Дулова, часто выступал Кони; с обычным своим мастерством он делился с нами воспоминаниями о Тургеневе, Толстом, с которыми был знаком лично. На этих собраниях за чашкой чая и бутербродами все чувствовали себя просто, непринужденно, по-семейному.

Интересны были также вечера у художников, известных под названием «Мюссаровских понедельников». Я давно слышала о них от одного артиста Мариинского театра (ныне — Кировского театра[2]). Можно было сказать, что хотя во главе общества художников председателем был известный академик-акварелист Альбер Николаевич Бенуа, душой собрания всегда оставался Михаил Тимофеевич Дулов. Он приглашал на эти вечера артистов драмы и оперы императорских театров, которые всегда охотно откликались на его просьбу. До начала концерта, пока собиралась публика, художники писали этюды, им часто позировали натурщики. При первом звонке в большом зале расставлялись стулья, и через несколько минут студия превращалась

[1] В Комитете цензуры иностранной под руководством председателя комитета, действительного статского советника и поэта Федора Ивановича Тютчева трудились среди нескольких десятков служащих поэты Яков Полонский и Аполлон Майков, а также Платон Вакар, муж старшей сестры В. П. Маркова. Вероятно, благодаря П. А. Вакару и состоялось знакомство В. П. Маркова с Я. П. Полонским.

После смерти Якова Полонского его вдова и сын при участии друзей поэта основали в его память кружок под названием «Пятницы Полонского». Жозефина Антоновна Полонская была почетной хозяйкой и непременным членом совета этого собрания. Вечера пользовались неизменным успехом.

[2] Мариинский театр в советское время назывался Государственным академическим театром оперы и балета (ГАТОБ), а с 1935 года — ГАТОБ имени С. М. Кирова, или просто Кировским театром.

в концертный зал. За рояль садился Михаил Тимофеевич и несколькими аккордами возвещал о начале концерта. Труд приехавших артистов всегда вознаграждался: художники преподносили своим талантливым друзьям картины своей работы — картины, которые могли бы быть украшением любой выставки. Подписи на них говорили сами за себя. Имена академиков Бенуа, Маковского, Рундальцева, талантливых художников Ризниченко, Степанова, Муравьева и многих других навсегда останутся в памяти многих любителей живописи. По окончании концерта хозяева приглашали артистов на ужин. Часть публики присоединялась к большому столу художников и артистов, некоторые устраивались отдельно за небольшими столиками.

Немало было работы на этих вечерах у Михаила Тимофеевича. Помимо нескольких часов за роялем, он помогал художникам в выборе картин для артистов. После ужина при содействии энергичного итальянца Бартоло Чекато он устраивал аукцион картин, пожертвованных художниками в пользу недостаточных товарищей по искусству. Удивительный человек был этот Чекато, высокий, суетливый, вечно выступающий на всех вечерах с одной только арией «Figaro si, Figaro la», большой знаток живописи, он имел в своей квартире целый склад картин с подписями известных художников и умел как-то быстро распродавать их. Жена его, русская, не вмешивалась в торговые дела мужа. В 1914 году они оба уехали в Тироль — родину его отца. Один из моих знакомых высказал предположение, что все картины, находящиеся у Чекато, были только копиями подлинных и продавались баснословно дорого. Очень ловким дельцом был этот Фигаро!

Памятна осталась мне зима 1904–1905 года, когда я работала по вечерам в Бюро по отправке книг в действующую армию[1]. Книги предназначались исключительно для нижних чинов, и меня удивляло, что они предварительно просматривались каким-то чиновником. Состав посылаемой литературы меня крайне поразил, как и моих двух

[1] Действующая армия — армия, находившаяся на театре военных действий на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны (1904–1905).

сотрудников, служивших в Губернском земстве. «Четьи Минеи»[1], «Жизнь преподобного Сергия», «Серафим Саровский». Попадались старые, довольно потрепанные учебники, пожертвованные школьниками, в лучшем случае — сочинения Жюля Верна или Майн Рида. Но в некоторых книгах среди пропущенных строгой цензурой страниц мы увидели забавные открытки-карикатуры: на Куропаткина, везущего за собой вагон с иконами; Стесселя, едущего на фронт с коровой; адмирала Небогатова среди моря, стоящего в маленьком, из бумаги сделанном суденышке с надписью: «Еду, еду не свищу, а наеду — сдамся»; Победоносцева, задумчиво склонившего голову, вокруг которой вьются черные мухи, а внизу открытки — слова поэта Апухтина: «Черные мысли, как мухи, весь день не дают нам покоя»; и, наконец, весьма схожее изображение артистки французской труппы на коленях Великого князя, в окно видно зарево пожарища. Должно быть, целью посылаемых подобных открыток было желание дискредитировать поведение начальства и высших сановников в тяжелые годы Русско-японской войны.

Поехав осенью в деревню, мы с сестрой Верой собрали адреса фронтовиков деревни Староселье, написавших письма своим родным с мест действующей армии. Уложили мы большое количество теплых вещей, табаку, чая, сахара отдельными посылками и послали их осенью 1904 года по назначению. Не помню, сколько прошло времени со дня отсылки вещей, но в декабре 16 числа я неожиданно получила письмо, которое чрезвычайно растрогало меня. Я сохранила это письмо простого русского солдата — моего земляка, оторванного от семьи, родной деревни, не знающего, за что и за кого он должен был проливать свою кровь на чужой земле. Он написал мне: *«Многоуважаемая Ольга Владимировна, не могу я выразить моей благодарности за все прекрасные и приятные сердцу солдата подарки, получил я от вас посылочку 10 октября и не знаю, как вас благодарить, и не могу подумать и представить себе, что это нашелся за человек, который вспомнил про меня забытого всеми человека. Никогда не ожидал, не думал про такую радость, вдруг я имел счастье видеть все удовольствие*

[1] «Четьи Минеи» («Чтения ежемесячные») — сборники «Житий святых», составленные по месяцам.

солдата, и удалось к тому случаю, что у нас у всего полка не было ни табачинки, а табачок на войне дороже денег и слаще хлеба. Даже вам молили здоровья не один десяток солдат, потому как я вам описываю, ни у кого табаку не было, и я, конечно, поделился и также очень благодарю за ваши теплые вещи, шарфик и рубашки, которые будут пригревать мое тело до конца войны или моей смерти. Не могу нарадоваться этой загадочной посылке, потому что не знаю и не могу припомнить этого милого человека, который вспомнил про меня. Еще многоуважаемая Ольга Владимировна, прошу вас в таком случае, если не будет моя просьба для вас противной или трудной, отпишите мне, почему и как вы узнали мой адрес и как вы знакомы со мной, я не могу себе представить этого таинственного человека по фамилии.

Филипп Николаевич Майоров. Действующая армия. Артиллерийская парковая бригада 2-ой парковый взвод».

Мой земляк не мог вспомнить меня, ведь я носила фамилию мужа, да и не все ли равно это было. Снова послала ему табак, присоединив к посылке дедушкин полушубок, но ответа на этот раз не получила. Родные из деревни Староселье по окончании войны наводили о нем справки: он был убит при отступлении наших войск под Мукденом, где царская армия потеряла 120 тысяч убитыми и ранеными.

В декабре мы узнали о падении крепости Порт-Артур и о смерти от разрывного снаряда одного из талантливейших инженеров адъютанта генерала Кондратенко — Сергея Рашевского, еще недавно приезжавшего перед началом войны в нашу усадьбу с молодой женой. Много лет прошло с тех пор. Его дочь[1] в настоящее время принадлежит к выдающимся артистам Театра имени Пушкина.

Событие, происшедшее 9 января 1905 года, навсегда сохранится не только в памяти его участников — рабочих петербургских заводов, но оставит неизгладимый след в памяти подрастающего молодого поколения.

[1] Старшая дочь Сергея Александровича — Наталья Сергеевна Рашевская — известная актриса и режиссер. Народная артистка РСФСР. Сценарист и режиссер фильмов «Кортик», «Отцы и дети», «Достигаев и другие».

Вечером 8 января к нам зашел Федор Леонтьев, знакомый крестьянин из деревни Староселье Шапкинской волости, работавший уже два года на Путиловском заводе. Он рассказал нам, что 3 января его товарищи объявили забастовку, требуя от правительства 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, улучшения условий труда и их быта. Администрация на все предыдущие заявления отвечала отказом. В знак протеста и солидарности с путиловцами[1] уже 7 января объявили забастовку и другие заводы. Забастовали водопроводы, типографии и конки.

Наконец, забастовщики решили идти к Зимнему дворцу, где в это время должен был быть царь, лично подать ему петицию о рабочих нуждах, у него одного искать помощи и защиты прав рабочего класса. «Мы все были уверены, — говорил Федя, — что правительство скрывает от царя тяжелые условия нашей жизни». «Несколько дней тому назад к нам на завод, — продолжал он, — явились два агитатора, они старались нас удержать от нашего решения, говорили, что такая затея бесполезна, бессмысленна. Но наши товарищи им не поверили, хотя до некоторых доходили слухи, что в случае нашего выступления нам преградит дорогу полиция. Говорили нам также, что город будет разделен на участки, у мостов, на Невском, на Казанской площади, у Зимнего дворца хотят поставить войска». «Должно быть, для порядка», — решил Федя. Я просила его зайти к нам на следующий день или 10-го утром сообщить о результатах поданного царю прошения.

Утром 9 января[2] к нам забежал в овчинном тулупе и меховой шапке-ушанке знакомый правовед старших курсов Гвоздаво-Голенко и сообщил, что шеф училища принц Ольденбургский приказал в этот день ни одного из воспитанников из училища не выпускать, в городе ожидаются крупные беспорядки, вызваны войска. С трудом он уговорил дворника одолжить ему шубу и шапку, чтобы незаметно выйти

[1] Путиловцы — рабочие Путиловского (в советское время — Кировского) завода.

[2] 9 января 1905 года получило название «Кровавого воскресенья». Правительственными войсками было расстреляно мирное шествие рабочих, в шествии участвовало порядка 140 тысяч человек. По официальным данным, было убито 96 и ранено 330 человек, по данным прессы, убитых и раненых было около 4,5 тысяч. Трагедия стала началом Революции 1905–1907 годов.

из училища. Хотел предупредить родных и близких о «грозящей опасности».

После его ухода возвратилась из булочной наша кухарка. Она рассказала, что по Загородному проспекту по направлению к Гороховой улице идут толпы рабочих. 9 января — день моего рождения. Я обычно праздновала его в кругу родных и знакомых; несколько телефонных звонков предупреждают, что приехать гости сегодня не смогут, затем телефон, очевидно разобщенный, умолк. Подробности о происшедшем мы узнали только на второй день вечером.

Я не стану повторять того потрясшего душу рассказа, который пришлось нам услышать от измученного и поседевшего за эти два дня Феди — очевидца происшедшей на площади Зимнего дворца кровавой бойни, расправы над беззащитными, безоружными людьми. Никогда я не видела этого скромного тихого человека в состоянии такого озлобления, жажды мщения за погибших товарищей. Невольно у меня возник вопрос: «Почему при встрече с вооруженной полицией, услышав приказ: "Назад, стрелять будем!", ваша демонстрация не пошла обратно?» «Мы видели, что за солдатами стоят полицейские... Мы думали, что власти послали их для порядка, никому и в голову не приходило, что свой брат крестьянин-солдат на тебя оружие поднимет. Жандармы приказали: "Стреляй или пулю в лоб получишь!" А у солдат наших тоже надежда была: царь-батюшка наделить землей обещал».

Наступило тяжелое молчание. Я смотрела на сидевших с нами детей. Слезы так и застыли в глазах моего 9-летнего Александра, на побледневшем лице 11-летнего Владимира затаилась глубокая печаль. Глядя на своих мальчиков, мне казалось, что кончилось их безмятежное детство, наша подрастающая молодежь навсегда сохранит в памяти эти мрачные дни. Рано или поздно царизм падет. На смену обещаниям крестьянину, обремененному непосильным трудом рабочему придет новое поколение, оно завоюет право на лучшую жизнь для всего многострадального русского народа.

Была ли я права? Покажет будущее. В эту ночь я не могла заснуть — все припоминала рассказ Феди, потом почему-то вспомнилась наша деревня, тихий летний вечер, дядя Коля, брат матери, читает стихотворение «На распутье». Я помню его наизусть.

На распутье

Мы стоим на распутье... Куда нам идти?
Позади ничего не осталось.
На суровом и трудном житейском пути
Нам свободная мысль не встречалась.
Но мы видели дикий и злой произвол,
Тяготевший повсюду, от века;
Мир путем роковым к заблуждению шел,
Человек угнетал человека.
Мы стоим на распутье. Идти ли вперед?
Что нас ждет впереди? Мы не знаем...
Но мы верим, что солнце свободы взойдет,
Так давно мы его ожидаем.
Долг того, у кого бьется сердце в груди,
Принести облегчение людям
О, вперед же друзья! Чтобы там впереди
Нас ни ждало, страшиться не будем.
Ни тюрьмы, ни оков, ни меча, ни угроз...
Пусть ничто нас, ничто не смущает.
Верьте, братья, что тот, кто посеял средь слез,
Тот с отрадою жатву сбирает!

В эти тяжелые для Родины дни муж не терял связи с Ростовом, получая письма от своего товарища, городского врача А. С. Рессер. Таким образом, мы были в курсе тех событий, которые произошли после нашего отъезда. Стачка рабочих охватила весь город, объявленный властями на военном положении. Местечко Темерник, сплошь заселенное рабочими, было обстреляно правительственными войсками и наполовину разрушено. В небольшом городе Нахичевани[1] преимущественно с армянским населением была сосредоточена боевая дружина обоих городов и пригородов. Несмотря на героические усилия, попытка продолжить борьбу окончилась неудачей.

[1] Нахичевань — часть города Ростова-на-Дону, расположенная на правом берегу Дона, в конце XIX — начале XX века это был самостоятельный небольшой городок, населенный преимущественно армянским населением. Какое-то время в Нахичевани жил А. И. Ольденборгер с семьей. В архивных документах по строительству набережной в Ростове значится, что в 1897 году работы по благоустройству набережной начались под руководством нахичеванского инженера А. Ольденборгера.

Читая эти печальные известия, я невольно мысленно переносилась к жившей в Нахичевани семье городского судьи Скубы. Серафима Терентьевна Скуба была одной из основательниц Народной библиотеки-читальни имени поэта Кольцова. Мы вместе работали с нею, радовались в воскресные и праздничные дни наплыву рабочей молодежи. За последнее время мои письма к этой образованной энергичной женщине оставались без ответа. Я была уверена, что революционное движение захватило и ее, и она отдаст все силы, оказывая помощь семьям восставших рабочих.

Получила несколько писем от младшей сестры мужа[1], жившей с семьей в Новороссийске. Она писала, что у них было относительно спокойно, губернатор куда-то скрылся, и вся власть перешла в руки Советов. *«Мы живем теперь с мужем и детьми в Новороссийской республике,* — писала она мне, — *у нас есть народная милиция, свои боевые дружины. Местный гарнизон за отсутствием губернатора, не выступает против рабочих, поддерживает порядок. Но если у нас, что будет для всех несчастьем, повторятся события Ростова, то ради детей придется уехать. Муж работает над проектом Народного дома и, как всегда, увлечен этой работой».* 25 декабря вследствие расправы правительственных войск над рабочими семья покинула город.

О том, что происходило в Харькове, рассказывал нам Павел Васильевич Самойлов, не терявший связи со студентами Харьковского университета. Они любили этого талантливого артиста, каждый приезд его на гастроли был для молодежи большим праздником, каждое выступление в театре сопровождалось бурей оваций. Отрывок из полученного письма Павел Васильевич прочел нам: *«12 октября у нас началась забастовка железнодорожников, поэтому мои письма будут приходить с большим опозданием. На улицах города рабочие воздвигли баррикады, на улицах происходят митинги. Ораторы, из которых большинство – наши студенты, говорят о необходимости создать Учредительное собрание».*

[1] Варвара Ивановна Карлинская, урожденная Ольденборгер.

Иногда Самойловы приглашали к себе по вечерам знакомых. Гости, если между ними были артисты, приезжали поздно, после оперы или концерта. Варвара Александровна всегда встречала их с обычным радушием, и за веселым ужином время проходило незаметно.

Два раза мне пришлось встретиться с известным виолончелистом Вержбиловичем. Он приехал после концерта к Самойловым со своим инструментом. Несмотря на усталость, он сыграл несколько вещей под аккомпанемент Дулова. Своей чудной игрой он так очаровал всех присутствующих, что Вера Федоровна Комиссаржевская со слезами обняла и расцеловала старого артиста. Мне очень хотелось сделать то же самое, но я смогла только сказать, что нигде и никогда не слыхала таких чарующих звуков. Вержбилович посоветовал мне пойти в филармонию на концерт только что приехавшего из Италии виолончелиста Жерарди и послушать его игру. Через 2 дня благодаря М. Т. Дулову, который аккомпанировал Жерарди, я сидела в ложе с Вержбиловичем — его учеником, доктором Захаровым и с двумя незнакомыми дамами. На прощанье я не смогла удержаться и не сказать своему соседу: «Вы у Самойловых играли лучше, заставив плакать гениальную артистку».

Варвара Александровна посвящала все свое свободное время общественной деятельности. По ее инициативе зимой устраивались благотворительные концерты, в которых принимали участие известные артисты оперы и драмы. Администрации помещений, сдававшихся под концерты, и полиции говорилось, что весь сбор предназначается для бедных семей города. На самом деле весь доход посылался политзаключенным. За несколько дней до концерта Павел Васильевич приглашал к себе учеников Академии художеств. Молодежь украшала своими рисунками афиши будущего концерта; имена некоторых, как Бродского, впоследствии стали знамениты. После работы накрывался стол, появлялось вино, пиво, всевозможные закуски, и молодежь весело садилась около радушных хозяев. Публика, помимо билетов, конечно, покупала нарасхват такие афиши, и спрос на них был очень велик.

В молодости Варвара Александровна окончила Высшие женские курсы Герье в Москве. В ее лице Павел Васильевич

имел образованного, чуткого и любящего его друга, с которым мог всегда поделиться и своими успехами, и своими невзгодами, которые нередко сопровождают жизнь каждого артиста. Когда Павел Васильевич отправлялся на гастроли в провинцию, его всегда сопровождала Варвара Александровна, стараясь создать мужу спокойную домашнюю обстановку даже в гостинице, где приходилось останавливаться и жить в продолжение нескольких месяцев. Перед спектаклем она требовала, чтобы ни один репортер, ни один знакомый не нарушал часы отдыха ее мужа. После продолжительной репетиции, особенно при постановке новой пьесы, когда Павел Васильевич усталый возвращался домой, Варвара Александровна уговаривала его, несмотря на протесты, воспользоваться после обеда двумя или тремя часами отдыха. Своим неустанным вниманием Варвара Александровна много способствовала сохранению сил и здоровья своему мужу.

Мне часто вспоминаются вечера в филармонии, связанные с приездом в Петербург Леонида Витальевича Собинова. У знаменитого московского артиста была привычка перед своим выступлением телефонировать в Петербург. В дирекции филармонии раздавался звонок: «Кто будет аккомпанировать? Миша Дулов?» И только получив утвердительный ответ, он назначал день своего приезда и выступления.

Ярко в моей памяти сохранилось одно выступление Леонида Витальевича Собинова, было оно в первые дни Революции 1905 года. Концертный вечер в зале Дворянского собрания. Аккомпанирует, как всегда, Михаил Тимофеевич Дулов. Задолго до этого дня все билеты уже распроданы, и только благодаря содействию Михаила Тимофеевича Дулова я получила место в партере. Оркестр исполняет увертюру Вагнера к опере «Лоэнгрин». В памяти невольно возникает сцена первого действия: толпа народа у берегов Рейна; Эльза, принцесса Брабанта, ожидает своего избавителя на предстоящем турнире. Подплывает лебедь, везущий по волнам ладью, в ней Лоэнгрин — легендарный рыцарь Грааля. Рядом со мной раздается шепот. Часть публики глядит по направлению царской ложи, куда входит с фрейлиной

дочь Великого князя Владимира Александровича[1]. Она удивительно хороша в своем розовом платье с такого же цвета розами на груди. Но вот замирают последние звуки увертюры. Выходящему на эстраду певцу передают через оркестр огромную лиру, увитую розами. Гром аплодисментов встречает общего любимца... Голос, полный очарования, заставляет забыть все тревоги и печали повседневной жизни; без конца слушать песню парубка Левко перед окном Оксаны; грустную, полную душевной муки арию Ленского.

В антракте захожу в артистическую, хочу поблагодарить Михаила Тимофеевича Дулова за присланный утром билет. Собинов окружен репортерами, знакомыми. Тут же группа студентов: они принесли любимому артисту корзину, переплетенную красными лентами. В ней фиалки, первые весенние цветы...

Но вот разлается звонок к началу второго отделения. Снова бесконечные аплодисменты, не дающие начать выступление певцу. С улыбкой, терпеливо стоит он на эстраде в ожидании, когда, наконец, успокоится публика, а в петличке его костюма вижу букетик фиалок...

Чувствую: они ему дороже великокняжеских роз.

По примеру нашей семьи сестра мужа[2] решила в начале 1905 года из маленького армянского городка Нахичевани н/Д[3], смежного с Ростовым, переехать с семьей в Москву. Она часто писала нам, что со времени нашего отъезда крупные стачки рабочих не прекращались, продолжалось и крестьянское движение против помещиков, правительство подавляло волнения самыми жестокими мерами. В сентябре она писала моему мужу уже из Москвы: «*Мы устроились сравнительно хорошо, пока живем в гостинице близ Тверской. Хозяин на Садово-Кудринской, 21, согласился*

[1] Дочь Великого князя Владимира Александровича — Великая княжна Елена Владимировна.

[2] Надежда Ивановна Сацыперова.

[3] Нахичевань н/Д — Нахичевань-на-Дону — в конце XIX — начале XX века это был самостоятельный небольшой городок, населенный преимущественно армянским населением. Нахичевань стала частью города Ростова-на-Дону, расположенной на правом берегу Дона.

отдать нам для устройства жилого помещения просторный чердак над своим одноэтажным домом. Выглядит этот дом очень красивым, с колоннами, фасадом на Кудринскую. Муж уже достал весь строительный материал, через месяц плотники обещали настлать полы, поставить печи, перегородки, потолки. Низковато, сравнительно с нашей квартирой в Нахичевани, но, в общем, все довольны, особенно ребята – почти рядом Зоологический сад».

В конце ноября мы получили известие от ее мужа[1]: *«У нас в Москве положение становится напряженным. Бастуют почтальоны, типографии; солдаты многих полков сочувствуют революционному движению, недалек тот час, когда они присоединятся к народному восстанию, по всему городу распространяются прокламации – мы действительно попали "из огня да в полымя"».*

В конце декабря, несмотря на усиленную цензуру, получили запоздавшее письмо с датой 7 декабря от родных. Приводимые выдержки, не касаясь частной жизни, показали нам полную картину происходивших в Москве событий. *«На нашей Садово-Кудринской валяются спиленные телеграфные столбы. Телеграфная проволока переброшена с одного тротуара на другой – хотят устроить баррикады. Не проехать, не пройти. На Садовой-Самотечной баррикады. Утром пальба из орудий со стороны Ваганьковского кладбища по Пресне; где-то начались сильные пожары, горят лесные склады; над Пресней висят огромные тучи дыма. А на баррикадах развеваются красные знамена...»*

В петербургских газетах об этом ничего не писали, но мы, петербуржцы, решили, что, «если сама Москва заговорила», скоро наступит конец царизма после такой героической борьбы нашего рабочего класса по всей нашей России.

Так постепенно раскрывалось передо мной начало революционного движения нашего рабочего класса, нашей передовой молодежи, и я глубже вникала не только в то, что происходит в городах России, но и уяснила себе причину

[1] Георгий Павлович Сацыперов.

волнений среди крестьянства южных губерний, жизнь которого сложилась неизмеримо тяжелее крестьян нашего Севера. Муж рассказывал о проникновении в деревни листовок, которые развивали самосознание крестьян, окрыляли их надеждой получить землю, недостаток которой особенно ощущался в средней и южной полосе России. Часто вспоминала я рассказы латыша Павла Кюбара, жившего в нашей деревне, по словам которого, помещики Прибалтики завладели почти всей землей, годной для хлебопашества, обратив, таким образом, крестьян или в безземельных батраков, или принужденных искать работу на фабриках и заводах. О том, что происходило на Дальнем Востоке, трудно было составить ясное понятие по скудным ежедневным сводкам газет, но все же слухи о происходящей трагедии нашей армии, о неисчислимых потерях солдат, о бездарных военачальниках, карикатуры на которых раскупались нарасхват на улицах Петербурга, явились неопровержимой действительностью. Вследствие строгой цензуры газеты умалчивали о том, что происходило на Дальнем Востоке и в Сибири. Но нет той тайны, которая не стала бы явной. Мы узнавали о забастовках рабочих на Урале, о голоде в Забайкалье и Сибири, о карательных отрядах Меллер-Закомельского, посланных усмирять рабочих Читы. Мы были очевидцами событий 9 января. Переживали кошмарное время Русско-японской войны, и казалось мне, что наша Родина по воле царя и его подлых министров катится в какую-то пропасть, и нет сил, чтобы остановить ее неминуемую гибель. В минуты тяжелого раздумья вспоминалось стихотворение отца на последнем обеде старых земцев. О чем думал в то время отец? Невольно возникал далекий светлый образ человека, который создает гениальный план, намечает путь, по которому должен пойти наш рабочий класс, крестьянство и воинство, все люди многострадальной Родины, чтобы свергнуть ненавистное иго царизма. Явится богатырь на русской земле и

Твердой, мощною рукою
Дарует свет, любовь, свободу,
Богатство, счастье и покой
Своей отчизне и народу.

И вспомнилось еще, как в 1902 году муж уехал в Швейцарию. Там в небольшом городе Люцерне у изобретателя-

архитектора Ганса Зигварта он стал изучать конструкцию железобетонных перекрытий. Зигварт требовал точного, безошибочного выполнения детали. Несмотря на всю энергию, первая деталь у мужа получилась неудачной. Но эта неудача не остановила его, ему, в конце концов, удалось преодолеть трудности, и ошибок больше не произошло.

И в малом, думалось мне, и в большом победа всегда останется за тем, кто вложит в свою работу всю силу воли и энергию. Несдобровать царю и его клике, если весь народ поднимется на защиту своих прав, на спасение своей Родины, не повторяя ошибок прошлых лет.

27 апреля 1906 года была открыта первая Государственная Дума[1], а 8 июля состоялся ее роспуск, так как в ней обсуждался ненавистный верхним сферам крестьянский вопрос. На следующий, 1907, год произошли выборы во II Государственную Думу, ее открытие произошло 20 февраля, основным вопросом стал снова аграрный. 3 июля она была разогнана[2]. Правительство, по словам мужа, урезало, как только могло, прежние обещания рабочему классу и крестьянству. Муж находил, что причиной неудачи было отсутствие достаточной связи между рабочими, крестьянами и солдатами. Некоторые части армии стояли за царизм и были против выступления рабочих и крестьян. Но большинство верило, что новый революционный взрыв одержит победу над самодержавием.

---

[1] Даты в главе у автора приводятся по старому стилю.

Государственная Дума — законосовещательное, представительное учреждение Российской империи (1906–1917). Учреждена Манифестом 17 октября 1905 года. Рассматривала законопроекты, которые потом обсуждались Государственным советом и утверждались царем. Одноименной с манифестом была партия «Союз 17 октября», ядром партии стало правое крыло партии «Союз земцев-конституционалистов». Среди создателей партии октябристов был Владимир Петрович Марков, первым председателем Санкт-Петербургского центрального комитета «Союза 17 октября» был барон Павел Леопольдович Корф. Партия распалась к 1915 году.

[2] Вторая Государственная Дума (20.02–02.07.1907). Третьеиюньский переворот 1907 года обеспечил большинство октябристов и приверженцев монархических партий в третьем (1.11.1907–9.06.1912) и четвертом созыве (с 15.11.1912) Государственной Думы.

В 1909 году по случаю празднования 50-летия первого в России Картографического заведения[1] Алексею Алексеевичу Ильину был поднесен художественный адрес за подписью выдающихся русских ученых: вице-президента Географического общества[2], известного исследователя Средней Азии П. П. Семенова-Тян-Шанского, профессора А. И. Воейкова, Ю. М. Шокальского и других.

Членом Географического общества А. А. Ильин состоял в течение 64 лет[3]. Всю свою жизнь он посвятил работе в организованном им первом Картографическом учреждении России, где издаются прекрасные географические атласы[4].

Мой муж, Александр Иванович Ольденборгер, принадлежал к тому разряду людей, которые не могут остановиться на работе только по своей специальности. Во время жизни в Ростове на службе городского управления он наблюдал

[1] Картографическое заведение было создано отцом Алексея Алексеевича — генерал-майором Алексеем Афиногеновичем Ильиным. После смерти отца совладельцами картографической фабрики стали братья — Алексей Алексеевич и Афиноген Алексеевич. В 1910 году было учреждено акционерное общество «Картографическое заведение А. Ильина» с основным капиталом в 500 тыс. рублей. Четыре года Картографическим заведением руководил сын Алексея Алексеевича — Александр Алексеевич Ильин. После революции Картографическое заведение было национализировано, но Алексей Алексеевич продолжал оставаться там консультантом. Иногда на современных картах и атласах можно увидеть надпись «Первая картографическая фабрика в России (бывшее картографическое заведение Ильина)». В 2010 году Российская национальная библиотека в Петербурге организовала выставку под названием «Достойная триада: Наука, Искусство, Просвещение». Выставка была посвящена 151-летию Картографического заведения А. Ильина.

[2] Географическое общество — Русское географическое общество — было основано в 1855 году, с 1938 года — Географическое общество СССР.

[3] Членом Географического общества Ильин состоял 64 года — с 1878 по 1942 год.

[4] У автора воспоминаний О. В. Ольденборгер воспоминания об Ильине выделены в отдельную главку. Публикаторы разнесли эти «странички» в хронологическом порядке.

за устройством всех возложенных на него технических работ. Он решил получить помимо звания инженера-технолога права инженера-строителя. Все свое свободное время в первый год нашей совместной жизни он посвятил подготовке к экзаменам. Выдержав испытание в Петербурге при Институте гражданских инженеров и получив диплом, он помимо основной работы успевал заняться строительством нескольких зданий, предназначенных для различных общественных учреждений. Ежегодно, пользуясь довольно продолжительным отпуском, в месяцы зимнего строительного затишья муж уезжал заграницу. Из Берлина он привозил прекрасные архитектурные журналы. В Швейцарии, встретив инженера Зигварта, знакомство с которым произошло совершенно случайно в вагоне поезда, он осмотрел его завод огнестойких, пустотелых перекрытий. Это так заинтересовало мужа, что он решил в течение двух месяцев принять, как простой рабочий, участие в изготовлении этих конструкций.

После переезда в Петербург в октябре 1904 года он прочел доклад о своей работе в Швейцарии в строительном отделе Русского технического общества[1]. Все присутствовавшие во главе с председателем — инженером Оприц — с интересом выслушали доклад мужа и пожелали ему успеха в применении изобретения швейцарского инженера и у нас, в России. Арендовав сарай на одной из ближайших к городу станций, при содействии одного заинтересованного в этом деле архитектора, мужу удалось добиться прекрасных результатов. Эти бетонные перекрытия были впервые применены при постройке здания Сибирского банка[2]. При замене в Петербурге конечного движения на трамвайное в 1910 году городское управление поручило ему и его товарищу по работе Рагинскому наблюдение за проведением путей по главным магистралям города[3].

---

[1] Русское техническое общество открыто в 1866 году. Насчитывало до 1000 членов и 30 отделений в разных городах России. При обществе существовал Технический музей. Издавалось шесть журналов, книги и справочники.

[2] Сибирский банк — здание банка было построено в центре города на Невском проспекте.

[3] Первый маршрут трамвая по суше в Петербурге был открыт в 1907 году. Судя по фотографии из архива И. В. Ольденборгер, переданной в Тосненскую центральную библиотеку, А. И. Ольденборгер проводил наблюдение за работами по прокладке трамвайных путей по Невскому проспекту. По времени, вероятно, после 1907 года.

Последним крупным достижением мужа был его проект и затем прокладка соединительной железнодорожной ветки Тосно–Шапки в 1914 году[1]. Этот путь, о котором мечтали мои родители, имел большое значение для всего населения Шапкинской волости. У подножия высоких холмов с утра до позднего вечера работал экскаватор, нагружая песком и гравием целый ряд железнодорожных платформ, отвозивших строительные материалы, в том числе и бревна, в город и его окрестности. Когда правление Октябрьской железной дороги уже после революции открыло прямое пассажирское движение из Ленинграда в Шапки, то большое количество дачников, привлеченных красотой местности, селилось в летнее время в окрестных деревнях. На холмах, где еще сохранились столетние сосны, в течение двух-трех лет вырос дачный поселок. Появились ларьки, магазины, хлебопекарня.

К сожалению, ни моему престарелому отцу, скончавшемуся в 1910 году и не желавшему до конца жизни оставить работу в земстве, ни моему мужу не пришлось увидеть тех неисчислимых выгод, которые принес населению волости этот сравнительно короткий рельсовый путь. Каждый из моих близких и родных, уже ушедших из жизни, был энтузиастом своей работы, отдавал ей свои знания и энергию.

Прошло много, много лет со дня их смерти, но я часто вспоминаю былые годы после Первой революции 1905–1907 годов. Отец иногда с большим пессимизмом относился к мечтам моего мужа о близком и возможном переустройстве всего государственного строя. Слишком памятными оставались годы реакции, годы произвола чиновников и борьбы передовых людей за лучшую жизнь крестьянства.

Так ясно и отчетливо вспоминаются мне первые годы двух моих мальчиков — Владимира и Александра — различных по характеру, но связанных с раннего возраста крепкой, ничем не нарушимой дружбой. Я не знала большего счастья, чем наблюдать за их постоянным развитием, за проявлением в их характере тех особенностей, которые в более зрелом возрасте ярко выступили в каждом их поступке, в отношении

[1] Неточность в машинописном тексте воспоминаний — железнодорожная ветка Тосно–Шапки была открыта в 1912 году.

к окружающей среде и к тем событиям, свидетелями и участниками которых им пришлось стать.

Старший, Владимир, с первых дней своей сознательной жизни отличался мечтательным, вдумчивым характером, любил часами сидеть за книгой, которая заменяла ему шумное общество товарищей. Во время учебы в гимназии он в свободные от уроков часы исписывал целые листы стихами. Очевидно, он получил эту склонность от дедушки, часто читавшего своему любимцу свои произведения. Его литературные сочинения всегда заслуживали похвалу учителя литературы 6–8-х классов классической гимназии Марковина, который, ставя обычную «пятерку», добавлял от себя: «...хорошо и очень».

У младшего, Александра, помимо учебы, время уходило на гимнастические упражнения, прогулки с товарищами; он увлекался живописью, любил мне сопутствовать на всех выставках картин. Сильный и ловкий, он часто, возвращаясь из гимназии с товарищами, вступал в борьбу с поджидающими их учениками реального училища, при этом битва всегда оканчивалась победой классиков. Каникулы, зимой и летом проводимые в деревне, развивали у обоих сыновей любовь к природе.

Старший увлекался сбором коллекций жуков и бабочек, он купил немецкую книгу Ферзена с описанием классификации насекомых.

Младший любил рыболовство и уже с 15-летнего возраста, получив от деда в подарок ружье, ходил на охоту. На Царицыной горе, у опушки леса, в продолжение многих десятков лет жил старый егерь, исполняющий обязанности лесного сторожа, Фридрих Лагевист, с женой и дочкой. Он так слился с тишиной и покоем окружающей природы, что давно забыл тяжкую жизнь батрака в родной Эстонии, необходимость бежать в чужие края в поисках работы. Даже когда его дочь вышла замуж за финна и покинула его лесную избушку, ни он, ни его жена не соглашались на уговоры молодых переехать к ним в деревню. Мой сын, полюбивший охоту, часто заходил к старому Фридриху, который уверял, что на утренней заре из открытого окна было слышно кряканье диких уток в камышах ближнего озера, а когда за лесом заходило солнце, под горой слышался своеобразный крик вальдшнепов, возвращающихся в свои гнезда. Иногда сын оставался ночевать в лесу в землянке

углежогов[1], чтобы подкараулить при восходе солнца идущего на водопой из берлоги барсука или застрелить пару рябчиков, беспечно прилетающих на звуки «пищика».

Вспоминается мне один эпизод из охоты моего сына с товарищем по гимназии Дмитриевым, впоследствии членом одной геологической экспедиции на далекий Север. По указанию лесника, бродившего ежедневно по лесу, они долго караулили около норы появление лисицы, которая, очевидно, успела убежать по другому выходу, оставив двух маленьких лисят. Охотникам удалось их вытащить и привезти в мешке в нашу городскую квартиру; устроив из ящика довольно просторную клетку, они поставили ее на балкон. Утром следующего дня к нам прибежал постовой городовой с сообщением, что с балкона четвертого этажа нашей квартиры упала маленькая рыжая собака. Ее нашли живой, но очень слабой после полученного сотрясения. После выздоровления зверька я потребовала, чтобы оба охотника немедленно свезли лисят в Зоологический сад.

В другой раз они привезли в банке змею, уверяя, что это безвредный уж. Посадили его между рамами окна и решили кормить мухами и червяками. Каков был ужас всех обитателей квартиры, когда я обнаружила исчезновение этого ужа, более похожего на гадюку. Пришлось осмотреть все уголки комнат, коридора, кухни, наконец, нашли беглеца, свернувшегося кольцом около печки. Трофей охотников пришлось умертвить и потребовать от них раз и навсегда отказаться от привычки привозить что-либо подобное в город.

Я не смотрела на любовь мальчиков ко всему живому только как на пустую забаву. С юных лет в них развивалась

---

[1] Углежоги — этим промыслом занимались во всех деревнях Шапкинской волости. Для получения березового угля мужики жгли «шиши». Березовые чурки ставили шалашиком — «шишом». Обкладывали «шиш» дерном, оставляли небольшое отверстие и поджигали чурки, когда чурки загорались, отверстие закрывали и оставляли чурки тлеть. Надо было уметь почувствовать момент, когда отверстие можно было закрыть. Закроешь рано, огонь погаснет и поджечь чурки вновь будет трудно. Закроешь поздно, вместо угля получишь золу. Промысел был пожароопасным, и уголь жгли вдали от жилых построек и леса — за околицей деревень, на лесных опушках или лесных полянах. Сопутствующим промыслом было изготовление мешков — кулей из рогожи, в них перевозили березовый уголь.

любовь к природе, вырабатывались терпение и выдержка перед опасностью, это давало им здоровье, выносливость, бодрость духа. И как обоим пригодилось впоследствии это сближение с природой. Сыну[1] — во время трехгодичной службы на берегах Печоры и Усы, Рафаилу Дмитриеву — когда он возглавлял экспедицию на далекий Север.

Зимой оба сына с товарищами занимались лыжным спортом и часто по субботам уезжали на поезде до станции Тосно, откуда уже на лыжах пробегали тридцать верст до усадьбы бабушки. Впоследствии по инициативе художницы Екатерины Сергеевны Кавос-Зарудной[2], имевшей своих детей, вся наша молодежь в количестве 25 человек основала лыжное товарищество «Орион». Каждое воскресенье лыжники проводили в Парголово, где для отдыха у старой финки была снята изба.

В те времена еще не было кино, а посещение концертов, оперы и драматических театров мешало учебе и являлось редким удовольствием. В последнем классе гимназии Владимир зачитывался произведениями Чернышевского и Герцена; прочитав биографию Кропоткина, под влиянием последнего не на шутку испугал меня, объявив себя анархистом. Когда дочь нашего земского врача Стыриковича Вера вышла замуж

---

[1] На Печоре и Усе служил младший сын Ольги Владимировны — Александр.

[2] Е. С. Кавос-Зарудная была очень энергичным и разносторонним человеком. Она помогла не только организовать лыжное молодежное общество «Орион», но занималась и другой, как сейчас говорят, общественной деятельностью. В Петербурге семья Кавос-Зарудных жила на Каменноостровском проспекте в собственном доме 24/10, занимая одну из квартир. Дом был построен по проекту архитектора Л. Н. Бенуа для его двоюродного брата, Е. Ц. Кавоса. Здесь у Екатерины Сергеевны была частная школа-студия, в которой преподавали известные художники, в том числе Е. Е. Лансере и Б. М. Кустодиев. Мастерская Екатерины Сергеевны находилась на мансарде дома. У гостеприимных хозяев было многолюдно, собирались на танцевальные вечера и «Четверги». Здесь бывали многие известные писатели, художники, юристы. Среди них — Альберт Николаевич Бенуа и Аркадий Александрович Рылов. Художница участвовала в ежегодных выставках, устраиваемых в помещении Общества поощрения художеств, сотрудничала с Санкт-Петербургским обществом поощрения женского художественно-ремесленного труда.

за племянника Сергея Михайловича Кравчинского[1], она рассказала нам подробно биографию последнего. Всю его революционную деятельность семидесятых годов XIX века, участие в народническом движении и его побег за границу, участие в национально-освободительном движении против турок в Боснии и Герцеговине, затем — в восстании в итальянской провинции Бенсвенто. Когда Вера закончила свой рассказ тем, что по возвращении в Россию в 1878 году, он в августе того же года убил в Петербурге шефа жандармов Мезенцева, Владимир, несмотря на свою возрастающую симпатию к революционерам, высказал свое мнение, что делу революции единичные убийства не помогут.

Многое зависело от среды, в которой росли и воспитывались мои сыновья. Уже с детских лет 11-летний Владимир жил под впечатлением событий 1905 года, расстрела рабочих перед Зимним дворцом и того незабываемого рассказа путиловца, потерявшего в это воскресенье многих товарищей. Он чутко прислушивался к разговорам старых земцев, навещавших деда, когда-то сосланных всемогущим министром Валуевым, знал о трагической судьбе брата бабушки — Александра Дорошенко. Павел Васильевич Самойлов не скрывал от нашей семьи, куда идет часть сбора после спектаклей Веры Федоровны Комиссаржевской, а также значительная часть с концертов, организованных Михаилом Тимофеевичем Дуловым.

В 1912 году Владимир окончил гимназию[2]. Это был тот год, когда вся наша молодежь чутко прислушивалась к нарастающему недовольству всего передового петербургского общества; чувствовалось неизбежное приближение событий, вызванных неудачной Революцией 1905 года. Наша молодежь понимала, что после событий 1905–1907 годов миллионы трудящихся пробудились к политической жизни, она знала, как отразилась реакция на рабочих. Позже, в 1914–1917 годах, столкнувшись впервые на фронте с солдатскими массами, мои сыновья поняли, что было достаточно одной искры, чтобы раздуть пламя, которое охватило бы всю Россию.

---

[1] Вера Александровна Стырикович (в замужестве Кравчинская), муж — Кравчинский Юрий Дмитриевич, сын известного лесовода Дмитрия Михайловича Кравчинского и племянник Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского.

[2] Владимир окончил 10-ю Петербургскую гимназию.

1910 год. После смерти отца, согласно его завещанию, мать стала пожизненной владелицей усадьбы и прилегающей к ней земли[1]. Но ее пенсии оказалось недостаточно для содержания рабочих, обслуживающих скотный двор, огород и фруктовый сад, не говоря уже о необходимой пашне. Поэтому переехав в одну из дач, она отказалась от своих прав, передав все имущество нам. Брат, служивший в Прибалтийском крае[2], продал свою часть крупному землевладельцу, графу Воронцову-Дашкову[3]. Сестра сократила свое хозяйство до минимума, а я решила последовать примеру приехавших из Эстонии безземельных батраков и крестьян-арендаторов помещичьих земель. В сравнительно короткий срок им удалось наладить новую жизнь в России, построить дома, обзавестись скотом, превратить целину в плодородные пашни.

Как-то весной, проходя мимо витрины книжного магазина, я увидела небольшую брошюру «Как богатеют на хуторах». В нашем уезде, за исключением приехавших эстонцев, никто из местных жителей на хутора не переходил. Была ли это привычка жить в своей деревне, с родными, соседями, иметь свой, хотя и небольшой, но годами обработанный надел, но покинуть старые места никто не решался.

---

[1] К этому времени в усадьбе насчитывалось около 30 построек. Двухэтажный усадебный дом с террасами и бельведером, две дачи и два флигеля. Оранжереи, амбары, сараи, четыре погреба, конюшни, пять хлевов, телятник, птичник. Два каретника, бани, водогрейня, кузница, рига. Контора, два дома для рабочих, дворницкая, изба садовника, лесная сторожка. Вероятно, лесная сторожка находилась на Царицыной горе, и в ней проживал егерь Фридрих Лагевист с семьей.

[2] Продал... Воронцову-Дашкову. По данным Н. В. Мурашовой и Л. П. Мыслиной, Воронцовым-Дашковым он продал 800 десятин земли, унаследованных от дядьев. Вопрос о продаже земли Н. В. Марковым Воронцовым-Дашковым требует уточнения, так же как и наследование земли от дядьев. Вероятно, наследовать землю Николай Владимирович мог только от бездетного Георгия Петровича Маркова.

[3] Николай Владимирович Марков несколькими годами позже перебрался в родовое имение, активно участвовал в жизни Шлиссельбургского уездного земства, избирался гласным (1914–1917). Вместе с родственником и другом Александром Александровичем Стыриковичем они продолжали дело своих отцов.

Когда я рассказала мужу о своем желании устроить хутор на полученном от родителей участке, он указал мне на глубокую ошибку и на опасность такой затеи: «Выделение на хутора, особенно нашего русского коренного населения, разрушит общинное пользование землей. Твоему примеру могут последовать многие твои земляки. На юге уже с 1908 года устраиваются настоящие поместья с применением батрацкого труда. Эта правительственная затея[1] во главе с министром Столыпиным создает защитников царизма, ненавистного всему рабочему классу».

И вот для меня после советов с мужем встает дилемма: или отказаться от позорного в настоящее время звания помещицы, продать по примеру брата землю и расстаться с мечтой, или жить и работать там, где проходили мои детские годы, моя юность. Здесь все казалось мне таким родным, близким, я знала жителей и русских, и финских деревень, часто в рождественские праздники устраивала детям елки...[2]

Теперь какие-то меры, какое-то решение должно быть принято. И вот у меня появилась новая мысль, быть может, муж не будет возражать против нее: создать коммуну. Я имела право после раздела получить часть построек и живого инвентаря. Желающие вступить в коммуну будут работать каждый по своей специальности; когда поля, огород, сад,

---

[1] Правительственная затея — столыпинская аграрная реформа, реформа крестьянского надельного землевладения — разрешение выходить из крестьянской общины на хутора и отруба, укрепление Крестьянского банка, переселенческая политика. Реформа была призвана покончить с крестьянским малоземельем при сохранении помещичьих хозяйств. В крепких крестьянских хозяйствах, которые на селе называли кулацкими, правительство видело опору царскому самодержавию. Реформа не была завершена. Она была названа «столыпинской» по имени ее организатора — П. А. Столыпина, который был убит в Киеве в 1911 году. С именем Столыпина связано понятие «столыпинский вагон». В таких мало приспособленных для перевозки людей вагонах оправлялись на освоение новых земель переселенцы из малоземельных крестьян.

[2] Ольга Владимировна Ольденборгер была попечительницей Нечепертской земской школы, она помогала матери, а потом и сама организовывала рождественские елки в Шапкинской и Старосельской земских школах. Марковы были известными в Шлиссельбургском уезде и Шапкинской волости благотворителями, постоянно жертвовали на нужды земских школ, детских яслей и больниц.

1. Тосно. Главная улица. Начало XX века

2. Старая дорога Тосно–Шапки. Начало XX века

3. Шапки. Дорога в Тосно. Начало XX века

4. Шапки. Воскресенская площадь. Начало XX века

5. Шапки. Покровская церковь до пожара 1911 года

6. Шапки. Покровская площадь. Начало XX века

7. Имение «Шапки». Начало XX века

8. Шапки. Лютеранская церковь Святого Якоба. Начало XX века

9. Долина Мельничного ручья. Начало XX века

10. Мыза «Карловка». Начало XX века

11. Деревня Сиголово. Начало XX века

12. Протоиерей Федор Яковлевич Дубянский

13. Портрет протоиерея Федора Яковлевича Дубянского

14. Любовь Александровна Маркова, урожденная Дубянская. 1890 год

15. Владимир Петрович Марков. 1880-е годы

16. Анна Александровна Маркова, урожденная Дорошенко, и Владимир Петрович Марков

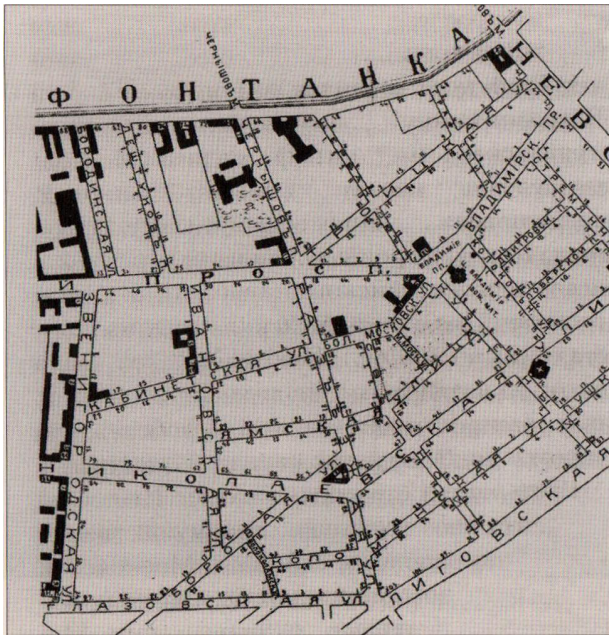
17. Владимир Петрович Марков.
Имение «Александровка». ~ 1905 год

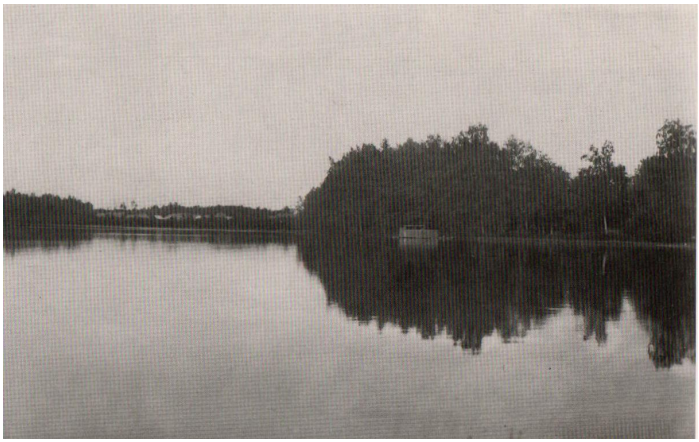
18. Вороновское озеро в 18 верстах
от имения «Александровка».
Начало XX века

19. Уездный город Шлиссельбург.
Почтовая открытка начала XX века

20. Санкт-Петербург. Московская часть. План 1912 года.
С этими местами была тесно связана жизнь
О. В. Ольденборгер и ее отца

21. Вид на озеро Долгое и деревню Надино.
Начало XX века

22. Барский дом в имении «Александровка».
Начало XX века

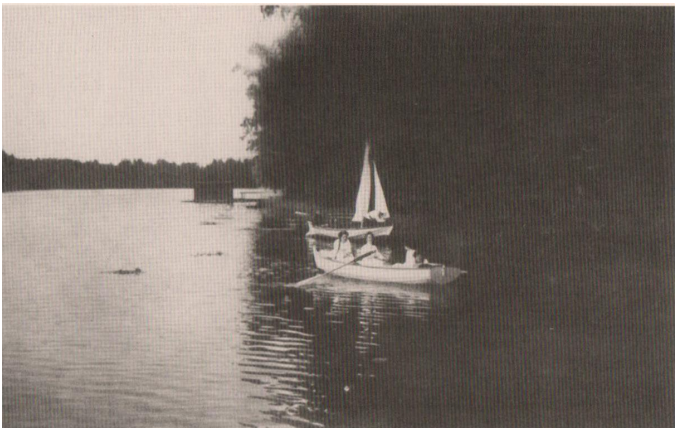
23. Одна из березовых аллей в имении «Александровка».
Начало XX века

24. Одна из дач в имении «Александровка».
Начало XX века

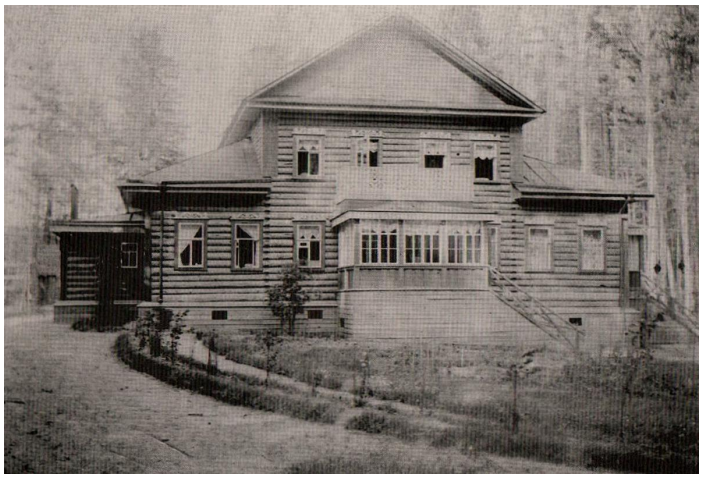
25. Дача на берегу Долгого озера в имении «Александровка». Начало XX века

26. Имение «Александровка». Долгое озеро. Начало XX века

27. Имение «Александровка». Озеро Долгое

28. Дача Эрк. 1910 год

29. Ольга Владимировна Маркова (слева).
~ 1890 год

30. Ольга Владимировна Маркова.
Фотография начала 1890-х годов

31. Ольга Владимировна Маркова.
~1891год

32. Ольга Владимировна
Ольденборгер
с первенцем Владимиром.
Ростов-на-Дону. 1894 год

33. Ольга Владимировна
Ольденборгер.
Зима 1902 года

34. Ольга Владимировна Ольденборгер. начало 1930-х годов

35. Ольга Владимировна Ольденборгер, 1938 год

36. Ольга Владимировна Ольденборгер
в блокадном Ленинграде. 1943 год

37. Ольга Владимировна Ольденборгер
в блокадном Ленинграде. 1943 год

38. О. В. Ольденборгер (справа) и ее друзья по Эрмитажу. Конец 1940-х годов

39. Ольга Владимировна, Ирина Владимировна и Ксения Георгиевна Ольденборгер. Лианозово (Подмосковье). 1953 год

40. Автор воспоминаний
Ольга Владимировна Ольденборгер в 1955 году

41. Фотография семьи Иоганна (Йохана) Ольденборгера.
Ростов-на-Дону. ~ 1870-е годы

42. Александр Иванович Ольденборгер с сыном Владимиром. Ростов-на-Дону, 1899 год

43. Ольденборгер Александр Иванович. Муж Ольги Владимировны Марковой (Ольденборгер) Петербург, -1903 год

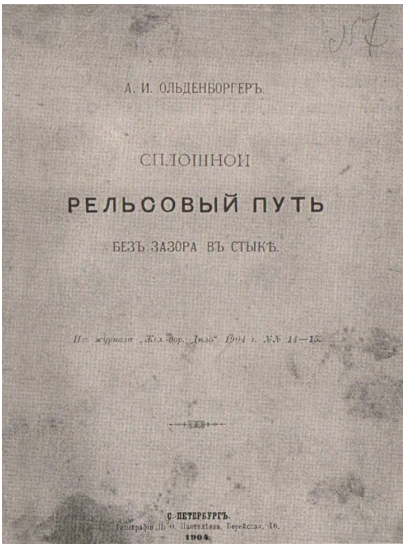
44. Александр Иванович Ольденборгер с сыновьями Владимиром (слева) и Александром. ~ 1903–1904 годы

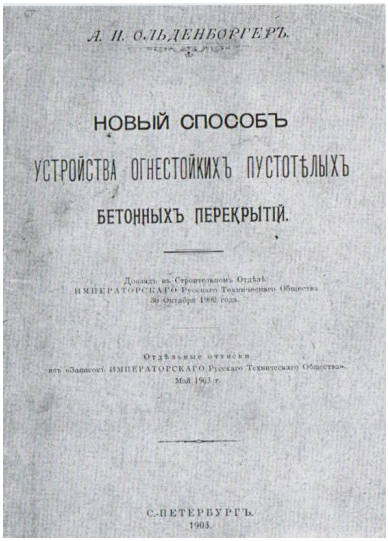
45. Александр Иванович Ольденборгер.
Фотография середины 1910-х годов. Санкт-Петербург

46. Александр Иванович Ольденборгер.
Фотография середины 1910-х годов. Санкт-Петербург

47. Обложка брошюры А. И. Ольденборгера
«Сплошной рельсовый путь без зазора в стыке»
(журнал «Железнодорожное дело». 1904. № 14–15)

А. И. ОЛЬДЕНБОРГЕРЪ.

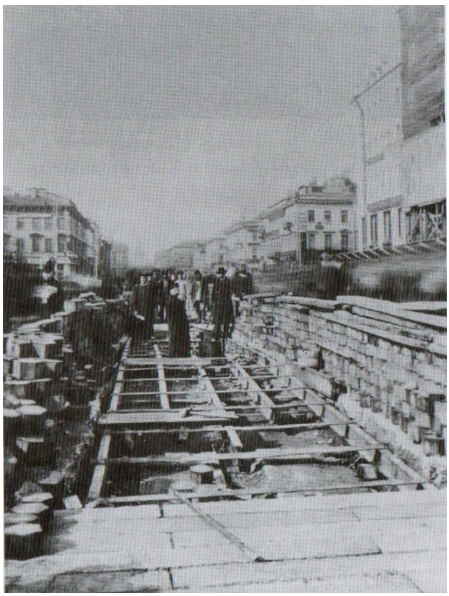
НОВЫЙ СПОСОБЪ
УСТРОЙСТВА ОГНЕСТОЙКИХЪ ПУСТОТѢЛЫХЪ
БЕТОННЫХЪ ПЕРЕКРЫТІЙ.

Докладъ въ Строительномъ Отдѣлѣ
ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества
30 Октября 1902 года.

Отдѣльные оттиски
изъ «Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества».
Май 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

48. Обложка брошюры А. И. Ольденборгера «Устройство огнестойких пустотелых бетонных перекрытий» (доклад в строительном отделе Императорского Русского технического общества. Май 1903 года)

49. Санкт-Петербург, Невский проспект, работы по прокладке трамвайных путей. 1910 год. Первый слева — А. И. Ольденборгер

50. Ремонт моста через Фонтанку. Первый слева в форменной шинели — А. И. Ольденборгер. 1910 год

51. Шапкинская железнодорожная ветка. Лестница, ведущая на место открытия железной дороги Тосно–Шапки. Начало XX века

52. Паровоз Шапкинской железнодорожной ветки. Начало XX века

53. Станция Шапки. Начало XX века

54. Шапкинская железнодорожная ветка. Начало XX века

55. Виды села Шапки. Вокзал. Начало XX века

56. Рабочие Шапкинской железнодорожной ветки.
В белом шлеме — издатель почтовых открыток Я. П. Нерман.
Начало XX века

57. Шапкинский карьер. Начало XX века

58. Братья Ольденборгер — Владимир (справа) и Александр с няней. Ростов-на-Дону, ~1898 год

59. Братья Ольденборгер Владимир (справа) и Александр. Ростов-на-Дону, 1899 год

60. Братья Ольденборгер
Владимир (слева)
и Александр.
Ростов-на-Дону, 1899 год

61. Братья Ольденборгер
Владимир (слева) и Александр.
Петербург, 1903 год

62. Владимир (слева) и Александр Ольденборгер.
Санкт-Петербург, ~ 1910 год

63. Выпускник 10-й Санкт-Петербургской гимназии Владимир Александрович Ольденборгер. 1912 год

64. Участник Первой мировой войны Владимир Александрович Ольденборгер. ~1916 год

65. Участники Воздухоплавательного съезда. 1917 год. Северный фронт

66. Северный фронт. 1917 год

67. Гатчина. 1927 год

68. Владимир Александрович Ольденборгер. Конец 1920-х годов

69. Александр Александрович Ольденборгер. 1930-е годы

70. Александр Александрович Ольденборгер. ~1939 год

71. Александр Александрович Ольденборгер под Тарту. 1944 год

72. Александр Александрович Ольденборгер

73. Анна Доломановна Ольденборгер — вдова Александра Александровича Ольденборгера. – 1950-е годы

74. Надежда Ивановна Ольденборгер, сестра Александра Ивановича Ольденборгера. Ростов-на-Дону. – конец 1880-х годов

75. Надежда Ивановна Сацыперова, урожденная Ольденборгер

76. Надежда Ивановна Сацыперова. Москва. ~1910 год

77. Георгий Сацыперов, муж Надежды Ивановны Сацыперовой, урожденной Ольденборгер, и дед Ирины Владимировны Ольденборгер

78. Слева направо: стоят Людмила и Ксения Сацыперовы, Владимир Иванович Ольденборгер. По центру сидят Георгий Павлович и Надежда Ивановна Сацыперовы. Сидят и стоят в первом ряду Константин, Юрий и Павел Сацыперовы. 1900-е годы

79. Сацыперовы: Константин (пятый слева), Павел (шестой слева), Ксения (седьмая слева), Людмила (девятая слева). Москва. Садово-Кудринская. Около 1910 года

80. Ксения Георгиевна Сацыперова. Июль 1908 года

81. Ксения Георгиевна Ольденборгер, жена Владимира Александровича Ольденборгера

82. Ксения Георгиевна Ольденборгер с дочерью Ириной.
Москва, 1970 год

83. Ирина Владимировна Ольденборгер.
Москва, 25 августа 2000 года

84. Золотая свадьба Марии Петровны Вакар (урожденной Марковой) и Платона Алексеевича Вакара. 27 мая 1899 года, Ораниенбаум

85. Платон Алексеевич Вакар. Ораниенбаум, 1884 год

86. Любовь Платоновна графиня де Тулуз-Лотрек, урожденная Вакар

87. Екатерина Платоновна Вакар (в замужестве Кононова)

88. Александр Дмитриевич Кононов

89. Екатерина Платоновна и Александр Дмитриевич Кононов

90. Екатерина Александровна Кононова. 1908 год

91. Семья Муретовых на гастролях с хором ленинградских любителей хорового пения в Германии. 1990-е годы

92. Надежда Платоновна Вакар (в замужестве Акимова)

93. Семья Акимовых: старшая дочь Вера Ивановна, Коля, муж Надежды Платоновны, Иван Акимов, Петя и Надежда Платоновна

94. Вера Платоновна Стырикович, урожденная Вакар

95. Дмитрий Михайлович Кравчинский (сидит справа), Юрий Дмитриевич и Вера Александровна Кравчинские и Александр Григорьевич Стырикович. Не позднее 1905 года

96. Справа налево: Кравчинские Юрий Дмитриевич и Вера Александровна, Александр Григорьевич Стырикович. Не позднее 1905 года

97 А. Г. Стырикович и Д. М. Кравчинский
в кругу своих родственников и друзей

98. Вера Владимировна Маркова. ~ 1894 год

99. Вера Владимировна Маркова. ~1896 год

100. Вера Владимировна Бутурлина. Санкт-Петербург, 1903 год

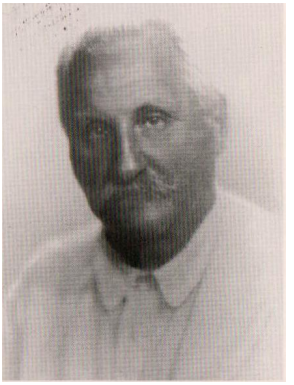
101. Вера Владимировна Бутурлина с сеттером Того. ~1905 год

102. Сергей Александрович Бутурлин, первый муж Веры Владимировны Марковой. Фотография конца 1890-х годов

103. Сергей Александрович Бутурлин, известный ученый-орнитолог, охотовед, путешественник, исследователь Севера. Конец 1920-х годов

104. Сергей Александрович Бутурлин. ~ 1930-е годы

105. Портрет Алексея Алексеевича Ильина, второго мужа Веры Владимировны Марковой. ~ 1920-е годы

106. Алексей Алексеевич Ильин. ~ 1930-е годы

107. Фотография скульптурного изображения Алексея Алексеевича Ильина

108. Петр Чайковский
в юности

109. Василий Васильевич
Самойлов. Автопортрет

110. Елизавета Меркурьевна
Бём. ~ 1880-е годы

111. Фотография Елизаветы Меркурьевны Бём
в домашней обстановке. ~ 1910 год

112. Семейство Бём в дороге. Силуэты Е. М. Бём. 1877 год

113. Обложка серии силуэтов
«Из деревенских воспоминаний» Е. М. Бём. 1882 год

114. Лейкин Николай Александрович — русский прозаик, журналист, издатель. - конец 1890-х годов

115. Павел Васильевич Самойлов — русский актер

116. Павел Васильевич Самойлов

117. Павел Васильевич Самойлов в роли Николая Васильевича Гоголя

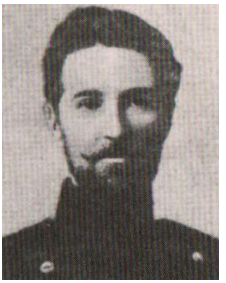
118. Павел Васильевич Самойлов в роли Гамлета

119. Павел Васильевич Самойлов в роли Фердинанда (Шиллер «Коварство и любовь»)

120. Михаил Тимофеевич Дулов — известный аккомпаниатор

121. Сергей Александрович Рашевский — полковник, участник защиты Порт-Артура

122. Дорога Надино–Шапки. Начало XX века

123. Дорога Надино–Шапки. За поворотом дороги начинался крутой подъем на «Барскую гору».
Видна группа прогуливающихся людей. Начало XX века

124. Верхний пруд в парке имения «Шапки».
Начало XX века

125. Дорога в Староселье. Начало XX века

126. Вид на деревню Староселье и Старосельское озеро. Начало XX века

127. Мостик через Мельничный ручей. Начало XX века

128. Вид с территории дачи Н. Н. Эрк на Нижний пруд в парке имения «Шапки». Начало XX века

129. Верхний пруд в парке имения «Шапки». Начало XX века

130. Усадьба в имении «Шапки».
Начало XX века

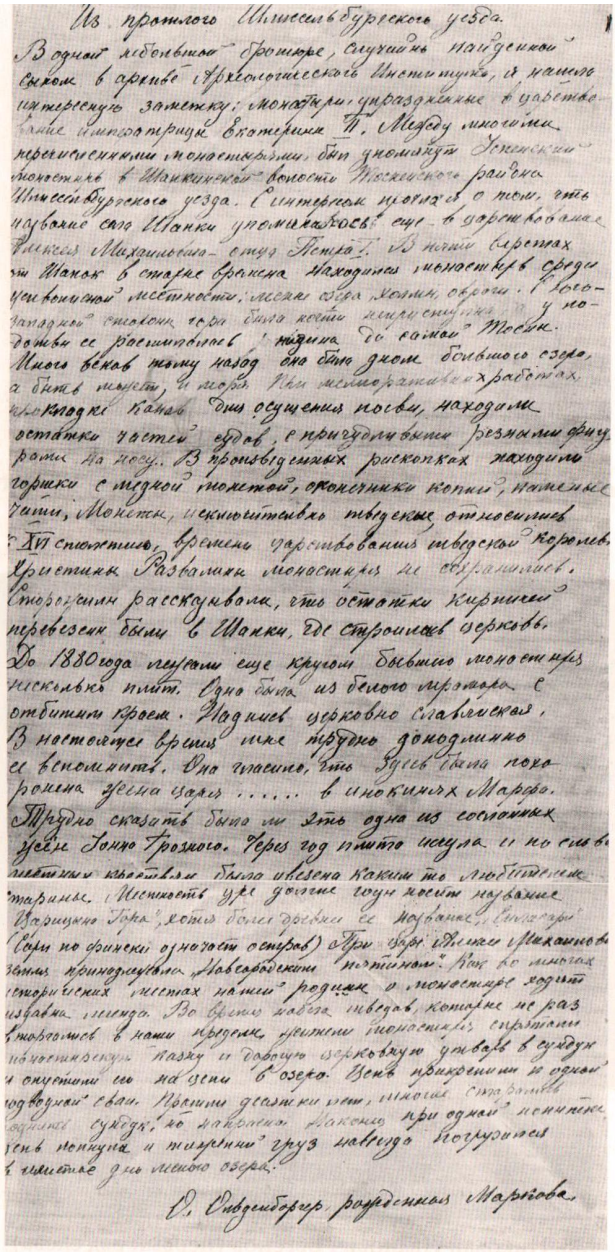
131. Небольшое озерко Лисино на окраине
села Покровское-Шапки. Начало XX века

132. Нестеровское озеро. Начало XX века

133. На постройке дачи на Царицыной горе. 1910-е годы. В окне слева мать Ольги Владимировны и Веры Владимировны — Анна Александровна Маркова. В окне справа правовед Гвоздаво-Голенко и баронесса Лидия Фитингоф-Шель. В первом ряду слева Вера Владимировна Бутурлина, Шура — Александр Ольденборгер (сын Ольги Владимировны), Сашок — Александр Бутурлин (сын Веры Владимировны) и Вова — Владимир Ольденборгер (сын Ольги Владимировны)

134. Рукописная страничка из воспоминаний О. В. Ольденборгер

135. Полноправный житель имения «Александровка» — рыжий сеттер «Того»

136. Николай Иванович Евгенов (первый ряд слева) с родственниками. Шапки. 1937 год

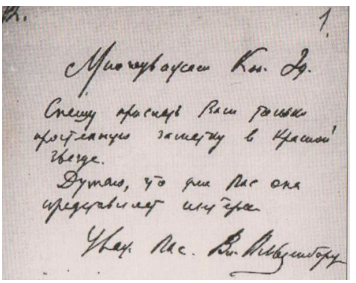
137. На веранде дачного дома:
Ирина, Дима и Наталия Николаевна Евгеновы с друзьями.
Шапки. 1940 год

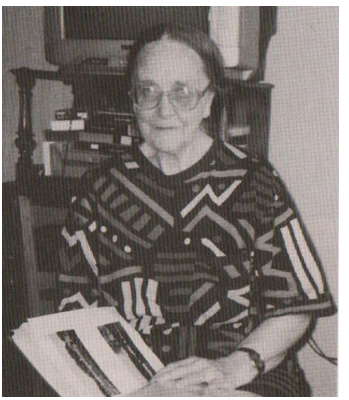
138. Дорога на Надино. Шапки, 1940 год

139. Пасека колхоза «Сиголово»
Шапкинского сельсовета. 1930-е годы

140. Письмо Владимира
Александровича Ольденборгера
к Константину Эдуардовичу
Циолковскому

141. Санкт-Петербург,
апрель 2007 года.
Ирина Николаевна Евгенова,
у нее в руках рукопись Ольги
Владимировны Ольденборгер
«Странички прошлого»

молочное хозяйство будут приведены в порядок и будут приносить доход, он будет делиться между всеми членами коллектива. Конечно, расходов на первое время предстоит немало: придется изыскивать средства и к уплате процентов земельному банку, которые будут висеть ежегодно, как Дамоклов меч, над моей головой.

Неожиданно вспомнила, как крестьяне ежегодно возили ольху на пороховой завод[1], устроенный много лет тому назад на берегу Невы; для выделки пороха требовалось это дерево. Кроме того, кора его шла на выделку красильного вещества. Можно последовать примеру моих земляков...

1913 год. Окончательно утвердилась я в своем решении создать коммуну, когда заявила о своем желании переехать ко мне эстонка Мария Балт, служившая в продолжение 10 лет у моих родителей в качестве доярки, а за ней решил последовать латыш Павел Кюбар, очень опытный и дельный работник, хорошо знающий полевое хозяйство. Неожиданно к ним присоединились приехавшие из Эстонии и не получившие от нашего уездного Земотдела хуторское хозяйство молодожены Эмма и Юрий Отс.

При помощи местных крестьян все на мою долю полученные постройки были в разобранном виде перевезены из старой усадьбы. Муж сговорился с плотниками, кончавшими работу по сооружению зданий на Шапкинской железнодорожной ветке[2], и в короткий срок они поставили нам дом из 6 комнат. Из привезенных бревен были построены хлев, баня и ледник[3].

Когда мы стали распределять работу для каждого члена коммуны, Мария Балт и Эмма Отс взяли на себя уход за коровами, Павел Кюбар и Юрий Отс решили поднять целину и тоже весной 1913 года засеять ее овсом, а я — заняться разведением пчел. Изучив в теории и на практике в усадьбе

[1] Пороховой завод — Шлиссельбургский пороховой завод. Крестьяне Шапкинской волости не только снабжали завод ольховой древесиной, многие устраивались на завод на постоянную работу.

[2] А. И. Ольденборгер проектировал железнодорожную ветку Тосно-Шапки и руководил работами по ее строительству.

[3] Постройки были перевезены в урочище Царицына гора в 3-х километрах от деревни Староселье.

родителей пчеловодство, состоя уже давно членом Пчеловодческого общества в Петербурге, я легко могла получить весь пчеловодческий инвентарь. Я мечтала создать образцовую пасеку и обучать крестьянскую молодежь этой интересной и полезной отрасли сельского хозяйства. В мае 1913 года наша коммуна весело отпраздновала начало коллективной работы[1].

Старший сын Владимир, окончивший в 1912 году гимназию, отбывал воинскую повинность в саперном батальоне; младший Александр — гимназист 6-го класса — после окончания экзаменов должен был приехать в деревню и обещал помогать во всех сельскохозяйственных работах нашим коммунарам.

Уже в конце второго года существования нашей коммуны коллективная работа дала хорошие результаты; я пришла к убеждению, что, обладая, культурным участком в пять десятин хорошо обработанной земли, не было никакого смысла иметь их сотни и тысячи, как у соседей моего отца. Хорошо он сделал, увеличив наделы крестьян во время начала своей службы в земстве в качестве «мирового посредника».

Я была уверена, что в Шлиссельбургском уезде не будет, как повсеместно, крестьянских волнений. Вспоминая жизнь своих прадедов, мне думалось, что рано или поздно разрушится эта величайшая несправедливость к работникам земли. Труженики, пережившие все ужасы крепостничества, они одни имели право на землю. А сколько времени, сколько труда стоило отцу выпросить у матери согласие на увеличение за счет ее владений крестьянских наделов и отдать их малоземельным. Иногда ему казалось, что он «один в поле не воин». Но когда находил в нашем уезде единомышленников, он был счастлив и писал об этом своему великому учителю Н. А. Некрасову. Бабушка, как ни любила своего сына, часто

---

[1] На Царицыной горе работали и жители деревни Староселье. Ефросинья Дмитриевна Лазарева рассказывала, как она, будучи совсем маленькой девочкой, носила обеды из Староселья на Царицыну гору, где ее отец, Дмитрий Алексеев, работал на конюшне у помещицы. После Великой Отечественной войны она показывала своей дочери Вере Федоровне Кудрявцевой фундаменты на Царицыной горе и рассказывала, где был дом, где конюшня и другие службы. Мария Петровна Забойкина рассказывала своей внучке Галине Михайловне Дорониной, как до революции старосельские девушки ходили к помещице на «Царицыну гору» собирать клубнику. Хозяйка просила их петь, чтобы не так скучно было. А девушки смеялись: «Пока поёшь, ягодку не съешь».

обижалась на него; выросшая в условиях крепостного права, она с детских лет впитала привычку к крепостному строю, к подневольному труду домашней прислуги. Отец старался выветрить в усадьбе этот ненавистный ему дух крепостничества и раболепства, но не всегда ему это удавалось. Все это было в прошлом, и теперь мы все чувствовали, что живем на пороге великих событий и что, если грянет война, она станет величайшим переломом в жизни нашей Родины.

В то время, когда мы горячо принялись за работу в коммуне, в Петербурге и его окрестностях с каждым днем разрасталось революционное движение. Муж оставил свою работу по устройству шоссе в Губернском земстве, получив от Военного ведомства заказ — в короткий срок провести для каких-то стратегических целей железнодорожную ветку в Белоруссии. Перед отъездом, во времена III Думы, он записался в Партию трудовиков[1]; она была невелика, но все же представляла крестьянские массы. Заехав к нам, он привез мне несколько номеров газеты «Правда». Муж предостерег нас от пропагандистов, которые за последнее время стали появляться в деревнях, уговаривая крестьян записываться в Партию народной свободы[2]. Многие крестьяне не сумели, как я узнала впоследствии, разобраться и понять, кто возглавляет эту партию; между ними был также один из наших коммунаров, он всегда мечтал уехать в родную Латвию, когда она освободится от гнета и эксплуатации народа помещиками и немецкими баронами. Там когда-то батраками жили его родители. Только значительно позже он понял свое заблуждение, читая статьи «Правды», которую иногда нам пересылал с сыном путиловский рабочий Федор Леонтьев, навещавший по воскресеньям свою семью. С тех пор наш коллектив прозвал кадетов «волками в овечьей шкуре».

---

[1] Небольшое расхождение по времени. Партия трудовиков — Трудовая народно-социалистическая партия. Партия распалась после поражения Революции 1905–1907 годов. Возобновила свое действие после Февральской революции 1917 года. Прекратила существование в 1918 году. Третья Дума — Третий созыв Государственной Думы (1907–1912). То есть вступить в партию трудовиков во времена III Думы А. И. Ольденборгер мог только в 1907 году, главка отнесена автором к 1913 году.

[2] Партия народной свободы — Конституционно-демократическая партия, кадеты. Главная партия либерально-монархической буржуазии в 1905–1917 годах.

ГЛАВА 5

Санкт-Петербург–Петроград, Рига, Псков, имение «Александровка» и «Царицына гора» Первая мировая война Февральская революция Октябрьская революция 1914–1917

19 июня 1914 года Германия объявила войну России[1]. К моему великому горю, мои сыновья должны были в ближайшие дни поступить в действующую армию. Старший, Владимир, отбыв воинскую повинность в 1913 году, кончал курс воздухоплавания в Петербурге. Младший, Александр, окончив гимназию, проходил ускоренные курсы в Михайловском артиллерийском училище[2].

Не прошло и года после начала военных действий, как в нашу волость стали уже посылать военнопленных. Правительство предписывало распределять их по крестьянским дворам, откуда отцы или сыновья были призваны в армию. Местные жители сначала неохотно принимали их, но вскоре убедились, что большинство из них — те же крестьяне, труженики земли. В короткий срок устроили они в селе хлебопекарню и сапожную мастерскую. Они внесли свой большой опыт и знания в сельском хозяйстве, оказали помощь в полевых работах. Шапкинский волостной совет[3] предложил нашей коммуне взять для полевых работ двух военнопленных венгров. Нашим коммунарам неожиданные помощники оказали неоценимые услуги в работе; я чувствовала, что они были счастливы, избежав всех ужасов войны, оказаться в нашем мирном уголке, так далеко от военных действий.

---

[1] По новому стилю — 1августа 1914 года. Далее в главе все даты приведены по старому стилю.

[2] Михайловское артиллерийское училище было создано в 1820 году по инициативе Великого князя Михаила Павловича «для образования искусных артиллерийских офицеров».

[3] Неточность в тексте. В начале прошлого века органом местного крестьянского самоуправления был не совет, а Волостное правление, состоявшее из волостного старшины, сельских старост и других должностных лиц, избиравшихся волостным сходом.

На нашу коммуну муж смотрел как на более или менее удачный опыт коллективной работы, но не вполне был уверен в ее целесообразности. Он считал, что в большом масштабе и с большим населением, примерно с количеством жителей деревни Староселье в 100–150 человек, она принесет пользу не только нашей маленькой артели, но и государству. «Ваша коммуна, — говорил он смеясь, — больше смахивает на хутор...»[1]

Первая мировая война (1914–1918) застала Павла Васильевича Самойлова в Петербурге. В нашем городе поначалу как-то не чувствовалось надвигающееся народное бедствие: концерты, спектакли, рауты не прекращались. Посещала и я спектакли с участием П. В. Самойлова.

Втихомолку, конечно, говорили о недостойном поведении царя, о том, что его жена окружена придворными немецкого происхождения. Всем была памятна история с Распутиным, смена министров, вся тяжелая атмосфера, создававшаяся годами кругом пошатнувшегося царского трона. Общее недовольство охватывало общество.

Меня поражала удивительная способность Павла Васильевича достигать такого перевоплощения, как типы с различной психикой в пьесах Островского, Толстого, Чехова, Ибсена и др. Как-то я заговорила с ним на эту тему. Он ответил мне на мой вопрос письмом, которое я сохранила и которое, быть может, многим покажется интересным:

«В творчестве художника сцены самое главное – перевоплощение. Во власть его отдаюсь и я, но мой самоанализ не говорит мне, что, вживаясь в роль, я отрешаюсь от самого себя и становлюсь тем лицом, которое изображаю. Нет,

[1] Автор книги «100 дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии» Н. В. Мурашова назвала усадьбу на Царицыной горе «полумызок». В книге, посвященной усадьбам Тосненского района, Н. В. Мурашова пишет, что полумызок на площади всего в 0,6 десятин земли был устроен В. П. Марковым в 1907 году. Вероятно, поначалу это была лесная сторожка, в которой жил егерь с семьей. Сама О. В. Ольденборгер в подписи на обороте фотографии, сделанной у дома на Царицыной горе, называет эту усадьбу дачей. Так что в обиходе и документах начала XX века встречались самые разные определения для этого небольшого поселения: сторожка егеря, хутор, коммуна, усадьба, дача, полумызок и мыза.

это несколько сложнее. Когда я играю, мое сознание как бы раздваивается. Все больше и больше проникаясь ролью, я жду кого-то второго, который должен прийти и окрылить меня. И когда он пришел, я больше не ответственен, так как меня заражает тот, другой. Я же со своей стороны делаю лишь то, что угодно ему и иногда бывает так, что я с интересом, как нечто неожиданное, воспринимаю собственное исполнение монолога. Играя вяло, другие говорят: "Сегодня у меня нет вдохновения". У меня же в этом случае готова сорваться фраза: "Зачем он, мой двойник, не пришел на работу". Он деспотичен, он играет мной, словно я у него на веревочках, и, в конце концов, люблю его власть. Мне приятно вполне освоиться с ролью, проиграв ее несколько раз, и готов сказать в этих случаях, что веревочки крепнут. Это не значит, конечно, что исполнение отливается в незыблемые формы. В сильных сценах я плачу обыкновенно подлинными слезами, и сила подъема колеблется из спектакля в спектакль, обусловливая не только новые жесты, но и иные интонации. Работая над ролью, я готов считаться и с режиссером, и с автором, но все же я прямо восстаю, когда автор хочет мне читать свою пьесу. Дело в том, что, как бы критически я ни относился к его исполнению, оно невольно давило на мое воображение. Поэтому я не люблю смотреть других актеров в той роли, которую думаю играть. Когда в Александринском театре шел "Дмитрий Самозванец" Островского, самозванца первый в очередь играл Аполлонский, я и Юрьев. В пьесе много массовых сцен, постановка очень сложная, и от меня требовали, чтобы я присутствовал на репетициях моих товарищей; но я этому требованию так и не подчинился. Я боялся, что чужая игра, несмотря на всю мою способность критически отнестись к ней, что-то навяжет мне. Что касается публики, я о ней забываю. Для меня зрительный зал — чернеющее во мраке пятно, и иногда мне дороже всей этой толпы один избранный зритель. Такого судью я видел в лице покойного Стасова. Я просил его приходить смотреть меня и, несмотря на мой успех у публики, давать свой самый беспощадный анализ моей игры. Успех! Это ведь и вообще странное понятие, так часто не совпадающее с чувством артиста. Когда я, например, играю Жадова в "Доходном месте", публика вызывает меня после сцены 2-го акта. Очевидно, впечатляет

обстановка и пение "Лучинушки" под звуки трактирного органа. Для меня же главное в пьесе – объяснение Жадова с женой; в эту сцену я вкладываю все силы, и по подъему я никогда, конечно, не стал бы сравнивать ее со сценой из 2-го акта. А за всем этим остается еще вопрос об основном духе творчества. В этом отношении я всегда ставил себе цель – неустанно стремиться к большей и большей простоте.

П. Самойлов. 1915 г.».

Друг и аккомпаниатор П. В. Самойлова Михаил Тимофеевич Дулов в годы Первой мировой войны был назначен военным санитаром одного из госпиталей Царского Села. Ежедневные поездки из города и обратно, непривычная работа сильно утомляли его.

Уже три года продолжалась война, и наша армия терпела поражение одно за другим. Немцы захватывали все новые земли, а внутри нашей страны все сильнее, все неудержимее росло революционное движение.

Это были тяжелые моменты в моей жизни. Мой старший сын[1] должен был в 1915 году с 3-го курса Университета отправиться на фронт, сначала сапером в окрестности Свеаборга[2], а затем, окончив воздухоплавательные курсы, в город Псков, где находились наши летные отряды. Мне удалось два раза навестить его в Гельсингфорсе[3].

Младший сын[4], только весной 1914 года окончивший гимназию, а затем ускоренные 8-месячные курсы Михайловского артиллерийского училища, был назначен на передовые позиции за Ригу. Попасть к нему было значительно труднее, хотя через три месяца я добилась пропуска через милицию[5]. В это время моему младшему сыну пришлось

[1] Старший сын — Владимир Александрович Ольденборгер.

[2] Свеаборг — в настоящее время музей-крепость Суоменлинна в Финляндии.

[3] Гельсингфорс — столица Финляндии Хельсинки.

[4] Младший сын — Александр Александрович Ольденборгер.

[5] Через милицию — милиция была создана в ноябре 1917 года. Вероятно, это было соответствующее ведомство царской России.

переживать тяжелые дни на болоте Олай близ Риги перед хорошо укрепленной позицией немецкой артиллерии. Неприятель стрелял почти без промаха; снаряды, сбивая верхушки тощих болотных сосен, попадали на передовую в нашу пехоту и артиллеристов. Один снаряд попал во входную дверь землянки, в которой находились солдаты. Они остались живы, но вход был завален; пришлось с большим трудом освободить его от комьев тяжелой болотной земли. Второй снаряд упал рядом, но взрыва, к счастью, не последовало. Сын осторожно подполз к нему и разрядил снаряд, отвинтив взрыватель, за что был представлен начальством к Георгию[1].

27 февраля 1917 года муж прочел мне манифест Центрального комитета Рабочей партии о создании революционного правительства и его задачах[2]. Главное, что обрадовало меня, это было требование прекращения войны. Снова воскресла надежда на возвращение сыновей, на возможность исполнения мечты каждого из них: получить высшее образование и работать в той области, которую они выбрали во времена учебы в школе. Старшему, Владимиру, пришлось три года нести военную службу: сначала в саперном батальоне, затем в воздушном флоте; под влиянием товарищей, охваченных революционным движением, он проникся иными стремлениями, как принести пользу Родине. Младший, Александр, мечтавший поступить в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию (ныне — Тимирязевскую[3]), но после 8-месячной подготовки в Артиллерийском училище он был отправлен на передовые позиции близ города Риги.

Мне казалось, что приказ Революционного совета явится решительным поворотом в ликвидации требований

[1] Георгий — Георгиевский крест, воинская награда в Российской империи.

[2] 27 февраля был организован Петроградский совет рабочих депутатов (Петросовет).

[3] Основана в 1855 году как Петровская земледельческая и лесная академия, в советское время — Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева — Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

Антанты[1] продолжать войну с Германией. Мне думалось, что после предполагаемого свержения царя должны быть уничтожены все договоры правительства. Невольно возникал вопрос о вмешательстве в политику нашего народа Соединенных Штатов Америки. Муж объяснил мне, что эта страна является военным союзником России и поэтому считает себя вправе вмешиваться в наши дела.

Быть может, все сложилось бы по-иному, но через пять дней, 2 марта, сформировалось Временное правительство[2], которое по своему составу носило антинародный характер. Временное правительство, по словам одного знакомого генерала, собиралось обнародовать распоряжение — свергнуть Николая и передать монархическую власть его брату Михаилу[3]. Демонстрация рабочих с красными знаменами требовала прекращения войны и передачи власти Советам.

9 марта мы с мужем стали очевидцами демонстрации забастовавших рабочих; на следующий день мы узнали о революционном движении, охватившим весь город. Народ требовал окончания войны, свержения царя. Страшна была для меня мысль о том, что Временное правительство в лице Милюкова хотело довести мировую войну до победы и соблюдать обязательства, данные союзникам.

Зная, что Совет рабочих и солдатских депутатов возник сразу после отречения царя, я считала, что решать все насущные проблемы должен был только он; а неожиданно получилось какое-то двоевластие; я никак не могла разобраться в этом, пока муж многое не объяснил мне. Временное правительство, очевидно, ставило своей целью увеличить

[1] Антанта — тройственный союз Великобритании, Франции и России, направленный против Германии. В ходе Первой мировой войны союз объединил и другие страны: Сербию, Японию, Италию, США, всего 34 государства. После 1917 года Россия фактически вышла из Антанты.

[2] Временный комитет IV Государственной Думы 27.02.1917 сформировал Временное правительство. Сформированное в ходе Февральской революции Временное правительство было свергнуто большевиками в октябре 1917 года. За время действия сменилось 4 состава Временного правительства.

[3] Николай — русский император Николай II, Михаил — Великий князь Михаил Александрович, брат императора Николая II.

демократические свободы и продолжать войну до победного конца. В подтверждение своих слов муж прочитал мне статью из газеты «Правда»[1] от 5 марта, в которой была ярко обрисована политика Временного правительства. В статье говорилось о необходимости сплочения пролетариата, о переходе его к революционной борьбе за Советы, так как в них заключалось все будущее русской революции.

В один из свободных дней муж дал мне подробную характеристику лиц, вошедших в состав Временного правительства. Особое негодование вызвало у него избрание юриста Керенского министром юстиции. Мужу приходилось с ним встречаться на заседаниях Партии трудовиков[2]. Керенский производил впечатление человека без всяких нравственных принципов; человека хитрого, умевшего втереться в доверие к людям, стоящих по своему положению и состоянию неизмеримо выше его. И благодаря своему подхалимству он быстро сумел добиться поста министра юстиции. Вскоре он снял свою личину и перешел в Партию эсеров[3], партию, служившую интересам буржуазии.

Весенний день; еще морозит, хотя солнечные лучи уже ярче и веселее заглядывают в окна. Вспоминаю, что обещала зайти к сестре, она живет близко[4], и хочется воспользовать-

[1] Газета «Правда» — большевистское издание. В 1912–1914 годах издавалась в Петербурге, 8 раз закрывалась. Была запрещена 8 (21).07.1914 года. После Февральской революции издание газеты возобновилось, «Правда» при Временном правительстве несколько раз меняла название.

[2] Партия трудовиков — Трудовая народно-социалистическая партия. Партия распалась после поражения революции 1905–1907 годов. Возобновила свое действие после Февральской революции 1917 года. Прекратила существование в 1918 году.

[3] Эсеры — члены партии социалистов-революционеров. Политическая партия, созданная в 1901–1902 годах путем соединения народовольческих групп и кружков. После октября 1917 года участвовала в выступлениях против большевиков. Прекратила существование в 1923 году после суда в 1922 году над руководителями партии.

[4] Семья Ольденборгер жила на Разъезжей улице, дом 4, кв. 8. Квартира из 12 комнат занимала весь 4-й этаж дома. Вера Владимировна Бутурлина жила в Эртелевом переулке, дом 11 (ныне — улица Некрасова).

ся редкой у нас погодой. На углу Владимирского и Невского проспектов толпа, через которую трудно пробраться. Целое шествие преграждает дорогу. Идут рабочие, студенты, девушки с красными флагами, поют «Интернационал», к ним присоединяется молодежь из публики, а впереди, я не верю своим глазам, идет в военной форме Собинов; полный воодушевления и какой-то особенной торжественности, звучит его голос «Отречемся от старого мира...» Публика подхватывает этот гимн революции...

Не узнать мне в эти минуты всегда сдержанных петербуржцев.

Телефонирую[1] от сестры Михаилу Тимофеевичу Дулову; он, по-видимому, озабочен: «Узнаю Леню, понимаю его настроение, но он совершенно забывает, что здесь не Москва, а наш петербургский климат...» Он еще долго выражает свои опасения, а мне понятно, что в жизни человека бывают такие минуты душевного подъема, когда он всецело неудержимо отдается во власть общему стихийному движению. А может быть, оно в этом году явится прологом падения ненавистного всем царизма — прологом старого мира[2].

Уезжая на весенние работы в нашу коммуну, я просила мужа по возможности чаще информировать меня о дальнейших событиях в Петербурге. Два раза в месяц, на воскресные дни, путиловец Федя Леонтьев приезжал в свою деревню Староселье навещать семью. Я заходила к ним, получала присылаемые мужем газеты и поэтому была в курсе всего, что происходило в нашей стране. По словам Феди, путиловцы, да и рабочие других заводов, давно поняли реакционные действия Временного правительства, его цель — задушить революцию в самом корне; они поняли, кто направляет все усилия, чтобы отстранить рабочих как самый сознательный элемент и захватить всю власть в свои руки.

[1] К 1917 году телефоны были во многих домах состоятельных жителей столицы. Телефоны был и у самой О. В. Ольденборгер, в справочнике «Санкт-Петербург-1910» указан № телефона: 14227, и у В. В. Бутурлиной — № 15278.

[2] В тексте рукописи эпизод отнесен Ольгой Владимировной к 1905 году, по воспоминаниям других очевидцев, было это весной 1917 года после Февральской революции.

«К нам на завод приезжали ораторы, — рассказывал Федя, — и я понял, что всего позорнее и страшнее для русского человека то, что правительство действует по указке Англии, Франции и Америки. Эти государства подбираются к нашим богатствам, залежам угля, заводам Урала. Ведь недаром прозвали нашу Россию "житницей Европы". В "Новом времени"[1] чуть ли не каждый день возвещают: приехал такой-то министр из Франции, такой-то министр из Англии, не говоря о целой комиссии инженеров из Америки». «Чего им надо у нас?» — так с горечью говорил Федя. Огорчило меня и присланное с газетами письмо мужа: «Временное правительство требовало продолжить войну». Улетучилась надежда на скорое возвращение наших сыновей, прекращение жертв, уже принесенных нашим народом. Прав был мой муж, сказав мне, что наш рабочий класс не имеет достаточно сил, чтобы противостоять Временному правительству.

В один из своих приездов Федя рассказал нам подробно о приезде 3 апреля Владимира Ильича Ленина в Петроград. «Собирался ехать на Пасху в деревню к семье и остался. Слух о возможности приезда Ильича уже давно распространялся у нас по цехам. Празднично было на улицах в этот пасхальный день. Торжественно переливался пасхальный звон церковных колоколов, магазины в этот день не торговали, толпы гуляющих заполнили все улицы. Мы, путиловцы, шли вечером через весь город; к нам присоединялись рабочие и работницы других заводов и фабрик. Ярко была освещена площадь у Финляндского вокзала. Встретили поезд в 11 часов вечера, а некоторые организации еще раньше уехали встречать Ильича в Белоостров[2]. Не забыть мне никогда этой встречи; ведь в этом человеке — вся наша надежда на спасение, лучшую жизнь рабочего». Так рассказывал Федя, и так хотелось надеяться, что с приездом Ленина рассеются грозные тучи, нависшие над Родиной.

---

[1] «Новое время» — одна из крупнейших российских газет. Издавалась в 1868–1917 годах в Петербурге. Поначалу либеральная газета, с переходом издания к А. С. Суворину (1876) — консервативная.

[2] Белоостров — поселок на Карельском перешейке и станция Финляндской железной дороги.

И вспомнился мне один день из далеко прошлого. В усадьбе отца одно лето жил художник-академик Николай Александрович Сергеев[1]. Однажды он задумал написать этюд с нашего большого озера, которое особенно нравилось ему. Был жаркий июльский день. Казалось, все замерло в каком-то полусне. Неподвижно склонились к воде прибрежные ивы, неподвижна была зеркальная поверхность глубокого озера. Но на западе, за опушкой березового леса, показалась грозовая туча. Все быстрее закрывала она голубое небо, все ближе раздавались грозовые раскаты...

Неожиданно первая, гонимая поднявшимся ветром тучка закрыла яркий диск солнца; закачались верхушки берез и елей далекого леса, согнулся к воде высокий камыш, склонились к набежавшей волне головки белых водяных лилий. Надвигалась гроза. Внезапно ослепительно яркий солнечный луч прорвался сквозь набежавшую тучу. Осветил свои блеском темные волны, высокий камыш, плакучие ивы...

Казалось, он хотел напомнить нам, что минует гроза, что снова яркое солнце осветит с безоблачного неба всю красоту окружающей нас природы. Картина талантливого художника вскоре появилась на большом полотне в Третьяковской галерее Москвы. И глядя на нее в один из приездов в Москву к родственникам, я вспомнила приезд Владимира Ильича в нашу столицу. Он был именно таким ярким солнечным лучом, который в те тяжкие для нашей Родины времена осветил немеркнущим светом всю мрачную жизнь нашего измученного народа.

Я не буду повторять содержание всех известных в настоящее время выступлений Владимира Ильича в Таврическом дворце, на Путиловском и других заводах и жарких дискуссий по их поводу. Помню, что муж часто посещал в апреле митинги рабочих и говорил мне, что с каждым днем после приезда Владимира Ильича растет политическое сознание масс. Примером мог служить день 18 апреля 1917 года, когда была опубликована нота правительства о готовности продолжения войны с Германией до победного конца. Рабочие почти всех заводов возмутились этим воззванием правительства и хотели арестовать Милюкова, подписавшего ноту. Все рабочие стали требовать перехода власти

[1] Сергеев Н. А. — в те годы, когда он бывал в Шапках, еще не был академиком живописи, это звание он получил в 1910 году.

к Советам, никакой поддержки Временному правительству, окончания войны, конфискации помещичьих земель, контроля Советов над производством. Демонстрации против войны не прекращались.

В мае, как писал муж, произошла крупная демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!» Муж был возмущен, узнав, что презираемый им Керенский назначен военным министром. В мое отсутствие Федор Леонтьев заходил к мужу, чтобы рассказать ему о приезде Владимира Ильича к ним на завод, о бурной овации, устроенной ему путиловцами, и о проводах его до самых Нарвских ворот.

Заходил к Алексею Алексеевичу Ильину его племянник, мичман Михаил Железнов, и рассказал моей сестре, что в Кронштадте, где была его служба, образовался местный Совет, солидарный с петроградскими рабочими и солдатскими депутатами, и что в конце июня все они решили перейти на большевистские позиции.

Всех возмущали статьи в «Новом времени»; все чаще в них говорилось о необходимости довести войну с Германией до победного конца, утверждалось, что только окончательный разгром этой страны обеспечит нашему народу желанный мир. 18 июня по приказу Керенского 11 дивизий были направлены против немцев[1]. Это наступление окончилось катастрофой. Говорили, что наша армия потеряла убитыми и ранеными 60 тыс. человек. Эту трагедию забыть нельзя.

Я помню вечер, когда мы с мужем шли по Невскому проспекту, где всюду были развешены портреты Керенского, человека, место которого давно должно быть на виселице, как врага нашего народа, как предателя нашей Родины. Дома мы застали Федю. Он сообщил нам, что рабочие Путиловского завода готовятся к демонстрации с отрядом Красной гвардии во главе, поэтому в случае моего отъезда в деревню он просит передать его семье, чтобы его не ждали и что он задержится в городе. Правительство, как я узнала через несколько дней, устроило обычные засады, обстреляло мирных людей, обвинило их же в восстании против законного правительства.

Уже с 5 июля наш город считался на осадном положении. Редакция газеты «Правда» и типография «Труд» были

[1] 18 июня 1917 года — начало неудачного наступления русских войск в Галиции.

разгромлены. За последнее время во мне усилилось беспокойство о младшем сыне, чуть ли не со школьной скамьи попавшем на передовые позиции близ Риги. Я решила, получив пропуск в нашей милиции, ехать немедленно к нему. В штабе Рижского фронта служил старый знакомый, редактор «Русского инвалида»[1], благодаря его содействию мой сын был вызван в город, и я была бесконечно счастлива возможности провести с сыном несколько часов. На обратном пути в вагоне поезда я узнала, что пост военного и морского министра правительства занял Керенский; он уже успел проявить свою власть, отдав приказ об аресте нескольких моряков Балтийского флота. К счастью, ему было в этом отказано морским начальством Кронштадта.

Впрочем, он удовольствовался за уходом в отставку председателя министров князя Львова его местом. Теперь, имея неограниченные полномочия, этот ловкий прислужник Антанты стал исполнять программу своих господ: разгром нарастающей революции, запрещение неугодных правительству газет и журналов. Все это я уже узнала со слов мужа и о том, что Керенский осмелел настолько, что издал приказ об аресте Владимира Ильича. К счастью, ему это не удалось. Теперь все убедились, что этот наглый выскочка действует заодно с Антантой. В разговоре с мужем я высказала опасения, что недалек тот день, когда наша Родина очутится под игом Антанты, как в 1240 году она подпала под иго татар. Но муж последнее время весьма пессимистично относился к распоряжениям Керенского и предсказывал, что он скоро свернет себе шею. «После июльских[2] событий партия растет, — говорил он, — крепнет, газеты, несмотря на запрещение, возобновляются под другим названием, крепнет и политическое сознание солдат и матросов».

От Федора Леонтьева я узнала, что молодежь на заводах организуется и готовится к новым битвам. Рабочие Шлиссельбургского порохового завода в нашем уезде, в котором

[1] «Русский инвалид» — военная газета, издавалась в 1813–1917 годах. С 1869 года орган Военного министерства.

[2] Июльские события 3 (17) июля 1917 — солдаты 1-го пулеметного полка призвали к демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!» На следующий день состоялась 500-тысячная демонстрация рабочих, солдат и матросов Петрограда. Колонны обстреливались войсками; общее число убитых и раненых превысило 600 человек.

работало несколько человек из нашей волости, так же как и в ближайшей Колпинской волости на Ижорском заводе, знают о манифесте партии, о ее призыве быть готовыми к отпору требований Временного правительства.

В 1917 году я узнала от Павла Васильевича Самойлова, что он собирается организовать с несколькими артистами поезд «Артист — солдату». В случае удачного исполнения его плана я просила его уведомить меня по телефону. Через несколько дней я получила ответ: «Принц Ольденбургский согласился исполнить просьбу артистов и, кроме того, пожертвовал крупную сумму на организацию этого большого дела». Павел Васильевич обещал мне, приехав в Ригу, попросить высшее командующее начальство вызвать моего сына с передовых позиций. Велика была моя радость, когда через несколько дней я получила открытку от Павла Васильевича: «*Дорогая О. В. Шура ночует у меня. Поднимаем бокал Рейнского; пошли Вам бог всего доброго. Самойлов. П. 8-VIII-1917 г.*», и приписка сына: «*Немец наступает, слышны выстрелы*». На открытке фотография Павла Васильевича Самойлова в костюме Гамлета с черепом в руках. Вспомнился монолог Датского принца: «Быть или не быть...»

После назначения генерала Корнилова главнокомандующим армии в Петрограде разнесся слух, что по каким-то стратегическим соображениям он решил сдать Ригу немцам. Назначение Корнилова состоялось 18 июля. Действительно, немец не только наступал, он занял Ригу, и наши войска отступили под Венден[1]. Рига была сдана врагам 21 августа. Павел Васильевич давно возвратился домой, дав несколько представлений в Риге. В конце августа Корнилов потребовал передачи всей власти в его руки[2].

[1] Венден — Цесис, город в Латвии на реке Гауя в 90 километрах к северо-востоку от Риги.

[2] Речь идет о корниловском мятеже 25–30 августа 1917 года — мятеж генерала Л. Г. Корнилова, назначенного 18 июля Верховным главнокомандующим вместо А. А. Брусилова и потребовавшего передать всю полноту власти в его руки. 1 сентября Корнилов был арестован. Верховным главнокомандующим стал А. Ф. Керенский.

Возрастало сопротивление рабочих Временному правительству и корниловскому мятежу на Ижорском заводе, Шлиссельбургском пороховом заводе и Сестрорецком оружейном. На Путиловском организовался Комитет народной борьбы с контрреволюцией, появились отряды красных сестер. На окраинах города устраивали окопы, проволочные заграждения. Необычайный революционный подъем охватил весь город. Прибыли и моряки Балтийского флота для охраны города. Значительно позже мы узнали, что продвижение корниловских войск было остановлено под Вырицей, Лугой и Нарвой. Железнодорожники делали героические усилия, чтобы препятствовать продвижению войск. Разбирали пути, рыли окопы. Ряды войск Корнилова редели с каждым днем, его планы рухнули, и он должен был с позором покинуть Россию.

В конце сентября мы узнали, что немцы решили захватить остров в Рижском заливе, в случае удачи, имея базу, — пробраться в Финский залив для уничтожения нашего флота. Наших кораблей было в три раза меньше, но, несмотря на значительный перевес врага, благодаря отваге балтийцев после тяжелого неравного боя наши победили. В этом бою трагически погиб племянник А. А. Ильина Михаил Железнов. Хороший пловец, он бросился вплавь с разбитого подводной миной тонущего корабля. Он уже подплывал к одному из островов Моонзундского архипелага[1], но его настигла вражеская пуля, и на глазах товарищей он скрылся навсегда в водах Балтики.

Между тем Керенский продолжал вести свою предательскую политику; много врагов революции стояло за ним. Но и мы все были убеждены, что, подобно Корнилову, ему не придется долго играть роль всемогущего диктатора. В эти тревожные дни для России нашей семье пришлось пережить много волнений вследствие тяжелой болезни

[1] Группа островов в Балтийском море у берегов Эстонии. В районе архипелага проходила Моонзундская операция (по старому стилю 29.09–6.10. 1917), когда Германский флот пытался захватить архипелаг и выйти в Финский залив к Петрограду. Несмотря на захват островов, немцы конечной цели не достигли. Операция была сорвана героическими усилиями моряков Балтийского флота.

мужа, необходимости немедленной операции по требованию одного из лучших хирургов города. К счастью, все обошлось благополучно, и при первой возможности муж уехал в одну из санаторий[1] юга. Перед его отъездом мы были обрадованы неожиданным возвращением Александра. Получив на передовой позиции ранение, плохо поддававшееся лечению местных хирургов, ему пришлось лечь в петроградский военный госпиталь до полного своего выздоровления, а затем снова идти на борьбу с внутренними и внешними врагами нашей многострадальной Родины.

После отъезда мужа и сына я сдала временно свободную комнату в нашей квартире двум братьям-журналистам, Ефрему и Морицу Рабиновичам. Мне не пришлось раскаяться в своем решении: благодаря журналистам я была постоянно в курсе последних событий, вместе с ними переживала исторические, решающие дни для судьбы нашей Родины. Морицу удалось проникнуть, как представителю прессы, в Зимний дворец. Он был очевидцем всего, что произошло в эту достопамятную ночь 25 октября[2]. Утром следующего дня, по возвращению домой, он рассказал нам все, что происходило во дворце, на площади, занятой революционными отрядами, и на улицах, где всю ночь ходили патрули рабочих. О бегстве Керенского в автомобиле американского посольства мы узнали значительно позже и пожалели, что ему удалось избежать народного суда. Через несколько дней братья сообщили мне содержание проекта Декрета о мире и земле[3]. И я поняла всем свои существом всю справедливость решения нашего вождя.

Меня не покидало тревожное настроение, и я совершенно не могла спокойно сидеть дома. Несмотря на уговоры мужа, я выхлопотала через нашу милицию пропуск и решила ехать в Венден, где в данное время сосредоточивалась наша

[1] Такова была орфография в те годы. Санатория — женского рода.

[2] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде произошло по старому стилю в ночь с 24 на 25 октября (6–7 ноября).

[3] «Декрет о земле» и «Декрет о мире» — первые законы советской власти, написаны В. И. Лениным в ночь с 26 на 27 октября (8–9 ноября) 1917 года. Приняты II Всероссийским съездом Советов.

Сибирская артиллерийская бригада. Перед отъездом я сообщила Павлу Васильевичу о своем решении ехать навестить сыновей. В ответ я услышала что-то весьма нелестное в мой адрес и всех вообще женщин, делающих, не подумав, сумасбродные поступки.

В этот год зима была ранняя, холодная, морозная, с большими снегопадами. В Венден я приехала ночью. Узнала на вокзале, что в 3 часа утра оправляется поезд с солдатами на фронт. Билетов, конечно, не было. Я дошла до конца платформы, увидела в темноте силуэты вагонов и, незамеченная никем, вошла в ближайший вагон. Вскоре наш маленький поезд наполнился бойцами передовых позиций. Через час остановились где-то в поле у семафора.

К счастью, увидела крестьянина в санях, он собирался кого-то посадить и довезти до артиллерийских позиций; он согласился за небольшую плату довезти и меня. По укатанной снежной дороге мы быстро неслись мимо маленьких елок, посаженных вдоль всего 6-верстного пути. Рассветало, и вдали на краю большого оврага я увидела землянки, наполовину замаскированные еловыми ветками. Мой возница подвез меня к одной из них, и, указав кнутом на маленькую дверцу у сугроба, быстро помчался дальше.

В самые первые минуты свидания мой сын[1] не знал, выбранить ли меня за мой неосторожный поступок или обрадоваться моему неожиданному приезду. Как быстро промелькнули для меня эти два дня, проведенные в землянке при тусклом освещении фитиля. Мы говорили с ним о событиях последних месяцев, о братании наших солдат с солдатами противника, о полной дезорганизации командующего состава. Всем хотелось одного — скорее покинуть фронт, возвратиться домой, в родные места, к своим семьям.

На обратном пути я заехала в Псков. Здесь настроение населения было тревожное, вызванное наступлением немцев на Ригу и слухами, что этот город занят немцами.

Сын[2] рассказал мне, что вся солдатская масса стояла за большевиков и что только в Двинске[3] штабы еще находились в руках офицеров. Собравшиеся представители воздухоплавательных частей были настроены революционно.

---

[1] Сын — младший сын О. В. Ольденборгер Александр.

[2] Сын — старший сын О. В. Ольденборгер Владимир.

[3] Двинск — Даугавпилс, город в Латвии (до 1893 года Динабург).

Они избрали Временный революционный комитет[1], выбрав моего сына товарищем председателя. Кроме того, комитет избрал коллегию по управлению воздухоплавательными частями округа их трех лиц, в которую вошел мой сын.

Владимир приехал в Псков в момент широкого революционного движения по всей прифронтовой полосе; 26 ноября 1917 года был созван съезд представителей от всех воздушных частей. Проект воззвания к воздухочастям о необходимости созвать на демократических началах Съезд воздухоплавателей Северного флота был предложен поручиком Н. Анощенко. Был также составлен проект наказа Временному революционному комитету. Состав Временного революционного комитета был избран: председатель — Голубев, товарищ председателя — мой сын, члены Васильев, Парменов, Федлов и секретарь Анощенко. Комиссар Северного фронта тов. Позерн утвердил положение о Первом демократическом воздухосъезде Северного фронта. Исполнительным органом Комитета была назначена коллегия из трех лиц: Н. Сорокина, моего сына и Р. Фирковича. Она была ответственна перед Верховным советом фронта, Коллегией по управлению войсками Северного фронта и Фронтовым воздухосъездом. Так начиналась новая боевая жизнь моего старшего сына.

Признаться, я была первое время очень встревожена всеми этими событиями. Вернувшись в Петроград, я, конечно, рассказала о своих впечатлениях во время пребывания в Пскове и окрестностях города Вендена. Павел Васильевич, очевидно, давно забыл наш разговор по телефону; он, как и все мы, чувствовал, что события развиваются быстрым темпом.

[1] Солдатские комитеты — выборные органы в российской армии после Февральской революции 1917 года (от ротных комитетов до фронтовых). В ходе Октябрьской революции 1917 года к ним перешла вся власть в войсках. Были ликвидированы весной 1918 года после роспуска старой армии.

ГЛАВА 6

Петроград–Ленинград, Москва, Шлиссельбургский уезд — Тосненский район
От Октябрьской революции до Великой Отечественной войны
1918–1941

Сердце сжималось при мысли, что, может быть, снова моим сыновьям придется идти на фронт, участвовать в новой войне[1]. Владимир мог только урывками посещать университет, но я была уверена: если иностранные войска объединятся с внутренними врагами советской власти, оба моих сына пойдут на защиту родной земли.

Весну и лето 1918 года я провела за работой в нашей коммуне. В августе из нашего Шапкинского сельсовета[2] пришли уполномоченные с предписанием Шлиссельбургского уземотдела[3]: «Как бывшая помещица, я должна покинуть нашу коммуну». Пришедшие казались смущенными, и я чувствовала, что они неохотно выполняют возложенное на них поручение. Они сообщили мне, что по ходатайству Волостного правления моя мать может остаться в старой усадьбе до конца своей жизни. Хотя я и была подготовлена к необходимости покинуть нашу коммуну, но все же тяжело было расстаться с нашим дружным коллективом, с любимой работой, в которую вкладывала столько энергии и любви. Утешало только товарищеское, почти чисто родственное отношение ко мне людей, не только членов нашей коммуны, но и большинства жителей окрестных деревень.

В городе я зашла в Губземотдел[4] с просьбой передать созданное мной пчеловодство в надежные руки опытного

[1] Брестский мир (03.03.1918) обеспечил ценой огромных уступок выход России из Первой мировой войны и мирную передышку для становления новой советской власти. Аннулирован советским правительством 13.11.1918.

[2] Шапкинский волостной исполнительный комитет был избран 12 марта 1917 года.

[3] Уземотдел — уездный земельный отдел.

[4] Губземотдел — губернский земельный отдел.

пчеловода. Узнала, что там было получено заявление четырех деревень нашей и соседней, Лезьенской, волости с просьбой оставить меня, как полезного работника, на месте. Но я, конечно, понимала, что декрет должен остаться незыблемым для нашей родины, вечным законом без каких-либо случайных исключений. И в моем решении меня поддержали мои сыновья.

Вспоминается мне встреча у Самойловых с Федором Ивановичем Шаляпиным. В этот вечер он участвовал в опере композитора Бойто «Мефистофель»[1] и после окончания спектакля обещал приехать к Павлу Васильевичу. Варвара Александровна сообщила по телефону об этом своим друзьям. Нас собралось человек 15. Зная любовь знаменитого артиста к пельменям, Варвара Александровна подала их на ужин первым блюдом. И первому в глубокой тарелке с деревянной ложкой их принесли Федору Ивановичу. Только он собрался приняться за любимое блюдо, как заметил, что мне, его соседке, не успели принести то же самое. Быстрым и ловким движением он перевернул свою тарелку с пельменями в мою — пустую, приговаривая: «Дамам прежде всего». В конце ужина, когда подали кофе, Павел Васильевич попросил Федора Ивановича перейти с ним в кабинет. Напрасно мы ожидали хозяина и гостя, обещавшего нам спеть «Ноченьку». Оказалось, что оба сидели у письменного стола, говорили о театре, а перед ними стояла большая бутыль наливки, посланная моей матерью еще осенью из деревни. Они так увлеклись разговором, что совершенно забыли о нашем существовании, об обещании спеть ожидаемый романс. В этот вечер Шаляпин ночевал у Самойловых. Насколько я помню, он выступал в последние годы только в Москве.

1919 год был для нашей семьи очень тяжелым. В марте от воспаления легких умер мой муж, летом того же года — моя мать, доживавшая последние свои дни в усадьбе и совершенно отказавшаяся от жизни в городе.

[1] Оперу композитора А. Бойто ставили в Мариинском театре в декабре 1918 года.

А над нашей Родиной снова нависли черные тучи: государства Антанты, англичане, французы и их ставленник — адмирал Колчак — объявили блокаду России. Мои сыновья, поступившие с первых дней формирования в ряды Красной армии, приняли участие в Гражданской войне. Владимир был отозван в Москву в Главное управление Воздушного флота республики. Александр, вступив в ряды Красной армии, был направлен против Деникина. Войска Юденича шли на Петроград. Город Луга и многие станции Витебской железной дороги были заняты белогвардейцами. Только благодаря доблести и единодушию нашей Красной армии после ожесточенных боев неприятель был отброшен далеко от пределов нашего молодого Советского государства.

Имя Сергея Александровича Бутурлина было известно и Владимиру Ильичу Ленину, который сам любил природу и охоту. Неожиданно Сергей Александрович был вызван в Москву, и во время встречи с великим вождем ему было предложено остаться в новой столице и занять место ученого консультанта в главном Управлении охоты и звероводства Наркомзема[1] Москвы. Только гениальный ум Владимира Ильича Ленина смог оценить стремление и любовь своего бывшего маленького товарища по симбирской гимназии к природе, собиранию коллекций насекомых, к изучению зоологических наук, к охоте во всех ее видах. В период жизни Владимира Ильича Ленина в Москве Сергей Александрович Бутурлин с мая по декабрь 1918 года работал в отделе химических продуктов Наркомпрода[2] и одновременно состоял членом Научно-редакционной комиссии Наркомпроса. С июля 1919 года и до конца 1920 года он был командирован Наркомпросом[3] в Среднее Поволжье во главе партии для сбора зоологических материалов для музеев. В начале января 1921 года был приглашен Н. В. Крыленко в Центральное

[1] Наркомзем — Народный комиссариат земельный. Народные комиссариаты (наркоматы) — органы государственного управления, были в 1917 году созданы на базе министерств. В 1946 году были преобразованы в министерства.

[2] Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия.

[3] Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения. В эти годы Бутурлин работал в Институте природоведения в г. Алатыре Симбирской губернии, участвовал в экспедиции на Суру.

управление по делам охоты при Наркомземе, где состоял в качестве начальника отдела охотничьего хозяйства, а по ликвидации Центрохоты остался в Наркомземе специалистом по охотничьему промыслу до весны 1925 года.

В этот период П. Г. Смидович пригласил его в состав организованного им Комитета Севера при Президиуме ВЦИК[1]. Сергей Александрович оставался членом комитета и его бюро до их ликвидации в 1935 году. В эти годы Сергей Александрович продолжал вести большую общественную работу в различных организациях, выполнял различные поручения.

Привожу выписку из одного документа: «*Уважаемый Сергей Александрович, как квалифицированного знатока для охоты, а особенно оружия, не только в России, но и популярного за границей, могущего принести своим опытом и знанием громаднейшую пользу в деле организации охоты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Центральная комиссия по охоте и рыболовству в заседании своем 27 сего октября единогласно постановила просить Вас состоять ученым членом Центральной комиссии по охоте и рыболовству РККА*[2]». */Датировано 31 октября 1921 года/.*

В 1926–1927 годах в низовьях реки Таза работала экспедиция Всероссийского географического общества под начальством Р. Е. Кольса, главным образом по топографической съемке. Попутно экспедицией был собран небольшой орнитологический материал в трех пунктах в окрестностях города Тюмени, Обдорска и низовьях реки Таза. Почти все сборы были сделаны у Хальмер-Седэ и на реке Мангазее. Материал был передан Кольсом Зоологическому музею Московского государственного университета и предоставлен для его обработки А. С. Бутурлину.

Сергей Александрович случайно познакомился с писателем Пришвиным, ездил с ним на охоту в Тверскую (Калининскую) область, в окрестности озера Селигер. В одном из своих рассказов Пришвин вспоминает о Сергее Александровиче.

---

[1] ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет, высший исполнительный, законодательный и контролирующий орган государственной власти РСФСР в 1917–1936 годах.

[2] РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия — официальное наименование с 1918 по 1946 год.

Бутурлин был неутомимым исследователем нашего Севера. В течение десятилетий он собрал весьма ценную научную коллекцию птиц более 11 тыс. экземпляров. Большинство из них собрано на Колыме, Чукотке, Охотском побережье, на островах Колгуеве и Новой Земли. Вот что он писал по этому поводу в одном документе от 5 января 1920 года: «*Я собирал 30 лет эти материалы не для личной выгоды; еще десять лет тому назад директор Трингского музея доктор Хартерт за одну только часть моей коллекции предлагал по теперешнему курсу огромную сумму (около трех миллионов рублей). Я наотрез отказался, желая хранить эти материалы для русской науки; и тогда, же имея детей, нотариально завещал эти материалы Московскому университету*».

Зиму 1919–1920 года я провела в городе. Старший сын, Владимир, остался работать в Москве в Главном управлении Воздушного флота республики; младший, Александр, после нашей победы под Царицыном[1] принял участие в изгнании интервентов на юге России.

Я долго не могла отрешиться от воспоминаний о минувших днях моей жизни в коммуне — это было неподвластно моей воле. Именно в своей работе в деревне я находила смысл жизни; в тиши лесов и полей, вдали от городской суеты и вечных ожиданий новых неожиданных решений людей, стоящих у власти, чуждых нашему крестьянству, нашему рабочему классу. Здесь труд был главным ненарушимым законом, обязанностью каждого из нас. Неизгладимо оставалось в памяти все то, что было создано на целине, вдали от деревень, нашей коммуной: ранние весенние работы, колосистая рожь, цветущий клевер, развесистые яблони, стройные ряды ульев, в которых с восхода солнца до вечерней зари шла неутомимая работа моих крылатых тружеников.

Вспоминалась весна, когда весь воздух, казалось, был полон ароматом сирени и цветущего белыми гроздьями спирея, этого замечательного медоноса, вывезенного мною из рижского садоводства при первом посещении сына на Рижском фронте. Я любила взятую на себя работу пчеловода в нашей

[1] Царицын — Сталинград — Волгоград. Царицынская оборона в Гражданскую войну — июль 1918 — февраль 1919 года.

маленькой коммуне, и порой мои мечты уносили меня в далекое будущее, когда в каждой деревне, в каждом коллективном хозяйстве будут созданы пчеловодства как неотъемлемое дополнение будущих коллективных хозяйств нашей страны.

Многие из моих друзей интересовались судьбой созданной впервые в нашем уезде коммуны. К сожалению, она просуществовала недолго. После окончательного изгнания интервентов далеко за пределы нашей родины наши коммунары решили вернуться на свою родину, в Эстонию. Их заменили служащие 1-го участка Октябрьской железной дороги, но, непривычные к сельской работе, они вскоре отказались ее делать, и поэтому весь сельскохозяйственный инвентарь, все постройки были перевезены в ближайшую деревню[1]. Созданное мной пчеловодство в количестве 20 ульев было отправлено по требованию Уземотдела на агрономический пункт. В 1921 году за отсутствием необходимой подкормки весной она была заменена отбросами, получаемыми при выделке сахарного песка из свекловицы. По мнению экспертов, эта подкормка оказалась ядовитой. Пчелы погибли.

Весной 1921 года неожиданно получаю от нашего Шлиссельбургского Уземотдела предложение: занять место уездного инструктора по пчеловодству ввиду сильного упадка этой важной отрасли сельского хозяйства. Наш Уземотдел

[1] Староселье. Дом перевезли и отдали для детского сада и яслей. У построек, так же, как и у людей, свои судьбы. На Царицыной горе до 1939 года оставались две постройки бывшей коммуны — амбар и баня, в них жил егерь. Амбар купили и перевезли его в поселок Иван Иванович и Петр Иванович Кузьмины. Кузьмины перебрались в Шапки из Смоленской губернии в конце 1930-х годов. Оба брата работали на Октябрьском вагоноремонтном заводе. Как рассказывает Виктор Иванович Кузьмин, с 1939 на 1940 год семье Ивана Кузьмина пришлось зимовать в бане на Царицыной горе. Сам Иван Иванович был на Финской войне. Амбар поставили и приспособили под жилой дом перед самой войной, в 1940 году. Дом пережил войну и был одним из 10 домов, чудом уцелевших во время пожара, устроенного немецкими войсками перед отступлением в январе 1944 года. В дачном поселке Шапки немцы сожгли почти 200 домов. Постройка, выдержавшая два переезда, благополучно простояла до 1963 года, когда Иван Иванович Кузьмин с сыновьями ее разобрал и поставил на старом фундаменте новый дом.

узнал, что я когда-то окончила курсы пчеловодства и состою членом Областного общества социалистического пчеловодства, и предложил мне эту работу.

Сначала мне показалась предложенная обязанность делом далеко не легким ввиду огромной территории уезда и отдаленности пасек друг от друга. Утешая себя мудрой поговоркой, что всякое начало трудно, а также возможностью зимой продолжать педагогическую работу, я заручилась мандатом на бесплатный проезд и, в конце концов, освоилась с непривычной массовой работой. И вот снова в родных местах, странствую чуть ли не по всему нашему уезду. У нас в деревнях создавались коммуны. Вместо помещичьих усадеб — коммуны из бывших служащих, мало где сохранились пчелы, мало людей, которые интересуются ими.

Чувствую, что одной не под силу справиться с возложенной на меня задачей. В конце второго года создаются агрономические пункты, при них предполагается организовать пчеловодческие пасеки. Перевозят и наши домики Дадана Блата в ближайший агрономический пункт[1], а за ними разъезжаются и наши коммунары в родную Эстонию. Все наши постройки предназначены для перевоза в соседнюю деревню, скот тоже переводится в общее пользование крестьян. Деревни переименованы в колхозы. Впоследствии, когда пасеки перешли в ведение агрономических пунктов, я устроила по собственной инициативе пчеловодную пасеку в одном из колхозов для крестьян, которые раньше и понятия не имели об этой важной отрасли сельского хозяйства.

В ожидании возвращения Александра я решила пройти ускоренные курсы второго Педагогического института иностранных языков, чтобы иметь право преподавать не только в средних учебных заведениях, но и в вузах.

Я переживала за жену старшего сына Марусю[2], которой приходилось заниматься до глубокой ночи, проходя ускоренный курс Медицинского института, а также два раза в неделю дежурить в лазарете воинов, больных сыпным тифом;

[1] Домики Дадана Блата — красивые и добротные ульи, сделанные для пасеки на «Царицыной горе».

[2] Маруся — Мария Васильевна Ольденборгер, урожденная Мамонтова, первая жена В. А. Ольденборгера.

ежедневно их привозили с ближайшего фронта. Возвращалась она усталая после тяжелой работы и снова садилась за учебник. Такая усиленная работа окончательно надломила ее организм, и профессор Штенберг посоветовал ей ввиду признаков туберкулеза начать серьезное лечение.

Наши дела на фронте шли успешно. После разгрома деникинской армии и Юденича, расстрела Колчака[1] Владимир вернулся в Петроград и поступил преподавателем в Воздухоплавательную школу[2]. Александр оставался в действующей Красной армии до тех пор, пока не был изгнан Врангель, бежавший в Турцию на кораблях Антанты, и занятия Перекопа[3] — этой победы советской власти на последнем фронте Гражданской войны.

В одном из красивейших уголков Черноморского побережья, Сочи, где Александр принял участие в ликвидации остатков белогвардейских банд, он встретил девушку, которая понравилась ему своим энергичным характером, своей непреклонной решимостью уйти из создавшейся с детства обстановки в семье. Отец Ани был сектантом, грубым и жестоким деспотом своей многочисленной семьи. Уже с 8-летнего возраста Аня[4] по приказу отца должна была служить у чужих людей. При первой возможности она покинула свою семью, чтобы самостоятельным трудом пробить себе дорогу в жизни. Встреча с моим сыном дала ей возможность осуществить горячее стремление получить образование. После переезда в Петроград Александр познакомил ее с женой профессора Зеленского — Александрой Ивановной. Александра Ивановна, будучи опытным педагогом, видела, с какой охотой и увлечением ее ученица принялась за учебу, как

[1] Колчак А. В. был расстрелян в 1920 году Иркутским военно-революционным комитетом.

[2] Воздухоплавание — полеты на аппаратах легче воздуха (аэростатах), в начале развития авиации так называли и полеты на аппаратах тяжелее воздуха (самолетах и планерах). Имеет различное военное и гражданское применение.

[3] Взятие Перекопа — Перекопско-Чонгарская операция (7–27.11.1920). Войска Красной армии прорвали оборону Врангеля и взяли Крым.

[4] Аня, Анна Доломановна Ольденборгер, — медсестра, жена А. А. Ольденборгера.

в ней постоянно укреплялось желание стать образованным человеком. Успешно закончив семилетку для взрослых, она справилась с помощью Александра с латынью и поступила в Медицинский техникум при Институте переливания крови. Во время Отечественной войны, после мобилизации, она работала на фронте медсестрой до декабря 1946 года. В моих воспоминаниях я не смогла, к сожалению, придерживаться хронологической последовательности. Забегая вперед, мне хотелось дать характеристику женщине, вышедшей из темной среды религиозного фанатизма и невежества. Женщине, сумевшей своей неисчерпаемой энергией проложить себе путь к образованию и стать в ряды передовых советских женщин, отдавших свои силы и труд в тяжелые годы Отечественной войны.

По возвращению в Петроград с молодой женой по примеру моего старшего сына Александр решил посвятить свою жизнь воздухоплаванию и поступить в Воздухоплавательную школу в Кунцево, близ Москвы. Там он сблизился с аэронавтом Павлом Федоровичем Федосеенко. До самой трагической смерти Федосеенко, последовавшей во время полета в стратосферу в 1934 году, их связывало чувство искренней дружбы.

В 1923 году в Москву переехал и Владимир с женой, он получил назначение на должность помощника начальника учебной части Воздушного флота республики. Маруся устроилась врачом туберкулезного диспансера на ближайшей к Москве станции Ховрино, а через два года стала работать в санатории того же типа в самом городе. Это последнее назначение значительно сократило время, уходившее на поездки из города, сильно утомлявшие ее. Здоровье ее, несмотря на пребывание в санаториях Крыма, не улучшилось. Организм, подорванный учебой в институте, совмещенной с работой в госпитале, ослабил ее силы еще во время жизни в Петрограде. А в Москве снова началась напряженная ответственная работа. Смерть застала ее неожиданно для всех окружающих; в одно ясное июньское утро 1928 года ее не стало. Прибежавший Владимир увидел ее уже мертвой, в ней он потерял верного и чуткого друга. Весь медицинский персонал провожал ее на далекое кладбище, и старый главный

врач больницы не смог от волнения докончить начатой речи. Мой сын должен был пережить это тяжелое горе: некоторое время я решила побыть с ним, заботиться о нем, каждый свободный воскресный день сопровождать на могилу, где мы вспоминали минувшие счастливые дни.

В жизни бывают такие тяжелые минуты, минуты, когда все слова утешения бесполезны. Надо отвлечь печальные мысли, осторожно, незаметно направить их на что-либо иное...

И вот я стала вспоминать его товарищей по фронту 1917 года, просила рассказать о жизни организаторов Красного Воздушного флота Акашева и Сергеева, советовала в свободное время начать литературную работу. Двоюродный брат моего сына смастерил сам маленький радиоприемник. Это была коробочка с осколком алмаза[1]. Мы ловили звук, слушали новости дня и музыку.

С первых же дней советской власти Павел Васильевич Самойлов, несмотря на расшатанное здоровье, не терял былой энергии, своего вечно бодрого настроения. Он совершенно отказался от гастролей в провинциальных театрах, иногда выступал в концертах и посвятил все свое свободное время работе с молодежью, передавая ей весь свой огромный опыт, богатейшую театральную культуру.

Что касается до театра, то происходящая реконструкция его идейное перевооружение оказались для Павла Васильевича делом далеко не легким. Будучи художником-демократом, он со всем рвением входил в работу революционного театра, пытался работать в новом репертуаре — пьесе Луначарского «Канцлер и слесарь». Но, по-моему, главной заслугой Павла Васильевича было, то, что он, обладая огромной техникой в ролях с большой психологической сложностью, старался передать новому актерскому поколению то глубокое «самойловское» проникновение в сердцевину создаваемого им образа, которого часто не хватает молодому актеру. Мне всегда казалось, что Павлу Васильевичу удавалось больше всего изображать людей с нервной психикой. Он любил играть в «Привидениях» — Освальда, в «Живом трупе» — Федю Протасова, в драме Шиллера «Коварство и лю-

[1] Детекторный радиоприемник принимал сигналы от радиостанции без усиления звука по мощности.

бовь» — Фердинанда. В мастерстве Самойлова отразилась вся идеология нашей среды, нашей эпохи — эпохи подъема и упадка русской интеллигенции дооктябрьского периода. Самойлов всем своим существом ощущал огромное значение искусства в деле культурного строительства грядущих поколений; являясь поборником искусства, он отдавал все свои силы на служение определенной идеи. К сожалению, неожиданная болезнь и смерть в 1925 году Варвары Александровны лишили Павла Васильевича верной, неизменной спутницы его жизни. В ее лице он потерял друга-жену, посвятившую ему всю свою жизнь.

Вспомнилось, как однажды мы с сыном слушали совершенно необычным образом в продолжение двух часов оперные арии, спетые Леонидом Витальевичем Собиновым. Дело было летом; я часто навещала сына, который хотя и жил на частной квартире, но ежедневно по долгу службы проводил несколько часов на артиллерийском полигоне близ Луги. Дулов сообщил нам, что получил письмо от Леонида Витальевича из Москвы. Он собирался приехать с женой к своим знакомым, жившим на даче в Луге, и хотел воспользоваться своим пребыванием, чтобы пройти несколько оперных арий под аккомпанемент Михаила Тимофеевича. Дача, где должны были остановиться Собиновы, находилась на окраине города, против высокой горы, покрытой густым лесом[1]. Мы решили с сыном в определенный час подняться на эту гору и были очень счастливы, не встретив там ни одного дачника. Окна дачи были широко раскрыты и оттуда лились чудные, проникающие в душу звуки, которые хотелось слушать без конца. Я была бесконечно рада за сына, хоть на короткое время забывшего пушечную пальбу, которая таким диссонансом постоянно врывалась в его жизнь.

С победой революции, с первых же дней советской власти жизнь Михаила Тимофеевича Дулова и вся деятельность как артиста сильно изменились. Концерты устраивались

[1] Эпизод относится к 1925 году, когда Л. В. Собинов жил с семьей летом на даче в Луге, вместе с ними на даче жил и М. Т. Дулов.

главным образом на фабриках, заводах, в рабочих клубах и красноармейских частях. Это была не публика филармонии, консерватории, зала Шредера, где в продолжение зимнего сезона Михаил Тимофеевич был постоянным аккомпаниатором артистов, выступающих и на вечерах камерной музыки. Теперь слушателями были рабочие — народ, отдыхающий после своей повседневной работы. Горячо они приветствовали артистов, исполняющих песни Соловьева-Седова, Блантера, Александрова, Покрасса и многих других композиторов, — весь репертуар, составленный М. Дуловым, такой родной и понятный сердцу русского человека. Бурные, бесконечные вызовы были, пожалуй, не меньше аплодисментов во время концертов в зале филармонии. Михаил Тимофеевич, возвращаясь после концерта из рабочего клуба или госпиталя, часто вспоминал ту радость, которую одним свои появлением на заводах и фабриках доставляли артисты рабочим и раненым воинам, приехавшим на лечение с полей Гражданской войны. В первые годы советской власти мне редко приходилось встречать Михаила Тимофеевича.

До конца своей артистической жизни трудился Павел Васильевич Самойлов — последний из могикан старой актерской гвардии, один из больших мастеров нашей драматической сцены. Он умер 16 апреля 1931 года после продолжительной тяжелой болезни. В большом зале Дома артиста[1] на эстраде установили гроб с телом покойного. Студенты Университета, Технологического института, артисты, художники, знакомые стояли в почетном карауле. После траурного митинга раздались торжественно-печальные звуки похоронного марша Шопена. Так проводил старейший аккомпаниатор Петербурга Михаил Тимофеевич Дулов своего друга в последний путь. На несколько минут шествие остановилось у Александринского театра, где когда-то работал покойный, затем по желанию студентов — у Технологического института. Похороны состоялись на кладбище Новодевичьего монастыря. После закрытия монастыря тело Павла

[1] Дом актера имени К. С. Станиславского, Невский проспект, 86. Был открыт в бывшем особняке Юсуповых в 1924 году как Центральный дом работников искусств.

Васильевича было перевезено в Ленинградский некрополь, близ Александро-Невской лавры[1]. Со смертью Павла Васильевича прекратился род знаменитой артистической фамилии, давшей русскому театру целый ряд блестящих актерских дарований.

В апреле 1931 года Михаилу Тимофеевичу пришлось пережить тяжелую утрату — смерть заслуженного артиста Павла Васильевича Самойлова. На продолжении многих лет их соединяла искренняя дружба и совместная работа. В 1934 году в ночь с 14 на 15 октября в Риге, на пути в Москву, скончался Леонид Витальевич Собинов. Неожиданное известие о его смерти сильно опечалило М. Т. Дулова, не успевшего еще пережить утрату своего друга П. В. Самойлова. Много лет Михаил Тимофеевич аккомпанировал Леониду Витальевичу, этому гениальному артисту, который, приезжая на концерты в Петербург, выступал только с Дуловым и очень его ценил. Мы все с грустью вспоминали незабвенные образы Ленского и Лоэнгрина, созданные Л. В. Собиновым.

Прошло 14 лет с тех пор[2], как я покинула нашу коммуну и работаю в городе. Летом, во время студенческих каникул[3], уезжаю месяца на два в Москву навестить сына. Иногда заглядываю в родные места; приветливо встречают меня мои земляки, вспоминаем былые годы, мою юность, жизнь в коммуне, и хочется мне за их теплое, сердечное отношение ко мне хоть чем-нибудь отблагодарить их. И както внезапно возникает мысль: устроить им небольшое пчеловодство[4]. Новый председатель сельсовета, присланный

[1] Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры.

[2] Воспоминания по времени относятся к 1932 году.

[3] Ольга Владимировна Ольденборгер преподавала в ЛМИ-2, надпись на обороте фотографии не очень четкая, возможно, и ЛПИ-2 (Второй ленинградский медицинский институт или Второй ленинградский педагогический институт). В Москве в те годы жил Владимир Александрович Ольденборгер, лето с семьей они проводили в Лианозово.

[4] Пасека была создана О. В. Ольденборгер в деревне Сиголово Шапкинского сельсовета. «Как-то в конце 30-х годов мама с моим

областным начальством, против моего предложения возражений не имеет.

Жизнь стала после прихода советской власти осмысленнее, полнее; невольно приходилось делать переоценку многого, что казалось раньше таким необходимым для существования. Жизнь перестраивалась на новый лад, и мы все становились советским людьми.

В 1935 году Михаил Тимофеевич отпраздновал свой очередной юбилей[1] в Большом зале Консерватории. Утром торжественного дня я прочла в одной из газет следующий анонс:

«*У рояля Михаил Тимофеевич Дулов.*

– Фотография юбиляра –

Эти слова за последние 45 лет повторялись 6000 раз в афишах различных концертов.

Концерты блестящей плеяды итальянских артистов: Мазини, Котони, Баттистини, Олимпии Баронат, Титта Руффо; концерты русских певцов: Мельникова, Тартакова, Фигнера и его жены Медеи Фигнер, Смирнова, Собинова; скрипачей: Ауэра, Губермана, Крейслера, Хейфеца; виолончелистов Вержбиловича и Жерарди проходили под аккомпанемент Михаила Тимофеевича Дулова.

Сегодня, как и в прежние годы, мы будем праздновать юбилей артистической деятельности старейшего аккомпаниатора артистов нашего города».

И, действительно, на этом последнем торжественном вечере собралось столько публики, что многие, не успевшие заранее запастись билетами, не смогли попасть в концертный зал. На фоне целого сада живых цветов, принесенных друзьями и знакомыми, стоял рояль юбиляра. Далеко за полночь затянулся концерт и чествование Михаила Тимофеевича Дулова.

братом Димой пошли навестить Ольгу Владимировну Ольденборгер. Она жила в Надино у знакомых и приглашала нас отведать меду. Ведь одно время Ольга Владимировна серьезно занималась пчеловодством и теперь помогала друзьям», — вспоминает о довоенной жизни в Шапках Ирина Николаевна Евгенова. Ее мама, Наталия Николаевна Евгенова, называла Ольгу Владимировну своей любимой тетушкой.

[1] М. Т. Дулова называли «королем русских аккомпаниаторов».

В течение своей недолговременной жизни Сергей Александрович Бутурлин, помимо своих интересных плодотворных экспедиций на Далекий Север, написал много научных статей. Свою литературную деятельность он начал в 1888 году, но только с переездом в Москву из маленького эстонского городка Везенберга он смог лично принимать у себя всех тех, кто интересовался вопросами биологии, охотоведения, изучения быта народностей наших северных окраин. Еще в первые годы революции он написал «Наставление к собиранию птиц» (1919), книгу «В защиту пушных зверей»; в журнале «Советский Север» — статьи «Как охотятся на Севере»; в «Орнитологическом вестнике» — «По Северу России»[1], «Пульное оружие».

Сергей Александрович в ряде работ обосновал проект рациональных правил охоты[2], которые оказалось возможным провести в жизнь только при советской власти и которые были приняты Президиумом ВЦИК. С первых лет советской власти С. А. Бутурлин являлся одним из организаторов дела охраны природы; им была проделана большая работа по составлению плана сети государственных заповедников по всей территории СССР. Эта заслуга отмечалась в печати еще в 1924 году.

Он состоял членом Всероссийского общества охраны природы, в Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК, ученым консультантом в Главном управлении охоты и звероводства Наркомзема СССР и в Центральном совете Всероссийского и военного охотничьего общества.

Умер Сергей Александрович Бутурлин в Москве 22 января 1938 года в звании профессора и доктора биологических наук.

---

[1] В 1901 году за книгу «По Северу России», написанную совместно с Б. М. Житковым, автору была вручена серебряная медаль Русского географического общества.

[2] В 1909 году Второй всероссийский съезд охотников обсуждал проект государственной комиссии «Правил об охоте». С. А. Бутурлин представил съезду 11 докладов к проекту закона — практически это был альтернативный проект «Правил».

Сестре[1] удалось создать уют и спокойную, не нарушаемую для научных трудов обстановку в небольшой квартире своего мужа[2]. Он — член-корреспондент Академии наук и работает в нумизматическом отделе Эрмитажа, в течение 64 лет состоит во Всесоюзном географическом обществе.

С точностью маятника день распределен на обычную работу: утром — за географической картой, после завтрака — отъезд в Эрмитаж, в отдел нумизматики, до возвращения домой. Вечера Алексей Алексеевич проводил всегда дома; его навещали родные, знакомые по Эрмитажу, академии[3].

В этой мирной, посвященной работе жизни проходили спокойные годы всеми любимого и уважаемого ученого, которому сестра посвятила свою жизнь. Я часто зимой навещала сестру и ее мужа, отдыхая душой в обществе доброго и отзывчивого к моим вечным волнениям за судьбу моего младшего сына Александра во время Германской, Гражданской и Отечественной войн.

[1] Сестра — Вера Владимировна Маркова, в первом браке — Бутурлина, во втором — Ильина.

[2] Второй муж Веры Владимировны Бутурлиной, урожденной Марковой, — Алексей Алексеевич Ильин.

[3] Академия — Государственная академия истории материальной культуры, секцией нумизматики которой А. А. Ильин руководил с 1918 года.

ГЛАВА 7

Ленинград, Тосненский район Великая Отечественная война и послевоенный период 1941–1954

Объявление войны 1941 года застало меня в деревне. Мысль, что германские войска перейдут наши границы и будут угрожать Ленинграду, что мы можем быть оторваны от Москвы, от всей России, никому не приходила в голову. Но факты говорили за себя: эвакуация военных и гражданских учреждений, учебных заведений, приютов, отъезд многочисленных семей частных лиц. Грустно было мне расставаться с моими коллегами по кафедре института, где я работала. Я отказалась ехать вместе с ними, чувствуя, что не могу покинуть моего родного города. Впоследствии я узнала, сколько горя и мытарств вытерпели мои товарищи, вынужденные бежать с юга на дальний Север.

Я несколько отклонилась от поставленной задачи написать мои воспоминания о М. Т. Дулове[1], но я никак не могла обойти молчанием тех событий, которые предшествовали дальнейшей трагедии жителей Ленинграда и, в частности, моих родных и друзей.

Лето 1941 года я, как всегда, проводила в деревне[2] за своей работой по пчеловодству. 26 августа запоздавшие уехать дачники узнали, что путь ближайшей к нашей деревни станции[3] заняли неприятели. В последние вагоны отъехавшего поезда попал снаряд, и только часть пассажиров смогла пешком добраться до следующей станции. Мне пришлось быстро собрать свои вещи и направиться за 10 верст в соседнюю волость. К моему большому счастью, местный паровоз с прицепным товарным вагоном стоял

---

[1] Странички воспоминаний О. Ольденборгер о Михаиле Тимофеевиче Дулове, так же, как и другие «странички», разнесены составителями по тексту в хронологическом порядке.

[2] Пасека находилась в деревне Сиголово Шапкинского сельсовета, а жила обычно Ольга Владимировна у знакомых в соседней деревне Надино.

[3] Железнодорожная станция Шапки.

на пути[1]. В 11 часов ночи я доехала до станции, а в 5 часов утра была в Ленинграде. Между тем немецкие войска все больше и больше сжимали кольцо вокруг нашего города — оставался один выход — к Ладожскому озеру. Через несколько дней я проводила своего младшего сына, назначенного в Гвардейскую истребительную авиацию Северного флота.

Я помню, когда после моего успешного бегства 26 августа 1941 года из деревни, где я устроила пчеловодство и куда на следующий день явились немецкие отряды, я навестила сестру. Помню, как сильно был встревожен Алексей Алексеевич Ильин при одной мысли, что я могла попасть в плен к фашистам и разделить участь моих земляков, и как упрекал меня за мое легкомыслие.

В первый месяц осады нашего города я получила повестку из военкомата с предложением эвакуироваться с некоторыми семьями военнослужащих в глубокий тыл. Как ни тяжело складывалась жизнь, я, поблагодарив начальника по эвакуации за предложение, ответила решительным отказом. Я знала, что в первую очередь было решено эвакуировать детей, школы, научных сотрудников, а нам, домохозяйкам, в предстоящие тяжелые времена работы будет не мало. Пройдя ускоренные курсы ПВО[2], мы исполняли возложенные на нас обязанности: следили за санитарным состоянием двора, за своевременной доставкой воды, несли очередные дежурства у дома, главное — контролировали, чтобы вечерами и ночью было полное затемнение наших окон. Особенно жутко было ночью, весь город погружался во тьму при непрерывных обстрелах. Мы только утром, и то случайно, узнавали, где произошло новое разрушение дома или общественного учреждения.

---

[1] Деревня Кирсино Лезьенского сельсовета, от которой узкоколейка шла до станции Саблино Октябрьской железной дороги. Этим путем пробирались в Ленинград и многие шапкинские дачники. По документам командования немецкой армии значится, что Шапки были заняты 20-м разведывательным батальоном и 3-м батальоном 76-го пехотного полка боевой группы «Зейтц» к 18 часам 28 августа 1941 года. 20-й разведывательный батальон двинулся на север, в сторону Сиголово и Надино. В Надино, где была родовая усадьба Марковых, 20-й разведывательный батальон остановился на ночевку.

[2] ПВО — противовоздушная оборона.

В ноябре умер брат Михаила Тимофеевича Дулова. Из Куйбышевской больницы[1] гроб с телом покойного должны были перевезти на Волково кладбище. Сестра его, Александра Тимофеевна, телефонировала мне об этом, и я решила, несмотря на сильную артиллерийскую стрельбу и бомбежку, добраться до Марсова поля, где жила семья Михаила Тимофеевича. В уютной гостиной хозяев собралось несколько знакомых. Ярко разгорались в камине дрова, Александра Тимофеевна принесла кофе, и в ожидании прибытия машин мы мирно беседовали о событиях последних дней. Мужчины вышли в переднюю покурить, двоюродная сестра Дуловых и я, чтобы не обременять хозяйки, вынесли в кухню посуду.

Не успели мы вернуться обратно, как раздался вблизи сильный удар; с треском выпали стекла не только из окон квартиры, но также из соседних надворных построек. Мы бросились обратно в гостиную, двери которой захлопнулись от сильного ветра. Я с трудом открыла их и замерла у порога. Перед нами была зияющая бездна: ни пола, ни стоящих на нем вещей с прекрасным роялем, ни картин на стенах. Одиноко, с раскрытыми дверцами в нише одной из стен стоял книжный шкаф. Из окон, у которых упали на улицу рамы, врывался холодный морозный воздух. Главное, самое ужасное — не было двух людей, за несколько минут перед тем оставшихся в комнате. Все бросились вниз к парадному подъезду. Но он весь был завален кирпичами. Единственным свободным выходом было большое раскрытое окно второго этажа; к нему со двора была приставлена длинная обледенелая стремянка.

Нас провели в красный уголок[2] через уцелевший угловой подъезд. Михаил Тимофеевич с трудом опустился на ближайший стул. Его родственница побежала домой; она оставила своих детей одних в квартире и боялась, что и с ними может произойти такое же несчастье. Скрылись и супруги Р. Позднее я узнала, что старый артист не перенес испуга и сошел с ума. Санитарам удалось найти среди развалин

[1] Куйбышевская больница — больница имени Куйбышева на Литейном проспекте, ныне — Мариинская больница.

[2] Красный уголок — неотъемлемая примета времени, такие уголки имелись на каждом предприятии, а также в каждом домоуправлении. В красных уголках располагалась всевозможная наглядная агитация, проводились собрания и торжественные мероприятия.

и принести на носилках сестру Михаила Тимофеевича и его знакомого Н. Они оба были без сознания, но главное — живы; их немедленно отправили в ближайшую больницу Перовской[1]. Я сама, потрясенная всем происшедшим, с трудом старалась привести свои мысли в порядок.

Вспомнила, что рядом, в Аптекарском переулке, квартира покойного Павла Васильевича Самойлова, после его смерти в ней поселилась его дочь, Нина Павловна Андреевская. Решили пойти и позвонить к ней в квартиру, но ее не было. Нам отворила дверь жившая напротив мать ее мужа. Ей удалось узнать по телефону от Нины Павловны, что, находясь сама, как служащая Малого драматического театра, на казарменном положении, она может предоставить свою квартиру Михаилу Тимофеевичу, но дров для отопления не имеет. Оставалось одно — предложить Михаилу Тимофеевичу отправиться ко мне, отдохнуть, а потом уж решать, как поступить в дальнейшем. Андреевская одобрила мою мысль. Она хотела бы предложить Михаилу Тимофеевичу свое гостеприимство, но уже обещала доктору Р. и его жене на время приютить их у себя. Их квартира в первом этаже была также разрушена до основания. Итак, простившись с ней, мы снова вышли на Марсово поле, чтобы направиться ко мне.

Внезапно Михаил Тимофеевич вспомнил, что в передней его квартиры всегда наготове лежали четыре больших свертка. В них находились все ценные вещи, которые Михаил Тимофеевич получил во время своих юбилеев и выступлений в концертах в продолжение всей своей многолетней артистической деятельности. При первых тревожных сигналах он с братом, уходя в бомбоубежище, всегда брали их с собой. Я немедленно решила спасти эти вещи. Несмотря на протесты домоуправа, я быстро поднялась по стремянке: в окно спустила на веревке указанные вещи, а затем, перекинув их на лямках через плечо, мы покинули полуразрушенный дом. Улицы были пустынны. Стрельба умолкла. Мы шли молча, погруженные в печальные думы. Во время путешествия я поняла, что иду в одном суконном костюме, моя шуба, снятая в гостиной, очевидно, лежит в развалинах дома. Но возбуждение после пережитого было так велико, что я не чувствовала ни 15 градусов мороза, ни усталости

[1] Больница Софьи Перовской находилась в центре города на одноименной улице, ныне — это Малая Конюшенная улица.

от дальнего пути. Временно я устроила Михаила Тимофеевича в своей комнате, перебравшись к соседке. Но вскоре благодаря содействию нашего домоуправа он получил большую комнату в нашей квартире[1]. Туда через месяц перебралась и его сестра. Нам пришлось организовать перевоз вещей, оставшихся в квартире Михаила Тимофеевича. Жившие у нас две сестры Б. вызвались помочь перевезти на санках сохранившиеся вещи. Ежедневно, надев спортивные костюмы, они с ловкостью акробаток влезали в окно и привозили все, что не успели расхитить. Двери в квартиру не закрывались от сильного сотрясения дома. Несмотря на все мои просьбы, домоуправление не принимало никаких мер.

Я не буду рассказывать о всех тех ужасах, которые пришлось пережить всем ленинградцам во время блокады. Но, вспоминая дальнейшую жизнь Михаила Тимофеевича после пережитого горя и беспокойства за участь сестры, я была свидетелем, как понемногу он снова втягивался в прерванную работу. Вместе с другими артистами почти каждый день он отправлялся на сборный пункт — Театр имени Пушкина. Оттуда на машине артисты ехали в госпиталя, лазареты, на суда, стоявшие у берегов Невы, и на близкий от города фронт. Вечно сохранятся имена этих артистов в сердцах защитников Ленинграда, не забудут они выступлений Софьи Петровны Преображенской, Павла Захаровича Андреева и их неизменного аккомпаниатора Михаила Тимофеевича Дулова. Поздно ночью, усталый, он возвращался к сестре, которая едва оправилась от падения, но всегда с нетерпением ожидала его. А в это время радио предупреждало об очередной тревоге, через плотно закрытые окна слышался унылый, протяжный звук летящего неприятельского самолета и где-то вблизи — падение снаряда. Неожиданный приезд из Москвы племянника — известного шахматиста Василия Васильевича Смыслова — доставил большую радость Михаилу Тимофеевичу и его сестре. Оба они очень жалели, что его посещение было кратковременным и что они не могли принять дорогого гостя с обычным, свойственным им гостеприимством.

---

[1] О. В. Ольденборгер жила на Разъезжей улице, дом 4, в той же квартире — № 8, в которой семья Ольденборгер поселилась после переезда в Петербург из Ростова-на-Дону. Занимала Ольга Владимировна только одну комнату в квартире, ставшей после революции коммунальной.

В 1942 году мне пришлось временно перейти в Эрмитаж, где после разгрома снарядом квартиры жил муж моей сестры.

В начале января 1942 года ночью снаряд попал в запасной выход больницы имени Эрисмана[1]. От сотрясения выпали стекла в палате, где находились тяжелобольные; пришлось наскоро закрывать окна тюфяками, одеялами, выносить больных в смежный коридор.

Когда я временно жила в здание Эрмитажа бомба попала, к счастью, не в дом, а в Неву, в двух метрах от судна «Вячеслав Молотов»[2], где жили моряки, снабжавшие электричеством Эрмитаж и надворные постройки. В этот момент я стояла у окна, выходившего на Зимнюю канавку, и видела, как осколки стекол с верхних этажей рассыпались по всему тротуару набережной.

Зимой этого года морозы казались особенно лютыми. Я видела трупы людей с опухшими от голода лицами, я слышала беспрерывное завывание сирен и частые налеты фашистской авиации. Я знала, что больницы с трудом вмещают раненых, что в квартирах, как и в нашем доме, вымирают целые семьи. Но я знала, что истощенные люди не покидают станков, ежедневно идут на свою работу. На крышах подростки тушат фугасные[3] бомбы. Тяжело переживала гибель родных, друзей, невозможность помочь, спасти их. Угнетала мысль о том, что наш город опоясан кольцом вражеских войск от Петергофа до Усть-Ижоры, что вся наша Родина от Черного до Балтийского морей на протяжении 3000 километров является ареной жесточайших боев доблестной Красной армии с озверелым врагом.

---

[1] Больница имени Эрисмана находилась на улице Л. Толстого, дом 6/18.

[2] Эрмитаж на немецких военных картах значился целью 256. В первую блокадную зиму Эрмитаж электричеством снабжало вспомогательное судно бригады подплава «Полярная звезда», бывшая прогулочная яхта императорской семьи. 2 мая 1942 года «Полярная звезда» сменила место своей швартовки, и только осенью 1942 года электричество в Эрмитаж стали подавать с ледокола «Ермак». Вообще, Нева в блокаду превратилась в огромную стоянку кораблей. (См. книгу С. Варшавский, Б. Рест «Подвиг Эрмитажа»).

[3] Фугасные — неточность, гасили зажигательные бомбы — «зажигалки».

С тревогой и нетерпением ожидала известий от сыновей. Владимир — за Москвой на пути движения немецких войск к нашей столице. Говорят, что враг решил окружить и взять Москву. Как Наполеон в 1812 году, так и Гитлер мечтает водрузить свое знамя победы на башнях древнего Кремля. Александр — в Гвардейской истребительной авиации далеко на Севере. Двоюродные братья моих сыновей также в боях: Павел Сацыперов — под городом Вязьма, Андрей Карлинский — в войсках, защищающих подступы к Ленинграду со стороны Северной железной дороги.

А мы, домохозяйки? Разве могли мы думать о своих личных делах? Только одна мысль руководила нами — внести посильную помощь в общее стремление спасти родной город от гибели. Разве на фронте в борьбе за освобождение Ленинграда нашим воинам легче? Они исполняют великое дело освобождения нашей Родины от врага, они отдают свою жизнь за честь родной земли, они отдают все усилия, чтобы прорвать кольцо блокады. Было бы постыдно, преступно бежать из Ленинграда, когда мои сыновья, мои родные в борьбе с озверелым врагом не щадят своих жизней.

Порой мы мечтали: «С каким торжеством, с какой радостью мы, ленинградцы, встретим первое известие об отступлении вражеских войск, об освобождении наших деревень». Сознание и уверенность, что придет время и тяжелые дни нашего осажденного города останутся в прошлом, что недалек тот час, когда наша доблестная армия очистит родную землю от последних вражеских отрядов и в нашем голодающем Ленинграде снова воскреснет былая жизнь, наполняли наши сердца бесконечной радостью и гордостью за нашу страну, родившую миллионы героев.

И эту уверенность поддерживал во мне престарелый, но энергичный Алексей Алексеевич, не желавший эвакуироваться из Ленинграда, он продолжал работать в нумизматическом отделе Эрмитажа. Из своей небольшой квартиры на канале Крунштейна, несмотря на сигналы тревоги, очередную бомбежку, он добирался до места своей работы и обратно часто из-за отсутствия транспорта пешком. Я часто навещала сестру, зная, что в отсутствии мужа она тяжело переносит одиночество. Особенно жуткие ночи без сна, без необходимого отдыха. С каждым днем жизнь в их районе становилась опаснее. Враг, по-видимому, решает не только прекратить работу, но и окончательно уничтожить

Судостроительный завод. Снаряды начинают попадать в ближайшие дома, многие жильцы уже покинули свои квартиры с разбитыми рамами, в которые врывается вместе с гулом орудийных залпов морозный январский ветер.

Директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели предложил сестре с мужем переехать в свой кабинет, находящийся в первом этаже, с окнами, выходящими на Неву и Зимнюю канавку. На Неве в это время стоял большой военный корабль «Вячеслав Молотов», снабжающий электричеством здание Эрмитажа. Алексей Алексеевич с сестрой согласились на это любезное предложение и переехали в новое помещение как раз во время. Через два дня после их переезда в дом попала бомба и испортила всю мебель в спальне сестры. Первые месяцы жизни в Эрмитаже были более или менее спокойными. Сестра приносила ежедневно обед из «Дома ученых», доставала хлеб по своей иждивенческой карточке и рабочей карточке мужа и кое-какие продукты. В 1942 году с продуктами стало значительно хуже. В городе исчезли собаки и кошки; на рынке удавалось прикупить к своему ежедневному пайку иногда 100 граммов хлеба за 30 рублей; из жмыхов и отрубей мы пекли лепешки, а из плиток клея, растворяя его в кипяченой воде и прибавляя лавровый лист, делали заливное. Иногда сестре через знакомого ветеринара удавалось достать конину, и она всегда приглашала меня на этот неожиданный обед.

По рекомендации врача в середине зимы 1942 года сестру перевезли в больницу Эрисмана для лечения тяжелой формы полиневрита. Она просила меня заступить на ее место и не оставлять одинокого Алексея Алексеевича без ухода. Я согласилась без колебаний, веря в возможность сохранить жизнь такого нужного для науки человека, не говоря уже о глубоком чувстве уважения и любви к нему. Я придерживалась заведенного сестрой режима в распределении утренних занятий, работы по нумизматике, прогулок по набережной после завтрака и дневного отдыха до обеда. У нас была вместо эвакуированной на родину домработницы молодая девушка-грузинка. Она ходила в «Дом ученых» за обедом Алексею Алексеевичу (я обедала в столовой Эрмитажа), выкупала продукты по нашим книжкам, приносила

воду. С некоторых пор я стала замечать подозрительное уменьшение порций как обеда, так и продуктов; вскоре она объявила, что уезжает с матерью на родину. С ее отъездом жить стало труднее, так как приходилось самой ходить за провизией; раз в неделю пешком, часто под гул неприятельского самолета, навещать в больнице сестру, сообщать о нашей жизни в Эрмитаже. А раз в неделю ходить к себе на квартиру узнавать, нет ли писем от сыновей с фронта. В феврале Алексей Алексеевич стал получать ежемесячно академический паек из большого магазина на Невском проспекте; ранней весной пришла ему небольшая посылка от ученых Казанского университета, что значительно улучшило наше питание.

Немногие знакомые, оставшиеся в Ленинграде, навещали Алексея Алексеевича. Чаще всего приходили профессор Всеволод Владимирович Гаршин, увлекающийся нумизматикой, и ветеринарный врач Ж., обычно весной приносивший нам первые свежие листики одуванчика, из которого можно было приготовить салат. Однажды Гаршин привез к Алексею Алексеевичу свою знакомую писательницу и поэтессу Веру Михайловну Инбер, муж которой, Илья Давидович Страшун, работал врачом в больнице Эрисмана. В своих воспоминаниях, напечатанных впоследствии в ее книге «Избранное», она подробно описывает свою встречу с мужем сестры. Входя впервые в комнату заведующего нумизматическим отделением Эрмитажа Ильина, ей почудилось, что она стала снова школьницей, которую сейчас вызовут к немой карте и предложат перечислить притоки Волги, хотя специальностью Ильина было нанесение на карту не рек, а гор, наиболее трудная и ответственная. Несмотря на свои 86 лет, на бывший с ним несколько лет назад паралич, он сохранил следы прежней красоты, чего не могла не заметить и Вера Михайловна.

Алексей Алексеевич подробно рассказал писательнице о своей новой благоустроенной комнате в Эрмитаже, об эвакуации отдела, которым он заведовал, и прибавил, что, несмотря на настоятельные уговоры уехать, он отказался. Он имел при себе небольшую, но очень ценную коллекцию старинных монет, завещанную Эрмитажу. В данное время он занят приведением ее в окончательный порядок. Алексей Алексеевич встал с кресла, отпер ящик письменного стола, где, переложенные газетами, лежали рядом монеты и медали.

Вера Михайловна обратила внимание на крошечные серебряные монетки величиной с рыбью чешую, это были одни из первых русских рублей. Один из них — гораздо более поздний серебряный полтинник — был желтоватого цвета. Алексей Алексеевич объяснил ей, что этот полтинник лежал рядом с медью и что серебро очень восприимчиво, как все металлы. Только одно чистое золото не подвержено никаким влияниям и остается самим собой. Под впечатлением разговора с Алексеем Алексеевичем Вера Михайловна написала для заграницы очерк об Ильине и назвала его «Чистое золото».

Приезд Гаршина с Верой Инбер к Ильину произошел 4 июня 1942 года; продолжительный разговор несколько утомил его, и вообще я стала замечать, что ежедневная утренняя работа с монетами вредно влияет на него. Когда не было обычных обстрелов, я помогала Алексею Алексеевичу одеться, брала с собой стул, и мы выходили на набережную. Хотя в эти часы мало кто гулял вдоль набережной, но Алексей Алексеевич любил смотреть на быстрые волны Невы, на моряков, стоящих на палубе у зениток, на белых чаек, летающих над водой. В двадцатых числах июня некоторые из оставшихся сторожей Эрмитажа, преимущественно престарелые женщины, заболели голодным тифом. Я была в это время далека от мысли, что с постоянно бодрым и неплохо питающимся Алексеем Алексеевичем может произойти что-либо подобное. Поэтому при первых признаках болезни я вызвала к нему из «Дома ученых» профессора, который принес сам порошки по 15 рублей каждый и немедленно велел ему принять один из них. К ночи температура поднялась до 40 градусов, и я снова побежала за профессором. С тех пор почти каждый день профессор посещал больного, но положение Алексея Алексеевича не улучшалось. Медсестра, состоящая при профессоре, предупредила меня, что профессору полагается за каждый визит 50 рублей, но в эти тяжелые минуты борьбы за жизнь человека мне хотелось заплатить в два раза больше, отдать все, что имелось, лишь бы спасти его. За два дня до смерти профессор сказал мне, что теперь ему здесь больше делать нечего; я даже не поняла смысла жестоких слов, надеялась, что дело пойдет на поправление. Алексей Алексеевич в продолжение многих дней своей болезни ни на что, кроме слабости, не жаловался; удивительно трогательно отно-

сился к моим заботам, и его только беспокоило состояние здоровья жены. Он скончался днем 4 июля[1] — тихо заснул.

Все немногие родные, служащие и хранители Эрмитажа собрались проводить Алексея Алексеевича в его последний путь. Трогательную и прекрасную речь произнес над гробом покойного заместитель директора Эрмитажа профессор Доброклонский. Алексея Алексеевича любили в Эрмитаже не только как ученого, но как человека отзывчивого, с доброй душой, готового помочь в тяжелую минуту каждому, кто обращается к нему за советом.

С первых дней заведования нумизматическим отделом Алексей Алексеевич создал в нем обстановку крепкой трудовой дисциплины, горячей любви к делу, товарищеской взаимопомощи. В создании этой благоприятной для работы отдела атмосферы он прежде всего воздействовал на всех своим личным примером. Он ввел ежемесячные заседания отдела; всегда одним из первых отчетливо и ясно сообщал о проделанной им за месяц работе, подавая пример четкости в работе молодым товарищам. Когда в возглавляемой им Комиссии по нумизматике в составе ГАИМК[2] началась работа по составлению топографий монетных находок на территории СССР, он первый выполнил и напечатал падавшие на его долю топографии слитков и русских древнейших и удельных монет[3].

Он настаивал на необходимости экспонировать монетное собрание Эрмитажа и сделать его доступным широким массам. После возвращения коллекций из Москвы он энергично принялся за создание выставки отдела нумизматики и в короткие сроки развернул экспозицию отдела в более широком масштабе, чем нумизматические экспозиции в крупнейших заграничных музеях. А когда возник вопрос о популяризации выставки путем дачи объяснений, Алексей Алексеевич сам принял активное участие. Для этой цели он

---

[1] В книге «Подвиг Эрмитажа» дата смерти А. А. Ильина — 7 июня 1942 года.

[2] ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры, секцией нумизматики которой А. А. Ильин руководил с 1918 года.

[3] Имеется в виду книга «Топография кладов древних русских монет X и XI веков и монет удельного периода» (Петроград, 1924 год).

дежурил в выходные дни, давал объяснения с горячим энтузиазмом, заставляя экскурсантов с неостывающим интересом слушать его, начиная от юных школьников до ответственных представителей научных учреждений. С готовностью отвечал на все вопросы: казалось, его неистощимая бодрость вселялась в его сотрудников. Веселым окриком: «Голову держи выше», — он возвращал энергию тем, кто пришел пожаловаться на неудачу или встретившиеся затруднения в работе и раньше времени повесил нос. Алексей Алексеевич был крепко, искренне привязан к Эрмитажу, любил работу своего отдела. В первые месяцы блокады ему, 86-летнему старику, было затруднительно из-за отсутствия транспорта ежедневно бывать на службе, но он пользовался малейшей возможностью, чтобы вернуться к привычному и любимому труду — описанию и исследованию нумизматических памятников.

Алексей Алексеевич Ильин являлся символом трудовой чести, олицетворением того, о чем часто говорил директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели: о неиссякающей и не уступающей годам вечной молодости, обусловленной силой, ясностью и бодростью пытливого человеческого ума.

Старший сын, Владимир, беспокоился о семье, а жизнь в одиночестве, необходимость оставаться в Лианозове в ожидании назначения в действующую армию сильно угнетала его, привыкшего всю свою энергию отдавать возложенной на него работе. Жизнь с каждым днем становилась все дороже, и посылаемая Александром денежная помощь не приводила к ожидаемому результату; 100 граммов хлеба оценивались в 30 рублей, кружка молока — в 20–25 рублей. Жена Александра просила Владимира приехать к ней в Бабаево, где в госпиталях можно было найти работу и провиант, но, будучи командиром запаса, он ежедневно ожидал вызова в действующую армию.

В конце января я получила письмо из Лианозова, последнее письмо моего сына: «*Наконец получил направление в Областную больницу, – мечтаю о тепле, свете, правильном питании, если надумаешь приехать, сообщаю московские адреса братьев. Жену обеспечил на два следующих месяца деньгами, присланными Александром и ее братьями.*

Если ты приедешь в Лианозово, я всегда могу выйти из больницы».

3 февраля он покинул дачу; в лесу, не доходя до станции, он упал, потеряв сознание. Его подняли и принесли на станцию рабочие вагоностроительного завода. В приемном покое он скончался. Никто не мог указать мне место его могилы.

Неожиданная смерть Алексея Алексеевича Ильина, тяжелая болезнь сестры и известие о гибели старшего сына отразились и на моем когда-то выносливом и крепком организме. Пришлось 8 месяцев пролежать в больнице.

После непрерывных налетов фашистской авиации, когда больницы были переполнены ранеными, когда жители гибли от голода и лишений, а умерших сотнями на дровнях везли на кладбище, жизнь в городе не прерывалась. Продолжалась работа на фабриках и заводах, на смену погибшим приходили женщины и подростки. Нас всех не покидала глубокая уверенность в близкой победе и непоколебимое чувство любви к Родине. Видя всеобщее горе, вызванное потерей родных, забывались свои горести. Каждое утро мы вставали с надеждой на близкое освобождение не только родного города, но всей многострадальной России.

И вот, наконец, 27 января 1944 года узнаю о снятии блокады Ленинграда. Великое дело, порученное нашей Красной армии, совершено. Не дрогнули наши воины перед ужасами войны, многие отдали свою жизнь за честь нашей родной земли. Вечная память погибшим. Среди них — двоюродные братья моих сыновей, Сацыперов и Карлинский, павшие смертью храбрых.

Невольно возникла мысль, что стало с нашими родными местами, с многочисленными русскими и финскими деревнями Шлиссельбургского уезда? Как перенесли мои земляки годы вражеского засилья? После восстановления путей Октябрьской железной дороги при первой же возможности уехать из города я решаюсь отправиться в Шапкинскую волость. Моим попутчиком был житель финской деревни, не успевший вернуться к семье и застрявший осенью 1941 года в блокадном Ленинграде. Уже проехав город Колпино, вижу,

что знакомая местность кажется необитаемой пустыней: обломки орудий, колеса перевернутых пушек, сожженные поселки, кое-где уцелевшие старые ели с вершинами, отбитыми снарядами, развалины станционных домов...

От большого села и станции Тосно[1] нет и следа. Одиноко стоит на фоне весеннего неба уцелевшая колокольня. Нет и дачного поселка Шапки. В деревне Староселье сохранилось три-четыре избы. Сгорел дом Федора Леонтьева — рядом избушка деда Гаврилы[2]. Он один из первых, вернувшихся в родные края. Узнаем от него о тяжелой жизни односельчан во времена немецкой оккупации. Федору Леонтьеву с сыном Сергеем удалось добраться до города. Они оба эвакуировались с Путиловским (Кировским) заводом в город Челябинск. При оккупации нашей деревни начальник немецкого отряда приказал старосте в тот же день собрать всех жителей, включая женщин и детей. Немцы привезли с собой пять крестьян какой-то деревни и мальчика лет 12. На ломаном русском языке начальник отряда объявил всем собравшимся, что пойманы в лесу партизаны и они будут повешены, и немедленно; пусть эта казнь явится предупреждением и примером для всех присутствующих. Один из пойманных — мальчик — упал на колени, просил ради матери пощадить его: «Я не жил в лесу, я жил с мамой в деревне». — «А как же ты очутился в лесу?» — «Тяте и другим хлеб носил, голодали они...»

Мальчик по знаку немца был повешен с остальными.

В старой усадьбе отца, где с 1924 года находился успевший эвакуироваться Дом отдыха рабочих завода «Большевик»[3], был штаб немецкой дивизии. В одной из дач — лазарет.

---

[1] Сейчас это город Тосно — районный центр Тосненского района Ленинградской области.

[2] По воспоминаниям правнучки деда Гаврилы Кузнецова Н. Н. Богдановой, это была баня на берегу озера.

[3] После войны Ольга Владимировна Ольденборгер со своей сестрой Верой Владимировной Ильиной приезжали посмотреть, как восстанавливают усадьбу для пионерского лагеря завода имени Ворошилова. Были они и на открытии пионерского лагеря. По воспоминаниям жителей деревни Надино, они очень внимательно осматривали пни от старых берез, и это послужило основанием для легенды о том, что сестры отыскивали клад, зарытый в революцию 1917 года.

По вековым аллеям во время оккупации разъезжали немецкие танки, а за домом на большой лужайке, граничившей с финской деревней, где жил мой спутник, мы увидели сотни маленьких крестов[1]. Они свидетельствовали о погибших врагах.

От одного из очевидцев услыхала я и о судьбе нашего уездного города Шлиссельбурга, занятого в 1941 году фашистами. Сколько воспоминаний, начиная с раннего детства, связано с ним. Долгие годы работы моего отца в Земской управе уезда после его высылки в 1861 году из Петербурга во время студенческих волнений. Мои ежемесячные поездки в наш Уземотдел (летом на пароходе, зимой по Ириновской железной дороге[2]) и далее переход с правого на левый берег Невы по скованной льдом поверхности реки. Возвращение в Петербург в летние месяцы на маленьком пароходе по каналу, прорытому параллельно Ладожскому озеру во времена Александра I. Большое село Путилово с его плитными ломками[3], деревня Троицкое, утопающая в зелени цветущих яблонь, рядом с большой школой, коммуна «Алое поле» на берегу живописной речки Лавы и конечный пункт — станция Жихарево Северной железной дороги. Расстояние в 15 верст проходить легко. Всюду кипела

[1] На территории детского оздоровительного лагеря «Салют» (бывшая усадьба «Александровка») в 2009 году были вскрыты около 400 немецких захоронений 1941–1944 годов. Прах немецких военных был перевезен на мемориальное военное немецкое кладбище в Лезье Кировского района Ленинградской области. Работы вели представители Народного союза Германии по уходу за военными кладбищами за рубежом, общее руководство поисковыми работами осуществляла фрау Лиза Лемке.

[2] Ириновская железная дорога — железнодорожная ветка от Петербурга до Ладожского озера, построена по инициативе П. Л. Корфа в начале 1890-х годов, названа Ириновской по имению Корфа — «Ириновка».

[3] Плитная ломка — красивый и долговечный материал здешних мест ордовиковский известняк — добывался на Путиловской гряде с незапамятных времен. По преданию, Карл XII, когда Ингерманландия с крепостью Нотебург в ходе Северной войны вернулась в состав России, сказал: «Не так жаль Орешек, как Путиловскую горку». Орешек — старинное русское название Нотебурга (Шлиссельбурга).

работа, особенно в летнее время, когда поспевает рожь. Уже издали слышались веселые песни жниц, стройными рядами стояли золотистые снопы. Звенели колокольчики возвращающегося в деревню стада... Обычная трудовая жизнь наших мирных русских деревень.

Шлиссельбург в развалинах. На левом побережье Невы ни одной уцелевшей деревни, ни одного дома. Остовы каменных построек, по дорогам в лесах остатки орудий. Сильно пострадала крепость на острове. Ее обстреливали со стороны города и бомбили с воздуха самолеты. Гарнизон мужественно защищал ее. Ночью в тумане с правого берега Невы не раз переплывали лодки с провиантом для храбрых защитников Орешка, и на этот раз, как и при Петре I, не разгрызли его те, которые по количеству совершенных злодеяний давно уже утратили человеческий образ.

Тяжелая болезнь Александра прогрессировала с каждым днем. Товарищи по работе перевезли его на самолете домой, в Ленинград. На следующий день он был в Онкологическом институте имени профессора Петрова. Там протекали мучительные последние дни его жизни. Чувствуя приближение смерти, он просил товарищей похоронить его вблизи аэродрома, где работал последнее время[1]. Накануне его смерти я с его женой целой вечер провели у постели больного. Утром 29 января 1948 года он скончался.

Так закончилась жизнь моих сыновей, последних представителей старого дворянского рода, возникшего во времена императрицы Елизаветы, дочери Петра I. Мои сыновья стали советскими людьми, оставили след в военной науке нашей Родины. В Москве, в Центральном доме авиации, хранятся снимки и документы о деятельности моего старшего сына Владимира и всех участников Воздухоплавательного съезда Северного фронта от 13 декабря 1917 года, когда был осуществлен лозунг «Вся власть Советам!» Пропеллер на высокой колонне, поставленный его товарищами, стал памятником на могиле моего младшего сына Александра, как и его фотографии командира отдельного

[1] Похоронили Александра Александровича Ольденборгера на Серафимовском кладбище в Ленинграде. В 1964 году там же похоронили Ольгу Владимировну Ольденборгер.

отряда Военно-воздушных сил Волжско-Каспийской флотилии и участника героической обороны городов Царицына и Астрахани, находящиеся в витрине Центрального военно-морского музея.

Тяжелые годы войны и собственные переживания не могли не отразиться на здоровье моего старого знакомого Михаила Тимофеевича Дулова. В 1945 году у него сделался паралич, и хотя через несколько месяцев работоспособность снова вернулась к нему, он уже не мог всецело посвятить себя своей профессии. В мое отсутствие сбылась заветная мечта М. Т. Дулова. Он получил уведомление из Москвы, что комната в Доме ветеранов сцены на Петровском острове — за ним.

Я не смогла, к сожалению, выйти из больницы и посетить его в августе 1947 года. Тяжелая болезнь младшего сына, не желавшего до окончания войны обратиться к врачам, привела его к необходимости лечь в больницу имени профессора Петрова. 29 января 1948 года его не стало. Почти у каждого человека бывают события, которые выбивают из колеи жизни. Я потеряла двух сыновей, которые с детских лет безгранично любили свою родину, с первых дней возникновения советской власти вступили в ряды Красной армии и, не щадя сил, честно служили ей. Тяжелые годы блокады Ленинграда, уносившие ежедневно десятки тысяч людей, лишили и меня друзей и родных.

Иногда меня утешала мысль, что старый друг нашей семьи после тяжелых испытаний будет доживать свой век среди таких же ветеранов-артистов, о которых теперь заботится государство. Когда-нибудь я навещу его; мы вспомним былое, его выступления на концертах, торжественные юбилеи и наших общих друзей.

Но судьба сложилась иначе. В конце мая 1948 года, когда я могла бы, наконец, навестить его, получила телеграмму от его сестры: «Миша умер». Я была на гражданской панихиде в Доме ветеранов сцены. На эстраде большого зала у гроба покойного стояли артисты и знакомые в почетном карауле. Венок от артистов Кировского театра, от артистов Театра эстрады, цветы от знакомых и друзей. Грустно звучал романс

Вертера «О, не буди меня, дыхание весны»[1]. Я узнала голос заслуженного артиста И. А. Нечаева, часто заходившего к нам в дни блокады. А в раскрытое окно откуда-то доносились веселые детские голоса! Жизнь снова вступала в свои права.

Михаила Тимофеевича Дулова похоронили на Охтинском кладбище 29 мая 1948 года.

Много лет прошло со дня смерти Сергея Александровича Бутурлина, орнитолога с мировым именем[2], основоположника русского охотоведения, доктора биологических наук, оставившего неизгладимую память о себе. В годовщину смерти С. А. Бутурлина в журнале «Охота и охотничье хозяйство» Ю. Миленушкин[3] вспоминает его как осново-

[1] Романс Вертера из третьего акта оперы Жюля Массне «Вертер».

[2] В 1904 году С. А. Бутурлин был избран в Британское орнитологическое общество, в 1905-м — избран членом оргкомитета Международного орнитологического конгресса в Лондоне, в 1907-м — избран в Американский орнитологический союз, 1910-м — избран одним из сопредседателей Международного орнитологического конгресса в Берлине, 1910–1913 — избран в Международный орнитологический комитет.

[3] Статья Ю. И. Миленушкина «Основоположник советского охотоведения» была напечатана в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 1 за 1958 год, другая статья Миленушкина — «Памяти профессора С. А. Бутурлина» — была напечатана в журнале «Природа» за 1948 год в № 10. Первую статью О. В. Ольденборгер прислал Александр Сергеевич Бутурлин (сын С. А. Бутурлина от второго брака). Ольга Владимировна состояла с ним в переписке. В архиве у И. Н. Евгеновой хранится черновик письма Ольги Владимировны к Александру Сергеевичу: *«Дорогой Александр Сергеевич, посылаю Вам фото любимой собаки Вашего папы ирландского сетера (так в письме, современное написание – сеттера) Того. Когда Сергей Александрович переехал в Москву, он оставил Того, которого он не мог взять с собой, сестре. Когда Того состарился, то все мы очень грустили, видя, что его жизнь скоро придет к концу. Сестра похоронила его под окном своей комнаты в деревне, где мы всегда проводили лето, посадила над могилой куст роз. Забытую статью Ю. Миленушкина к 20-летию Сергея Александровича я почти целиком переписала, отдала машинистке отпечатать в 3-х экземплярах, 1 послала невестке в Москву, а другие 2 оставила в оставшихся у меня. Меня утешает рецензия критика из журнала "Нева" о первой части рукописи».*

положника советского охотоведения, доктора биологических наук, профессора с мировым именем:

«С 1919 года посвятил всю свою жизнь зоологической науке и охоте во всех ее видах. Работая над диагностикой птиц нашей Родины, он собрал богатый материал по распространению и образу жизни многих малоизученных или почти неизученных птиц и зверей (очковой гаге, кулику-дутышу, белошейной гагаре, розовой чайке, лосю и других). Им описано 15 новых родовых групп птиц и около 200 новых видов и подвидов. Крупнейшей заслугой является составление при участии Г. П. Дементьева определителя птиц. Последние книги пятитомного "Полного определителя птиц СССР" вышли в свет уже после его смерти.

Сергей Александрович был неутомимым исследователем-путешественником. С ружьем, записной книжкой и фотоаппаратом он объездил почти всю нашу страну. Особенно любил Сергей Александрович природу Севера. Он подолгу работал на Чукотке, Колыме, Охотском побережье, на островах Колгуеве, Новой Земле. С первых лет советской власти Сергей Александрович принял горячее участие в изучении и улучшении быта народностей наших северных окраин, в строительстве на совершенно новых основах советского охотоведения. Он принимал непосредственное участие в налаживании производства охотничьего оружия, оснащения промысла, закладывал фундамент нашего пушно-мехового звероводства. Начав литературную деятельность в 1888–1889 годах, Сергей Александрович печатался буквально во всех советских охотничьих журналах и газетах. Им издано много книг (около тридцати названий), не считая переизданий. Из них наибольшей популярностью пользуются: "Настольная книга охотника", двухтомная монография "Стрельба пулей", "Дробовое ружье и стрельба из него" и многие другие.

Популярность С. А. Бутурлина была огромна. Охотники обращались к нему за советом. Двери его квартиры всегда были открыты для охотников, и лампа на письменном столе горела далеко за полночь...

Имя Сергея Александровича присвоено Томскому орнитологическому обществу».

Мне хочется добавить: Сергей Александрович был не на словах, а на деле истинно русским человеком, большим патриотом. Его имя зоолога пользовалось мировой известностью.

Прошли тяжелые, незабываемые годы Отечественной войны. Подобно беспощадному смерчу, огнем пожаров были уничтожены города и селения родной земли. Погибли родные, близкие нам люди, но светлая память навсегда сохранится в сердцах тех, кому удалось пережить годы народного бедствия. На склоне моего жизненного пути, как живые встают передо мной лица родных, близких людей — людей, которые стремились отдать свои знания, свой многолетний опыт и труд на благо человечества и нашего родного народа. Они мечтали в годы мрачной реакции и царизма о заре новой жизни, жизни освобожденного труда нашего народа, о светлом счастье нашей непобедимой родины — России.

Ленинград, 1954 год[1]. О. Ольденборгер

[1] Дополнения к основному тексту рукописи Ольга Владимировна Ольденборгер делала и в более поздние годы.

Приложение № 1

Историческая справка «Шапки, Надино и окрестности»

Поселок Шапки территориально расположен на северо-востоке Тосненского района, в 20 километрах от райцентра, в междуречье реки Мги и ее левого притока реки Войтоловки, в пределах так называемого мгинского ландшафта. Современный поселок Шапки сформировался в конце XX века из трех одноименных поселений: старинного села Шапки, имеющего многовековую историю, дачного поселка и небольшого поселения железнодорожников и рабочих песчаного карьера, два последних появились намного позже села — в первой половине XX века.

Своим названием Шапки обязаны расположением на песчаных холмах Шапкинско-Кирсинской гряды, которые своей округлой формой напоминают шапки. Окончательно контуры современного рельефа в окрестностях Шапок сформировались сравнительно недавно, 4,5–5 тысяч лет тому назад. Песчаные гряды здесь оставил отступающий ледник, а во впадинах расположились озера и болота. Песчаные холмы — камы — состоят из супеси, песков и в меньшем количестве из галечника. Камы имеют правильную куполообразную или иногда овальную форму.

Земли, на которых находится Шапкинская волость, славяне начали осваивать в VII–VIII веках. Тогда здесь уже жили кривичи, чудь, меря. На смену им пришли ильменские (новгородские) словене, ижора, водь.

Когда появились поселения: сельцо Шапки, деревня на озерке Долгом (Надино), деревня Белая (Белово), деревня Гора (Царицына гора), сказать трудно. Может быть, в первой половине XV века. Может быть, их появление было связано со строительством крепости Орешек (1323 год), так как первые три указанные деревни стояли при «Ореховой дороге». А может быть, и еще раньше, когда славяне начали осваивать сухопутные дороги к берегам Невы и Ладоги.

XV век

Первые письменные упоминания о Шапках и их окрестностях относятся ко второй половине XV века, когда Иван III присоединил Новгород к Московскому государству.

К этому моменту Шапки входили в состав Никольско-Ярвосольского погоста Водской пятины Новгородского государства. Земли Никольско-Ярвосольского погоста были «присудом» города Орешек. После вхождения Новгорода в состав Московского государства была произведена перепись всех присоединенных земель.

В писцовых книгах тех лет значилось, что сельцо Шапки находилось в совместном владении новгородцев Василия Онаньина (Ананьина) и детей Василия Семенова — Ивана, Исака и Есипа. Вотчина Василия Ананьина относилась к волости в Горах, а вотчина детей Василия Семенова — к волости на Вороньем озере. Василий Ананьин был известным новгородским посадником, боярином, поддерживавшим Марфу Борецкую в ее стремлении сохранить любой ценой независимость от Московии.

Во времена Ивана III на вновь присоединенных к Московии землях была организована «ямская гоньба» по дорогам, связывающим крупные поселения и крепости с Москвой. Был обустроен и Шапецкий ям на Ореховой дороге, которая связывала крепость Орешек с Великим Новгородом. Со времен Ивана III и до 1617 года Шапецкий тракт представлял важный для страны путь, входивший в систему постоянно действующих дорог. У Ореховой дороги стояла деревня Белая и деревня на озерке Долгом. В годы существования Шапецкого яма на Ореховой дороге жители Шапок занимались сельским хозяйством и ямщицким промыслом. Отголоском тех далеких времен является особое почитание у шапкинских старожилов икон святителя Николая Чудотворца, покровителя путешествующих.

XVI век

В 1500 году (7008 году по старому летоисчислению) на новгородских землях проводилась новая перепись, целью которой была замена натуральных налогов на денежные налоги. Знакомясь с записями «Переписной окладной книги Вотской пятины 7008 года», можно найти и сведения

о Шапках: *«В Великого князя сельце в Дворцовом в Шапках, в Васильевском Онаньина, на Ушакове другинадцатом жеребье: (д) Палка Родивонов сеет ржи три коробьи, а сена косит десять копен, пол обжи. А старого доходу шло десять денег, пол коробьи ржи, полкоробьи ячмени, коробья овса. А нового дохода за хлеб и за весь доход гривна»*. Из текста Переписной окладной книги видно, что часть сельца Шапки отошла в фонд дворцовых земель Великого князя Ивана III, а другой частью владел Иван Ушак Елизаров, сын Хвостов.

В писцовых книгах упоминаются и соседние с Шапками деревни: *Великого Князя деревня дворцовая Белая* (Белово), *Нестерово, Марково, Лошково* (Лашково), *Поречье на речке на Назье, Ладва* (Лодва, Лодьва), *Малутукса* (Малукса), *Келкула* (Келколово), *Мья* (Мга, Муя), *Березовец* (Березовка), *Гора* (Царицына гора), *Воронье озеро* (Кирсино), *деревня у Ярвосоли у погоста* (Ярвисаари, Лезье), *деревня на Долгом озерке.*

Последняя из указанных деревень — это современная деревня Надино, рядом с которой в 1835 году была построена усадьба Дубянских «Александровка». О деревеньке на берегу озера Долгое в окладной книге было написано: *«Деревня на Долгом озерке.(д)Сенка Офонасов, (д)Ортюшка Фофанов; сеют ржи четыре коробьи, а сена косят двадцать копен, обжа. А старого доходу боран, пяток льну, пол бочки пива, две деньги поклону, а из хлеба половье; а ключнику две деньги, две лопатки бораньи, две горсти льну, да по четвертки от овина хлеба. А нового доходу тринадцать денег и три горсти льну; а хлеба по спом пол пяты коробьи ржи; пять коробей овса, пол третьи коробьи ячмени; а ключнику две деньги, две горсти льну, лопатка боранья»*.

Такими небольшими поселениями Шапки и окрестные деревни оставались в течении всего XVI века.

XVII век

На протяжении многих лет Новгородское государство, а затем Московское княжество и Россия вели постоянную борьбу со Швецией за выход к Балтийскому морю.

По Столбовскому мирному договору 1617 года, Шапки вместе с землями, прилегающими к Неве и Финскому заливу, отошли к Швеции. Около века — до начала Северной

войны 1700–1721 годов — Шапки находились под шведским господством и входили в состав Ингерманландии, или Ингрии, как называли эти земли шведы. Орешек, переименованный в Нотебург, с прилегающими землями составлял Нотебургский лен. По оценкам современных историков, на землях, присоединенных к Швеции, тогда осталось не более 10 процентов русского населения. Граница между Швецией и Московским государством проходила по озеру Мустолья (*Mustola*) и пересекала дорогу на Любань между деревнями Белая (*Pilova*) и Костово (*Kosto*). На русской стороне был небольшой пограничный пункт — Ильинский острожек.

За время своего правления шведы не сумели добиться существенного переустройства уклада жизни на захваченной территории, но они всячески поощряли переселение финнов на эти земли и создание лютеранских приходов. На шапкинские земли переселялись финны, относившиеся к этнической группе саваки (савакоты). Мужская часть финского населения освобождалась от несения воинской повинности, но зато в их обязанности входила охрана пограничных земель. Они селились в покинутых деревнях и других удобных для проживания местах — по берегам озер, рек и ручьев. В середине XVII века сформировался лютеранский приход Ярвисаари с центром в одноименном селе, в состав прихода вошли Шапки с окрестными селениями. На старых шведских картах Шапки значатся как *Shapki, Sapolka.* Как называлась деревенька на озерке Долгом, определить трудно, так как на шведских картах отсутствуют названия, похожие на русское или финское название деревни. Сохраняя границы прежнего деления завоеванных земель, шведский король раздавал своим приближенным за службу в аренду целые уезды. Так, шведский военачальник Яков Делагарди в 1618 году получил за военные успехи «Ореховские и Карельские земли». В состав его владений вошли и Шапки с окрестными деревнями.

XVIII век

В правление Петра I в августе 1702 года состоялся «свейский поход» воеводы Петра Матвеевича Апраксина в Ингрию, положивший начало возвращению земель «отчич и дедич». Освобожденные в ходе Северной войны земли в 1708 году стали частью большой Ингерманландской губернии. В состав губернии вошли и шапкинские земли. Для

освоения освобожденных земель стали переселять крестьян из дворцовых волостей Тверской, Новгородской и Псковской губерний.

В 1708–1712 годах была произведена перепись земель и населения на освобожденных землях на побережье Невы и Финского залива. Перепись показала, что изнурительная Северная война опустошила Ингерманландию и привела к оттоку финского и шведского населения, которое частично переселилось в Швецию и в новую столицу России. В окрестностях Шапок исчезли многие поселения, которые были обозначены на шведских картах. Потомков жителей, живших здесь до завоевания земель шведами, осталось не более 10 %, финнов, переселенных в годы шведского владычества, — около 40 %, остальную часть населения в Шлиссельбурге и окрестностях составляло население, переведенное из других губерний России, и иностранцы. В 1721 году по условиям Ништадтского мира Швеция, потерпевшая поражение в Северной войне, признала присоединение к России Ингерманландии. Большую часть отвоеванных земель получил в свое владение сиятельный князь Александр Данилович Меншиков и другие сподвижники Петра I. Меншиков стал и первым губернатором огромной Ингерманландской губернии. На картах петровского времени в Шлиссельбургском уезде Ингерманландской губернии значится мыза Шапки.

Петр I пожаловал мызу Шапки с деревнями Белая, Маркова, Белоголова, Мга, Гористина (возможно, *Старостина*), Сигалова, Староселье, Боровая, Келколова, Харчевня, Лонголова, Кантола, Нечеперть, Пендикова, общей площадью 40900 десятин, князю Василию Владимировичу Долгорукову. В крестьянских дворах перечисленных деревень насчитывалось 811 душ. За свою жизнь фельдмаршал В. В. Долгоруков дважды подвергался опале. Первый раз — при Петре I за поддержку цесаревича Алексея Петровича, но тогда опала была недолгой, и вскоре Петр простил своего сподвижника. Второй раз В. В. Долгоруков был обвинен в измене вместе со всем многочисленным семейством Долгоруковых в царствование Анны Иоанновны. Оба раза князя лишали не только наград и званий, но и пожалованных деревень. Деревни возвращали в казну — в состав дворцовых земель. Опального вельможу освободила взошедшая на престол в 1741 году Елизавета Петровна. Некоторые историки называют Елизавету крестной дочерью В. В. Долгорукова. Василий Владимирович

Долгоруков умер в 1746 году, не оставив наследников, а его земли Елизавета Петровна подарила новым владельцам.

Почти вся южная часть бывшего Нотебургского лена — имение Шапки с деревнями, Усть-Мга с деревнями, Поречье с деревнями — в 1746–1747 годах была пожалована духовному отцу Елизаветы Петровны — протоиерею Федору Яковлевичу (Феодору Иаковлевичу) Дубянскому. В 1755 году был образован Шлиссельбургский уезд, в состав которого входило имение «Шапки». После смерти Федора Яковлевича Дубянского в 1770 году имение «Шапки» с многочисленными деревнями перешло по наследству к его младшему сыну — Якову Федоровичу. Я. Ф. Дубянский имел невысокий чин майора, но зато был ревностным масоном и мастером масонских лож «Астрея» и «Урания».

В 1778 году Я. Ф. Дубянский разрешил построить рядом с Шапками лютеранскую церковь Святого Якова. Церковь стала новым центром лютеранского прихода, сохранившего по традиции старое название — Ярвисаари, так шведы называли лютеранский приход и село, в котором стояла Кирха.

В 1781 году крепостные крестьяне Я. Ф. Дубянского приступили к строительству православной церкви, которая была освящена в 1786 году во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Шапки получили официальное название — село Покровское. Под таким названием село просуществовало до Октябрьской революции, часто в документах использовали оба названия — село Покровское (Шапки) или село Шапки (Покровское). Усадьба в имении и само имение сохранили названия мыза «Шапки» и имение «Шапки».

XIX век

Шапкинские владения Якова Дубянского после его смерти были поделены между его сыновьями: Александром и Федором. Окончательный раздел имущества между братьями был закончен в 1813 году. На своей доле полученных по наследству земель полковник, участник Отечественной войны 1812 года Александр Яковлевич Дубянский построил в 1835 году новую усадьбу на берегу озера Долгого, рядом с финской деревенькой. По обычаю, принятому у дворян, он назвал усадьбу своим именем, а три деревни, находившиеся на территории его имения, — в честь своих детей (дочерей Любови, Надежды и сына Георгия). Так на картах XIX века

в окрестностях Шапок появились деревни Любино, Надино и Жоржино. До наших дней дожили и сохранили свое название только две последние деревни. По названию усадьбы стали именовать и все имение — «Александровка». С гибелью в 1829 году на войне с турками в Болгарии единственного сына А. Я. Дубянского — Георгия — прервалась по мужской линии эта ветвь дворянского рода Дубянских.

Свою часть имения Федор Яковлевич Дубянский (младший) в 1817 году продал Александру Дмитриевичу Балашову, участнику Отечественной войны 1812 года, военному губернатору Санкт-Петербурга, первому министру полиции России и губернатору пяти центральных губерний России. А. Д. Балашов сразу же продал из состава имения «Шапки» 2000 десятин земли на правом берегу реки Тосно генералу Алексею Даниловичу Копьеву. Впоследствии на этих землях была создана известная усадьба «Пустынька», владельцем которой был Алексей Константинович Толстой.

Шапкинские крестьяне, так же как и владельцы имений, были в рядах защитников Отечества в войне 1812 года, входя в состав ополчения Шлиссельбургского уезда, которое возглавлял А. Я. Дубянский. На родину вернулось меньше трети воинов. И если ратный труд владельцев имений А. Д. Балашова и А. Я. Дубянского по праву был высоко оценен и отмечен многими государственными наградами, то главным героям войны — рядовым ратникам — была обещана самая высокая награда: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду свою от бога». Крепостные крестьяне-ополченцы так и не получили долгожданного освобождения от крепостной зависимости.

На протяжении 67 лет, с 1817 по 1884 год, имением Шапки владели три поколения Балашовых. А. Д. Балашов создал обширную усадьбу, расположив ее на холмах по левому берегу Мельничного ручья. Проведенные Александром Дмитриевичем преобразования определили облик имения «Шапки» на целое столетие. Тогда же была создана рядом с деревней Нурма мыза с охотничьим домиком. Его наследник, сын Александр Александрович, продолжил строительные работы в усадьбе и перестроил церковь, а внук, Петр Александрович Балашов, построил в Шапках земскую школу.

На строительстве барских усадеб, парков и церквей, строительстве и ремонте дорог и мостов долгие годы использовался труд крепостных крестьян. До отмены крепостного

права крестьяне работали до 6-ти дней в неделю на помещика. Перевод на оброк ненамного облегчал тяжелую участь крестьян. Одной из самых обременительных повинностей для крестьян были рекрутские наборы.

Нередко недобросовестные управляющие имениями, в отсутствии их хозяев, обирали крестьян и обкрадывали владельцев. Хозяйство в имениях приходило в упадок, земли закладывались и перезакладывались. Скудные земли на крестьянских полосках не могли прокормить семьи. Часто глава семьи со старшими сыновьями отправлялся на отхожие промыслы в уездный Шлиссельбург или в столичный Петербург. В самом уезде крестьяне работали на лесозаготовках и лесосплаве, ремонте дорог, жгли уголь, добывали живицу, заготавливали кору ивы и липовое лыко, собирали для продажи грибы и ягоды. Возили в город дрова и сено.

Имение «Александровка» после смерти А. Я. Дубянского в 1851 году перешло по женской линии его дочери, Любови Александровне Марковой. С 1861 по 1891 год хозяйством в имении ведал по доверенности матери ее младший сын, Владимир. Всю свою жизнь Владимир Петрович Марков связал с земским движением в Шлиссельбургском уезде и Санкт-Петербургской губернии. Он в качестве мирового посредника участвовал в реформе по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Освобождение от крепостного права, дарованное Александром II в 1861 году, было радостным и одновременно трудным событием в жизни аграрной России. Не все помещики и далеко не все крестьяне нашли свое место в новых экономических условиях. Также сложно происходил переход к новой жизни и в Шапкинской округе. На тот момент к имению «Шапки» было приписано 7 деревень, в которых было 143 двора и проживало 759 человек. К имению «Александровка» относилось 9 деревень со 138 дворами, в которых проживало 853 жителя.

После отмены крепостного права к старожилам — русским и финнам — добавились новоселы — переселенцы из Эстляндии (Эстонии), бывшие крепостные крестьяне, которых освобождали без предоставления земельного надела. В Шапкинской волости по распоряжению правительства помещики предоставляли им в аренду землю на льготных условиях. Эстонцы селились в основном вдоль уездного тракта Тосно–Шапки–Шлиссельбург, в районе между Нурмой и Шапками. Селились так, как они привыкли на родине,

небольшими хуторами на одну-две, редко три семьи. Трудолюбивые эстонцы быстро обжились на шапкинских землях. В жизнь Шапкинской волости они привнесли свою культуру земледелия и разведения домашнего скота. Молоко с эстонских хуторов, а затем и с помещичьих ферм стали поставлять в Петербург.

Соседнее имение «Шапки» в 1884 году было продано П. А. Балашовым купцу из греков, банкиру и действительному статскому советнику Фемистоклу Ивановичу Петрококино, который владел имением до своей кончины. При Ф. И. Петрококино была впервые произведена геологическая оценка запасов строительного песка и бутового камня в районе Шапки–Нурма, обновлена грунтовая дорога Тосно–Шапки, построена железнодорожная ветка Тосно–Шапки, начата промышленная эксплуатация гравийно-песчаного карьера Шапки. В деревне Нурма был построен небольшой кирпичный завод. Из изготовленного на заводике кирпича был построен на месте деревянного охотничьего домика в Нурме основательный кирпичный «Охотничий дом». На окраине Шапкинского карьера, рядом со станцией Шапки, начал формироваться небольшой поселок железнодорожников и рабочих карьера. Железнодорожная ветка Тосно–Шапки и песчаный карьер впоследствии сыграли существенную роль в судьбе Шапкинской волости.

В 1891 году имение «Александровка» после смерти матери унаследовал Владимир Петрович Марков, часть земель была выделена его брату Георгию. Владелец «Александровки» Владимир Петрович Марков оказал существенное влияние не только на послереформенное обустройство своего имения и Шапкинской волости, но и на весь Шлиссельбургский уезд и Санкт-Петербургскую губернию. Он неоднократно избирался уездным земским собранием на должность мирового судьи в Шлиссельбургском уезде, а затем и председателем уездного земства. С 1882 года Владимир Петрович возглавлял земскую управу Петербургской губернии. При нем в Шапках появилась земская больница и земская почта, земские школы в 10 деревнях Шапкинской волости, по инициативе его жены Анны Александровны были организованы ясли в Староселье и Надино, агрономические курсы для крестьян соседних с «Александровкой» деревень. В своей деятельности Владимир Петрович опирался на единомышленников среди своих родственников и друзей. После

выхода в отставку принимал участие в работе уездного земства его брат, Георгий Петрович Марков, его неоднократно избирали гласным Шлиссельбургского уездного Земского собрания. Братья Марковы активно поддерживали многие начинания своего соседа по имению — Ф. И. Петрококино. Принимал в этом участие и зять В. П. Маркова (муж старшей дочери Ольги) — Александр Иванович Ольденборгер, который осуществил проектные работы и возглавил строительство железнодорожной ветки Тосно–Шапки.

XX век

Новый XX век принес новые заботы и новые беды. В 1905 году жителей волости призывного возраста мобилизовали на Русско-японскую войну. Не все из них вернулись на родину. А среди тех, кто вернулся, были увечные и раненые, многие побывали в японском плену. Проехавшие всю Россию солдаты делились с земляками своими впечатлениями. К ним добавлялись рассказы тех, кто ушел на заработки в Петербург, в Шлиссельбург, Колпино. Таким образом, революционные идеи проникали в крестьянскую среду. Некоторые из крестьян Шапкинской волости были непосредственными участниками революционных событий 1905 года. В «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года на мирную демонстрацию вместе с другими рабочими Путиловского завода вышел уроженец Староселья Федор Леонтьев. За ведение революционной пропаганды были высланы на 3 года из Шлиссельбурга крестьяне Шапкинской волости Н. Пополев и И. Данилов. В имении Марковых местными крестьянами был сожжен скотный двор.

В начале XX века друг за другом ушли из жизни В. П. Марков и Ф. И. Петрококино. После смерти В. П. Маркова в 1910 году имение «Александровка» унаследовала его вдова, Анна Александровна, которая уступила свои права детям: Ольге, Вере и Николаю. Сын свою долю наследства продал Воронцовым-Дашковым, Вера Владимировна с матерью вели хозяйство в усадьбе «Александровка». Ольга Владимировна построила небольшой хутор на Царицыной горе.

А последней владелицей имения «Шапки» была графиня Ирина Васильевна Воронцова-Дашкова, во втором браке княгиня Долгорукова (Долгорукая), которая купила имение у наследников Петрококино. Особого влияния на судьбу

Шапок она не успела оказать. Только помогла восстановить сгоревшую Покровскую церковь и предоставила бывший библиотечный павильон в усадьбе для церкви на время ремонта храма Покрова Пресвятой Богородицы после пожара 1911 года. Руководил работами по восстановлению шапкинского храма епархиальный архитектор А. П. Аплаксин. Управляющим имением при Ирине Васильевне был ученый лесовод А. А. Скорняков. Сосновыми борами, посаженными в 1910-х годах, любуются жители и гости Шапок и в начале XXI века. Доходы от продажи леса в имении «Шапки» составляли свыше 50 тысяч рублей ежегодно. Приблизительно такой же доход давал и песчаный карьер. Доход приносили молочная ферма, сады и оранжерея, а также сдаваемые в аренду дачникам дома в усадьбе.

Облик села Шапки и его окрестностей начала прошлого века для потомков сохранил владелец небольшого магазина в Шапках Яков Петрович Нерман. Его родители были выходцами из Эстляндии (Эстонии) и поселились в Шапках на рубеже 1860–1870-х годов. Яков Нерман издал в 1910-х годах серию почтовых открыток, на которых были представлены фотографии более ста видов Тосно, Шапок и их окрестностей.

В годы Первой мировой войны почти все мужское население волости было призвано в армию, во главе семей остались женщины. Шлиссельбургское земство по мере возможностей помогало населению, и в первую очередь семьям воинов. В волости пользовалось казенным пособием 109 семей, 65 семьям требовалась помощь в обеспечении семенным фондом. За помощью к земству обращались учителя, врачи, содержатели земских станций. Участниками Первой мировой войны были оба сына Ольги Владимировны Ольденборгер. Были среди жителей Шапок воины, награжденные Георгиевскими крестами, высшей наградой за боевые заслуги. Среди них были два будущих председателя Шапкинского сельсовета: трижды Георгиевский кавалер Владимир Васильевич Наумович и дважды Георгиевский кавалер Иван Андреевич Федоров. Односельчане уважали их не только за боевые заслуги. Добровольцем вольноопределяющимся ушел на германскую войну Яков Петрович Нерман, издатель почтовых открыток с видами села Шапки и его окрестностей.

К местному населению в годы Первой мировой войны добавились бывшие дачники, бежавшие из столицы от голода

и ставшие шапкинскими «зимогорами», и беженцы с захваченных немцами территорий. Были беженцы даже из Австро-Венгерской монархии. Волостное начальство распределяло по усадьбам и крестьянским домам военнопленных, они должны были заменить в хозяйстве жителей, ушедших на фронт. В уезде и волости возрастало недовольство царским правительством.

Революционные события 1917 года захватили не только столицу и уездный Шлиссельбург, но и весь уезд. Шапкинский волостной комитет распорядился о рубке леса в имении Шапки, принадлежавшем княгине И. В. Долгорукой, подверглись разграблению все постройки в имении «Шапки». 12 марта 1917 года был избран Шапкинский волостной исполнительный комитет. Волостной комитет находил поддержку у Шлиссельбургского уездного комитета, председателем Земельной комиссии которого был избран крестьянин из Шапкинской волости Н. Ф. Пополев.

В Гражданскую войну военных действий на территории волости не было. Но многие шапкинцы с фронтов Первой мировой войны ушли воевать на фронты Гражданской войны. Участниками Гражданской войны были Владимир и Александр Ольденборгер, воевавшие на стороне Красной армии. На Гражданской войне воевал в Красной армии Я. П. Нерман, он сражался под командованием К. Е. Ворошилова и был лично знаком с ним. Село Шапки и деревни были в запустении, жители голодали, не работал песчаный карьер, не ходили поезда по железнодорожной ветке Тосно–Шапки, письма отправляли не по почте, а с оказией. К прочим бедам добавилась страшная эпидемия тифа, унесшая жизни многих крестьян. Но даже в это тяжелое время шапкинские школьники со своими учителями, думая о будущем, сажали молоденькие сосны в районе «Смолокурки» и железнодорожного тупика. Шапкинский сельский совет в эти годы входил в состав Лезьенской волости Колпинского района Ленинградского округа.

На территории имения «Шапки» после революции был организован совхоз, первым директором которого был Ивановский Адам Романович. Парк и оранжерея находились на попечении бывшего садовода имения Ивана Викентьевича Бальера и рабочих совхоза. При коллективизации имение отошло колхозу «Крепкий путь». На территории бывших эстонских хуторов и прилегающих финских деревень

в 1920-х годах был организован Эстонский сельсовет. На его территории наиболее успешно работала артель «Кантула».

Основной барский дом с флигелями в бывшем имении «Шапки» был отдан под ШКМ (Школу крестьянской молодежи) 2-й ступени. В «Охотничьем доме» в Нурме разместилась эстонская школа. В Шапках в бывшем Пожарном депо был организован Клуб имени тов. Ленина Шапкинского коллектива РЛКСМ (РЛКСМ — Российский Ленинский коммунистический союз молодежи). В усадьбе имения «Александровка» разместился Дом отдыха завода «Большевик», а на бывшей мызе Л. К. Кольмана «Карловка» — пионерлагерь.

К середине 20-х годов жизнь в волости постепенно налаживалась: заработал песчаный карьер и железнодорожная станция. В 1926 году появились первые экскурсанты, осматривающие шапкинские достопримечательности. В одном здании с клубом открылась «Чайная». Продолжая дореволюционные традиции, действовал в клубе самодеятельный театр. Работала библиотека и изба-читальня. В 1928 году член-корреспондент Общества древней письменности и искусства Л. А. Творогов обследовал десять деревень Колпинского района: Надино, Сиголово-2-е, Ерзуново, Белоголово, Шапки, Белово, Староселье, Кантилово, Нечеперть, Жоржино. В результате обследования были собраны и записаны уникальные данные по состоянию деревень конца 1920-х годов: землеустройству, подсобным промыслам, народным финским костюмам и финскому ткачеству.

В начале 1930-х годов на территории Шапкинского сельсовета прошла коллективизация. В проведении коллективизации помогали рабочие «Ижорского завода» и «Шапкинского песчаного карьера». В Шапках был организован колхоз «Крепкий путь», в Белоголово — «Слава», в Ерзуново — «Муравей». Колхозным активистом и первым председателем колхоза «Крепкий путь» был шапкинский крестьянин Николай Васильевич Яковлев. В большинстве же деревень колхозы были одноименными с селениями. Одним из первых в районе был организован колхоз в самом большом поселении бывшего имения «Александровка» — деревне Староселье. Первым поставил свою подпись о вступлении в колхоз Николай Глебович Степанов. В 1932 году на колхозных полях впервые появился трактор «Фордзон», а первым трактористом стал Василий Савельич Ефимов из Староселья. В те годы многое на селе было либо первым, либо впервые.

Ежегодно в Шапках стали проводиться первомайские и ноябрьские митинги. На субботниках сельские активисты отремонтировали здание бывшей барской библиотеки и приспособили его под клуб.

В начале 1930-х годов в Шапках прошло раскулачивание. Зажиточных крестьян, которых можно было бы на полном основании назвать кулаками, в деревнях Шапкинского сельсовета не нашлось, и были раскулачены: Александр Курочкин, который держал «Чайную», его друг из Староселья Хабаров, имевший маленькую лавку, и Софья Федоровна Нерман, владелица небольшого магазина в Шапках. Добротные двухэтажные дома Курочкина и Нерман стояли рядом на Покровской площади. Их отдали под нужды Сельсовета. В доме Курочкина разместили парикмахерскую, магазин и ясли-сад, последние были открыты только в сезон полевых работ. В доме Нерман расположился Сельсовет, почта, телефонная станция и библиотека.

В середине 1930-х начались гонения на церковь. В 1937 году Покровская церковь была закрыта. Последнего настоятеля храма отца Павла Иродионова сначала с семьей выслали под Саратов, а затем арестовали. В 1932 году был арестован пастор лютеранского прихода Марккова Ярви-саари Эркки Гуттер, уроженец деревни Старостино, на географических картах долго на берегу Старостинского озера значился пасторский дом. В 1938 году была закрыта Кирха Святого Якова. Здание Кирхи отдали под детский туберкулезный санаторий.

В 1938 году были ликвидированы газетные полосы районной газеты «Ленинское знамя», печатавшиеся на финском и эстонском языках. Было запрещено преподавание в начальных школах на финском и эстонском языках. В 1939 году был ликвидирован Эстонский совет. В Нурме была закрыта эстонская школа. Запретили преподавание на финском языке в начальной школе в Сиголово.

В конце 1930-х годов рядом с железнодорожной станцией в сосновом бору выделили место для дачного поселка, в котором строили свои дачные дома военные, творческая интеллигенция, ученые, старые большевики, врачи, юристы и преподаватели вузов из Ленинграда. На 1 января 1939 года в Шапкинском сельсовете на учете стояло 662 жилых дома. Из них: в селе Шапки — 159 домов, в поселке Шапки — 105, в Староселье — 80, в Сиголово — 48, Надино — 33, Ерзуно-

во — 29, Белово — 42. А также в поселениях бывшего Эстонского сельсовета, вошедших после 1937 года в состав Шапкинского сельского совета: в Нурме — 63, в Пендиково — 25, в Горках — 37, в Жоржино — 27, в Доме отдыха «Озерное» — 2, в Кюльвии (Красном поселке, Эстонских хуторах) — 10, в Иголино (у железной дороги) — 2.

Самым страшным испытанием для жителей шапкинской округи, как и для всей страны, стала Великая Отечественная война. С первых дней войны началась мобилизация. Более 120 человек, призванных Тосненским военкоматом с территории Шапкинского сельсовета, погибли и пропали без вести. Село Шапки было оккупировано 28 августа 1941 года. За несколько дней до начала оккупации окрестности Шапок уже бомбили с самолетов. Были убитые и раненые среди мирного населения. Жители бежали в леса, из которых они после прихода немцев были вынуждены под угрозой смертной казни вернуться. Но в их домах уже хозяйничали немцы. Жителям пришлось ютиться в банях, старых домах и пристройках. В бывших помещичьих усадьбах и лучших домах разместились немецкие госпиталя, комендатуры, штабы, поселились офицеры.

В Шапках были повешены местные коммунисты: Алексеев Иван Тимофеевич, Гливенко Федор Романович, Поляков Михаил Александрович, Финберг (Фимберг — фамилия в документах встречается в двух вариантах) Александр Иванович, Финберг Иван Иванович, Цветков Иван Андреевич и неизвестный житель дальней деревни, расстреляны председатель сельсовета Иван Андреевич Федоров и участковый милиционер Семен Захарович Бурма. В Староселье повесили группу жителей, привезенных из дальних деревень. На дороге Шапки–Нестеровское озеро была расстреляна группа подростков-ремесленников. В самом начале оккупации немцы расстреляли 7 неизвестных человек у деревни Ерзуново. На Барской горе на двух соснах повесили русского раненого летчика и укрывавшую его хозяйку, кто они были, местные жители не знали. Расстреляли тосненского жителя Бориса Александровича Кондакова, который попал в Шапки в поисках своей семьи, пытавшейся пробраться в Ленинград. Фашисты застрелили безобидного шапкинского юродивого Перю. Мученическую смерть от рук карателей принял депутат сельсовета И. Савельев. Больного парализованного человека привязали и тащили за лошадью несколько

километров и только потом расстреляли. Немцы расстреляли нурменскую жительницу, которая шла в Шапки, чтобы обменять вещи мужа на еду. За помощь партизанам были казнены пионеры из школы села Доброе: Маркс Кротов, Николай Рыжов и Альберта Купша.

На холме, где была до революции дача семьи Эрк, немцы организовали небольшой лагерь для русских военнопленных. Погибших от невыносимых условий военнопленных хоронили рядом за оврагом. Местное население, лишенное средств к существованию, было вынуждено работать за скудный паек на немцев. Комендатура для гражданских (цивильных) лиц направляла их на строительство рокадных дорог-лежневок, на лесозаготовки, на железную дорогу, на разные тяжелые подсобные работы. Молодежь угоняли на работу в Германию.

В конце 1943 года все население отправили в Прибалтику, а местных финнов — на историческую родину, в Финляндию. При отступлении немцы сожгли почти все дома в Шапках, в бывших помещичьих усадьбах, в дачном поселке, в Карьере, на станции и окрестных деревнях. Да и те дома, что уцелели, стояли без окон и дверей. Была взорвана церковь Покрова Пресвятой Богородицы и уничтожена Кирха Святого Якова. Были взорваны мосты и разобраны пути на железнодорожной ветке Тосно–Шапки. В ходе боевых действий в руины превратились бывший «Охотничий дом» в Нурме и Дом отдыха «Озерное» на Пендиковском озере.

Как значится в сводках Совинформбюро, Шапки освободили 22 января 1944 года. В боях на направлении Сологубовка–Шапки–Нурма–Тосно участвовали 1214-й стрелковый полк 364-й стрелковой дивизии и 1-й и 2-й отдельный стрелковые батальоны 1-й отдельной стрелковой бригады. Командиром дивизии был полковник Виктор Антонович Вержбицкий. На левом фланге 364-й дивизии действовала 177 СД. Направление удара этой дивизии было направлено с рубежа Погостье–Кондуя в сторону Шапки–Тосно и Шапки–Любань. Воины этой дивизии освобождали деревни Белоголово, Ерзуново, Белово и дальше все деревни до Любани и сам город Любань. От Любани бойцы 177-й дивизии по московской железной магистрали вышли на подступы к Тосно. Командовал 177-й стрелковой дивизией Цыганков Алексей Яковлевич.

В окрестных лесах, на полях и лугах после отступления немецких войск остались многочисленные минные поля, были

заминированы землянки и блиндажи. После войны саперы трижды проводили массовые операции по разминированию и уничтожению боеприпасов, оставшихся на полях сражений.

Много бойцов погибло при освобождении села Шапки и его окрестностей в январе 1944 года и при отступлении наших войск в 1941 году. Из разбросанных по окрестным полям и лесам могилок погибших бойцов перезахоронили на Шапкинском кладбище в братских могилах. Поиски могил велись по оставшимся на месте захоронений крестам, колонкам, табличкам. Иногда это был просто крест или звездочка, вырезанные на коре дерева. В поисках помогали архивные документы и письма бойцов, воевавших в этих краях. Ветераны 364-й дивизии поддерживали связь с Шапками, бывали здесь на митингах у Братских могил, выступали с воспоминаниями в сельском клубе и школе. Почетный гражданин города Тосно генерал-майор В. А. Вержбицкий много лет отдыхал в Шапках в предоставленной ему в доме ДРСУ квартире. Над ветераном шефствовали шапкинские школьники.

После освобождения советскими войсками Прибалтики начали возвращаться в родные края жители Шапкинского сельсовета. Бывшие эстонские хуторяне предпочли вернуться на родину, в Эстонию. Остались в Прибалтике и многие русские семьи. Жить в Шапках было негде, под жилье использовали немецкие землянки и гаражи. Возрождение Шапок началось с дачного поселка. В уцелевших домиках и землянках расположились: Сельский совет, школа, амбулатория, изба-читальня, почта. Первым заработал карьер. До середины 1960-х годов Шапкинский карьер и железнодорожная станция были точками роста и градообразующими предприятиями для всей шапкинской округи. Восстановили грузовое движение по железнодорожной ветке, станционные службы и вокзал разместили в старых железнодорожных вагончиках.

Жизнь постепенно перестраивалась на мирный лад. Возрождались колхозы. Недалеко от станции построили хлебоприемный пункт и пекарню. Там же разместился магазин «Сельпо». Первые послевоенные посевные приходилось проводить вручную. Не было ни лошадей, ни техники. Жители отстраивали свои домики на родных пепелищах. Дома рубили из бревен, взятых с дорог-лежневок, построенных для военных нужд при немцах. Были они в одно, редко в два окошка по фасаду, за оконным стеклом ездили в Ленинград

или ходили пешком за многие километры в Назию. Крыши крыли «дранкой», сделанной из осиновых или сосновых чурок на ручном станочке. Для печек брали кирпич из развалин взорванной церкви. Для подъема сельского хозяйства в деревни Шапкинского сельсовета переселяли жителей из областей, меньше пострадавших в годы войны.

В конце 1940-х годов амбулаторию и школу перевели из дачного поселка в бревенчатый дом в старом парке. В 1951 году под школу приспособили бывшую оранжерею. В 1955 году Шапки и окрестные деревни электрифицировали. До этого жители пользовались керосиновыми лампами. Торговали керосином из цистерны, стоявшей в железнодорожном тупике. В бывшей усадьбе «Александровка» во вновь отстроенных корпусах разместился пионерский лагерь ленинградского завода «Звезда» «Салют». На его открытие приезжали Ольга Владимировна Ольденборгер и ее сестра, Вера Владимировна Ильина. В 1961 году электрифицировали железнодорожную ветку Тосно–Шапки. Было организовано регулярное автобусное сообщение Шапок с Тосно, Любанью и Мгой.

Мелкие колхозы объединили в один — «Крепкий путь», который в начале 1960-х годов вошел в состав совхоза «Ушаки» как отделение «Шапки». К середине 1960-х годов были построены новые кирпичные здания школы, Сельсовета, вокзала, магазинов, Дома быта, пристроен к сельскому клубу большой зал. Построены двухэтажные жилые кирпичные дома на Школьной улице, улицах Н. Куковеровой и М. Кротова. В новых жилых домах на первых этажах разместились амбулатория и почта, в здании Сельсовета — «Сберкасса» и телефонная станция. В Староселье и на Северной улице в Шапках были построены новые корпуса животноводческих ферм. В 1967 году был открыт природный парк «Юбилейный». На окраине Шапок был разбит большой лесопитомник Лисинского лесохозяйственного техникума, построены дома для работников лесопитомника и Шапкинского лесничества.

В хрущевскую «оттепель» получили разрешение вернуться в Ленинградскую область депортированные финны и немцы. Не все могли вернуться в свои прежние дома, занятые после войны другими людьми, таким переселенцам предлагали свободные участки в других населенных пунктах. Так и у нас, в Шапкинском сельсовете, в деревне Староселье, появилось несколько семей советских немцев. Вернулся в это время

и кое-кто из наших финнов, в годы войны переселенных немцами на историческую родину. Это были те семьи, которым запретили после возвращения из Финляндии в Советский Союз поселиться в родных местах. Вернулись далеко не все.

Официально поселком Шапки стали называться с 1971 года, в состав поселка вошли три одноименных населенных пункта: деревня, дачный поселок и карьер.

На рубеже 1960–1970-х годов начался массовый отток населения из Шапок и окрестных деревень. Молодежь уезжала учиться и работать в Ленинград и другие города. Многие жители перешли на работу в совхоз «Восточный» на свинооткормочный комплекс и на Комбикормовый завод. Совхоз предоставлял своим рабочим благоустроенные квартиры в Нурме, привлекала и развитая инфраструктура Нурмы. Кто-то перебрался в Тосно, которое, получив статус города, бурно развивалось. Чтобы сократить отток населения, в Шапках было создано швейное производство в бывшем помещении библиотеки на улице М. Кротова и цех по производству сенных брикетов. Часть населения трудилась на «Реалбазе», построенной в начале 1970-х годов.

Отдаленные деревни на территории Шапкинского сельсовета были признаны неперспективными, и население из них стало переселяться в Шапки и Нурму. Так, в урочища превратились деревни Нечеперть, Пендиково и Белово. На грани исчезновения были Белоголово и Ерзуново.

Карьер был временно закрыт и из ведения Октябрьской железной дороги передан в состав Карьероуправления «Леннеруд» Ленинградского строительного комитета. «Леннеруд» в 1970-х годах вновь открыл добычу песка и гравия в карьере, присвоив карьеру название «Брусова гора».

Большая часть добываемого песка из карьера стала вывозиться грузовыми машинами. К началу XXI века Брусова гора исчезла с лица земли, на ее месте находятся искусственные водоемы — майлы, которые все чаще называют Шапкинскими озерами. В 1997–1999 годах была построена и асфальтирована шапкинская объездная дорога. При необходимости песок можно теперь вывозить из карьера на грузовых машинах не только в сторону Тосно, но и в сторону Мги и Любани.

Постепенно Шапки превращались в поселок дачного типа. В 1960-х годах расширился дачный поселок, эту часть поселка до сих пор местные жители и старые дачники называют Новым поселком. В Юрсельском бору на берегу Юрсельского

и Макарского озер много лет действовал палаточный экологический лагерь Войскоровской сельской школы. Строились базы отдыха на берегу карьерских прудов, Нестеровского озера, Дичкова ручья. Начало 1990-х годов приостановило их строительство. Недостроенная база отдыха «Пятого телевизионного канала» была передана Центру реабилитации инвалидов детства. База отдыха «Большевик» перешла в ведение Тосненского района и стала называться базой «Агроотдых». Свой статус сохранила только небольшая база отдыха железнодорожников «Ручеек» («Родничок»)[1]. На несколько лет поменял свой профиль пионерский лагерь «Салют», в нем стали отдыхать студенты из разных регионов страны.

В 1995 году возродилась церковная православная община, и возобновились богослужения в помещении бывшей барской библиотеки, а в советское время — сельского клуба. В этом здании в 1911–1917 годах временно находилась шапкинская церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сельский храм по традиции освятили во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

XXI век

В начале 2000-х годов была закрыта Шапкинская школа, в ее здании сейчас находятся лыжная база и Шапкинская сельская библиотека. Школьников возят на автобусе в Нурминскую школу. В 2003 году был закрыт свинооткормочный комплекс совхоза «Восточный». В новых экономических условиях не устояло и шапкинское отделение совхоза «Ушаки». Оно в 2005 году было закрыто, а земельные паи были выделены в натуре бывшим работникам совхоза. Не имея возможности обрабатывать земельные наделы, большинство из них продали свои паи. Новые владельцы не спешат заняться сельским хозяйством. Только в окрестностях Староселья имеется ферма и конюшня «Царицына горка». Песчаный карьер и лесопитомник, два основных предприятия, оставшихся на территории Шапкинского сельского поселения. К началу нового века «Карьер» окончательно перестал быть «градообразующим предприятием» для поселка, хотя продолжает осваивать новые площади. Владельцем карьера является компания «Рудас». Лесопитомник занимает площадь

[1] На картах «Ручеек», в документах «Родничек».

около 50 гектаров и занимается выращиванием саженцев хвойных пород деревьев. Центрами духовной жизни сельского поселения Шапки являются церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Шапкинская сельская библиотека.

В 2005 году Нурма с прилегающими деревнями отделилась от Шапкинской волости. Были созданы муниципальные образования: Шапкинское и Нурменское сельские поселения. Депутаты Нурменского сельского поселения приняли решение, что будет правильнее именовать его Нурминским сельским поселением. На начало 2007 года в Шапкинском сельском поселении, в состав которого входит поселок Шапки, деревни Староселье, Сиголово, Надино, Ерзуново и Белоголово, имело постоянную регистрацию 529 человек. Некоторые из них живут и работают в Санкт-Петербурге, Колпино, Тосно и других населенных пунктах Ленинградской области. Постоянно же проживает в поселении, с учетом «зимогоров», около 600 человек. Густонаселенный в теплое время года, поселок замирает в зимнее время, не надолго оживляясь в зимние каникулы и выходные дни.

Традиционно Шапки являются центром летнего и зимнего отдыха для петербуржцев и жителей Тосненского района. Работает в летнее время единственный в районе детский оздоровительный лагерь «Салют» на территории бывшего имения «Александровка». Возобновили свою работу железнодорожные поезда «Лыжная стрела». Рядом с деревней Сиголово распланирована небольшая трасса для мотогонок. Работает Лыжная спортивная база. В окрестностях Шапок проводятся лыжные соревнования, велогонки, мотокроссы, различные туристские и спортивные слеты, ролевые игры и историко-военные реконструкции. Здесь можно увидеть байкеров и спортсменов, занимающихся ориентированием. На базе конюшни «Царицына горка» проводятся конноспортивные соревнования. Любители экстремальных автопробегов, облюбовали заброшенную дорогу Староселье–Кирсино.

Трудно строить прогнозы о дальнейшем развитии поселка Шапки и окружающих его поселений. Скорее всего, это будет дачная местность. Хотя не исключены и крутые повороты в судьбе поселения, как это не раз было за его многовековую историю. Хотелось бы пожелать современникам и будущим жителям: любите, берегите и обустраивайте шапкинские земли так, как это делали на протяжении многих веков наши предшественники.

Приложение № 2

Фрагмент карты-трехверстки 1863 года
«Окрестности села Покровское (Шапки)»

Приложение № 3

Шапки. Административная принадлежность

Года	Государство	Историческая область	Исторический район	Наименование населенного пункта
?–1478	Новгородская вечевая республика	Водская Пятина	Ореховский присуд Николо-Ярвосольский погост (Никольско-Ярвосольский погост)	Сельцо *Шапки*
1478–1617	Московское княжество, Московское государство	Водская Пятина	Ореховский присуд Николо-Ярвосольский погост	Дворцовое сельцо *Шапки*, *Шапецкий ям* на Ореховой дороге
1617–1702	Шведское королевство	Ингерманландия	Нотебургский лен Приход Ярвисаари	*Sapolka* *Shapki* Финский вариант — *Hattula*
1702–1708	Россия Российская империя	Ингерманландия		Мыза *Shapki* – *Шапки*
1708–1710	Россия Российская империя	Ингерманландская губерния		*Шапки* Мыза *Шапки*
1710–1755	Россия Российская империя	Санкт-Петербургская губерния	Шлиссельбургский уезд	*Шапки* Мыза *Шапки*
1755–1786	Россия Российская империя	Санкт-Петербургская губерния	Шлиссельбургский уезд	*Шапки* Мыза *Шапки*

Года	Государство	Историческая область	Исторический район	Наименование населенного пункта
1786–1865	Россия Российская империя	Санкт-Петербургская губерния	Шлиссельбургский уезд	Село Покровское Имение (мыза) Шапки
1865–1914	Россия Российская империя	Санкт-Петербургская губерния	Шлиссельбургский уезд Шапкинская волость	Село *Покровское* Имение (мыза) *Шапки* Карьер *Шапки* с 1905 года Железнодорожная станция *Шапки* с 1912 года
1914–1918	Россия Российская империя	Петроградская губерния	Шлиссельбургский уезд Шапкинская волость	Село *Покровское* Имение мыза *Шапки* Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*
1918–1922	РСФСР	Петроградская губерния	Шлиссельбургский уезд Шапкинская волость	Село *Шапки* Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*
1922–1927	СССР, Советский союз РСФСР	Петроградская губерния	Шлиссельбургский уезд Шапкинская волость (с 1923 — Шапкинский сельсовет)	Село *Шапки* Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*
1927–1930	СССР, Советский союз РСФСР	Ленинградская область Ленинградский округ	Колпинский район Лезьенская волость Шапкинский сельсовет	Село *Шапки*, Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*

Года	Государство	Историческая область	Исторический район	Наименование населенного пункта
1930–1941	СССР, Советский союз РСФСР	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинский сельсовет	Село *Шапки*, Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*, Дачный поселок *Шапки* с 1938 года.
1941–1944	Территории, оккупированные фашистской Германией Rusland	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинская волость	Село *Шапки*, Карьер *Шапки*, Железнодорожная станция *Шапки*, Поселок *Шапки Shapki*
1944–1971	СССР, Советский союз РСФСР	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинский сельсовет	Деревня *Шапки* Карьер *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки* Дачный поселок *Шапки*
1971–1991	СССР, Советский союз РСФСР	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинский сельсовет	Поселок *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*
1991–2005	Россия Российская Федерация	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинская волость	Поселок *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*
2005	Россия Российская Федерация	Ленинградская область	Тосненский район Шапкинское сельское поселение	Поселок *Шапки* Железнодорожная станция *Шапки*

Приложение № 4

Владельцы имения «Александровка»

1	2
170? не ранее 1702–1746 гг.	**Долгоруков (Долгорукий) Василий Владимирович** — князь, фельдмаршал, сподвижник Петра I. В эти годы дважды был в опале и лишался всех земельных владений, которые возвращались в фонд дворцовых земель, в том числе и имение «Шапки». Земли близ озера Долгое, на которых была построена усадьба «Александровка», до 1813 года входили в состав имения «Шапки»
1746–1770 гг.	**Дубянский Федор Яковлевич** — протоирей, духовный отец императрицы Елизаветы Петровны. Земли близ озера Долгое, на которых была построена усадьба «Александровка», до 1813 года входили в состав имения «Шапки»
1770–1807 гг.	**Дубянский Яков Федорович** майор, магистр масонской ложи «Астрея». После смерти Ф. Я. Дубянского окончательный раздел земель между наследниками произошел в 1772 году. Земли близ озера Долгое, на которых была построена усадьба «Александровка», до 1813 года входили в состав имения «Шапки»
1807–1851 гг.	**Дубянский Александр Яковлевич** — полковник, участвовал в народном ополчении Отечественной войны 1812 года. После смерти Я. Ф. Дубянского окончательный раздел земель между наследниками произошел в 1813 году. Усадьба «Александровка» на берегу озера Долгое была им построена в 1835 году. По имени усадьбы получило название все имение, ранее бывшее составной частью имения «Шапки»
1851–1891 гг.	**Маркова Любовь Александровна, урожденная Дубянская** — супруга тайного советника Петра Ивановича Маркова
1891–1910 гг.	**Марков Владимир Петрович** — действительный статский советник, председатель Земской Шлиссельбургской уездной и Санкт-Петербургской губернской управы, редактор «Санкт-Петербургского земского вестника». Частью земель в 1891–1895 годах владел отставной штабс-ротмистр **Марков Георгий Петрович**

1	2
1910–1918 гг.	**Маркова Анна Александровна,** **урожденная Дорошенко** — вдова действительного статского советника Владимира Петровича Маркова, отказалась от наследства в пользу детей: **Ольга Владимировна Ольденборгер,** **урожденная Маркова** — построила небольшую усадьбу на Царицыной горе; **Вера Владимировна Бутурлина (Ильина),** **урожденная Маркова,** – вместе с матерью вела хозяйство в «Александровке»; **Николай Петрович Марков** — статский советник, продал свою долю Воронцовым-Дашковым.

Приложение № 5

Владельцы имения «Шапки»

1	2
170? не ранее 1702–1746 гг.	**Долгоруков (Долгорукий) Василий Владимирович** — князь, фельдмаршал, сподвижник Петра I. Дважды был в опале и лишался всех земельных владений, которые возвращались в фонд дворцовых земель, в том числе и имение «Шапки»
1747–1770 гг.	**Дубянский Федор Яковлевич** — протоирей, духовный отец императрицы Елизаветы Петровны.
1770–1807 гг.	**Дубянский Яков Федорович** — майор, магистр масонской ложи «Астрея». После смерти ФЯ. Дубянского окончательный раздел земель между наследниками произошел в 1772 году
1807–1817 гг.	**Дубянский Федор Яковлевич** — статский советник. После смерти Я. Ф. Дубянского окончательный раздел земель между наследниками произошел в 1813 году. Небольшую усадьбу в имении назвал «Федоргоф». Имение продал А. Д. Балашову в 1817 году
1817–1837 гг.	**Балашов (Балашев) Александр Дмитриевич** — генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года, генерал- губернатор 5-ти центральных губерний
1837–1854 гг.	**Балашов Александр Александрович** — капитан, коллежский асессор, служил по Министерству иностранных дел.
1854–1884 гг.	**Балашова Александра Васильевна, урожденная Левашова** — вдова Александра Александровича Балашова распоряжалась землями от имени своих сыновей, Александра и Петра, до их совершеннолетия. **Балашов Петр Александрович** —в 1884 году Петр Александрович Балашов продал имение Ф. И. Петрококино.
1884–1914 гг.	**Фемистокл Иванович Петрококино** – статский советник. После смерти Ф. И. Петрококино в 1911 году имением владел его сын **Петрококино Иван Фемистоклович**, который продал в 1914 году имение графине И. В. Воронцовой-Дашковой

1	2
1914–1918 гг.	**Графиня Воронцова-Дашкова Ирина Васильевна, урожденная Нарышкина, во втором браке княгиня Долгорукова (Долгорукая)** Часть земель рядом с Шапками Воронцовы-Дашковы приобрели несколькими годами раньше у Николая Владимировича Маркова

Приложение № 6

Поколенная роспись Дубянских-Марковых владельцев имений «Шапки» и «Александровка»[1]

Владелец имения «Шапки»

I. **Дубянский Федор Яковлевич 1691–1770** = Шарогородская Мария Константиновна 1714–1769

Владелец имения «Шапки»

II. Михаил 1733–1776 | Федор 1739–1771 | Захар 1743–1765 | Дубянский Яков Федорович 1745–1807 = Мария Петровна 1751–1829 | Елизавета 1747–1779

Владелец имения «Александровка» | **Владелец имения «Шапки»**

III. **Дубянский Александр Яковлевич 1771–1851** = Наталья Федоровна | Петр 1774–1822 | **Дубянский Федор Яковлевич 1786–1865** = Анна Федоровна | Дубянская Вера Яковлевна ум. 1841 | Надежда ум. 1845 = Голохвастов Александр Яковлевич 1785–1854

Имение «Шапки» было продано **А.Д. Балашову**

Владелица имения «Александровка»

IV. Георгий 1801–1829 | **Маркова Любовь Александровна 1807?–1891** = Марков Петр Иванович 1792–1868 | Надежда 1808?– = Богданович

Владельцы имения «Александровка»

V. Александр 1824–1872 = Софья Ивановна ум.1906 | Мария 1827?–1900 = Вакар Платон Алексеевич 1820?–1899 | Надежда 1832–1856 = Желтухин Василий Романович 1823–1889 | Марков Владимир Петрович 1837–1910 = Дорошенко Анна Александровна 1851?–1919 | Марков Георгий Петрович 1841?–1895

Владельцы имения «Александровка»

VI. **Ольденборгер Ольга Владимировна 1871–1964** = Ольденборгер Александр Иванович 18?–1919 | Бутурлин Сергей Александрович 1872–1938 ≠ **Бутурлина Вера Владимировна (Ильина) 187?–19??** = Ильин Алексеевич Алексеевич 1858–1942 | Марков Николай Владимирович 187?–19??

VII. Мамонтова Мария Васильевна Ум. 1928 ≠ Ольденборгер Владимир Александрович 1894–1943 = Сацыперова Ксения Георгиевна | Ольденборгер Александр Александрович 1896–1948 = Анна Доломановна | Бутурлин Александр Сергеевич 1898–1916?

---

[1] Жирным шрифтом выделены имена владельцев имений.

Комментарии и примечания к фотографиям

* Почтовые открытки, изданные Яковом Петровичем Нерманом в 1910–1914 годах.

** Фотографии из архива Ольги Владимировны Ольденборгер, переданные на хранение в семью Евгеновых вместе с машинописным текстом рукописи «Странички прошлого». Публикуются впервые.

*** Фотография из альбома Ирины Владимировны Ольденборгер внучки автора воспоминаний. Публикуются впервые.

**** Фотографии из семейного архива Ирины Владимировны Ольденборгер внучки автора воспоминаний. Публикуются впервые.

***** Фотографии из машинописного экземпляра рукописи, хранящегося у И. Н. Евгеновой.

****** Фотографии из семейного архива Муретовых. Публикуются впервые.

******* Фотографии из семейного архива Андрея Николаевича Полынского. Публикуются впервые.

1. Уездный тракт Тосно–Шапки–Шлиссельбург начинался в Тосно от Главной улицы, пересекал реку Тосна по Балашовскому мосту, сразу за мостом начинались земли имения Шапки. Местность за мостом и по наше время в народе называется Балашовкой.*

2. Поворот в районе Брусовой горы.*

3. Старая дорога Тосно–Шапки в районе бывшей Воскресенской площади

Перед селом дорога Тосно–Шапки проходила сосновым бором. Там, где на почтовой открытке дорога уходить в лес, в настоящее время стоят дома Юбилейной улицы.*

4. По селу Шапки старая Тосненская дорога шла через Воскресенскую площадь вдоль кладбища, переходила в Воскресенскую улицу и у церкви Покрова Пресвятой Богородицы образовывала Т-образный перекресток с другой дорогой Любань–Шапки–Шлиссельбург. Старые сосны стоят на повороте дороги и сейчас.*

5.Шапкинская церковь Покрова Пресвятой Богородицы стояла на холме у пересечения дорог Тосно-Шапки и Любань–Шапки–Шлиссельбург*.

6. Дорога после левого поворота у церкви Покрова Пресвятой Богородицы шла по селу в сторону имения «Шапки», дачи Эрк, мызы «Карловка», имения «Александровка».*

7. Дорога Шапки-Надино на протяжении полутора верст проходила по территории усадьбы в имении «Шапки».*

8. Лютеранская церковь — Кирха «Святого Якова (Якоба)» стояла на холме слева от дороги Шапки-Надино, внизу под холмом протекал Мельничный ручей.*

9. Вид с мызы «Карловки» на дорогу Шапки-Надино и долину Мельничного ручья.*

10. Мыза «Карловка» Людвига Карловича Кольмана. За следующим поворотом дороги открывался вид на деревню Сиголово.*

11. За деревней Сиголово дорога поворачивал к имению «Александровка» и деревне Надино.*

12. Протоиерей Федор Яковлевич Дубянский. духовный отец императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, родоначальник дворянского рода Дубянских.

13. Портрет Ф. Я. Дубянского. Художник А. П. Антропов. Портрет подписной и датированный 1761 годом. В настоящее время хранится в Эрмитаже.

14. Бабушка Ольги Владимировны Ольденборгер. Правнучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Владелица имения «Александровка». Предположительно, снимок сделан в имении.**

15. Отец Ольги Владимировны Ольденборгер, урожденной Марковой.
Фотография из краеведческих материалов Шапкинской сельской библиотеки.

16. Родители Ольги Владимировны Ольденборгер, урожденной Марковой. Петербург 1890-е годы.**

17. В « Александровке» Владимир Петрович провел свои лучшие годы. В первые годы XX века, он бывал в имении наездами.**

18. На обороте фотографии надпись рукой О. В. Ольденборгер: *«Вороновское озеро в 18 верстах от имения «Александровка». Передано местными крестьянами в дар В. П. Маркову с береговой полосой и двумя утлыми постройками». Рыбацкий скит В. П. Маркова – вернее убежище от многочисленных дачников в Александровке»* 1900-е годы.**

19. В Шлиссельбурге В. П. Марков служил в управе Шлиссельбургского уездного земства с 1863 по 1892 год. По началу он снимал квартиру, а затем приобрел собственный дом в Шлиссельбурге.

20. Здесь на Разъезжей улице жила семья О.В. Ольденборгер, на Ивановской улице до 1910 года жили её родители —

А. А. и В. П.Марковы, а на Кабинетской улице находились Управа Санкт-Петербургского губернского земства, Губернская земская учительская школа и редакция «Санкт-Петербургского земского вестника».

21. Фотография сделана с противоположного берега озера Долгое. Слева видны дома в деревне Надино, справа купальня в имении «Александровка».*

22. Дом в бывшем имении не сохранился, на фундаменте сгоревшего в годы Великой Отечественной войны дома было построено двухэтажное здание основного корпуса пионер-лагеря «Салют».*

23. Усадьба в имении «Александровка» делилась аллеями на четыре части.*

24. В одном из таких флигелей долгие годы жила семья земского врача А. Г. Стыриковича.*

25. На даче, стоявшей на берегу Долгого озера 13 лет жила семья актера П.В.Самойлова.*

26. Лодочные прогулки по Долгому озеру. На дальнем плане — купальня. Традиция лодочных прогулок по озеру сохранялась многие годы. Лодочная станция на Долгом озере была до 1941 года.*

27. На обороте надпись рукой О.В.Ольденборгер: *«Вова Ольденборгер и Борис Лайминг на озере в Александровке».* **

28. Дача Николая Николаевича и Аделаиды Львовны Эрк на холме между Нижним прудом и Мельничным Ручьем. На этой даче у деда гостил с родителями Марией Николаевной и Георгием Михайловичем Борис Лайминг. 1910 г. На обороте надпись: *«Дача Эрк. Шапки. Шлиссельбургский уезд».***

29. Снимок сделан в «Фотографии В. Лапре» в Царском селе, Московская улица, дом 21. ***

30. Снимок сделан в фотографии Александра Семененко, располагавшейся на углу Невского и Литейного проспекта в доме Кекина (№76/59). ****

31.Фотография сделана незадолго до свадьбы Ольги Владимировны и Александра Ивановича Ольденборгера.****

32. Фотография хранится в Тосненской Центральной районной библиотеке.

33. Снимок сделан в «Фотографии Макарт» СПб., Гороховая, 60. **

34. Фотография напечатана артелью «Инкоопрадис», Владимирский, дом 17. На обороте надпись: «Не забывай дорогая Лиля Ольги Владимировны Ольденборгер 16/XII 51г». ***

35. О. В. Ольденборгер в своей комнате в коммунальной квартире, которую до революции целиком занимала семья Ольденборгер. На обороте надпись:*« 1938 г. ЛМИ 2. Дома, Разъезжая, 4 кв. 8».*Слева на стене — портрет Владимира Петровича Маркова.**

36. О. В. Ольденборгер в своей квартире на Разъезжей улице дом 4 кв. 8. На груди медаль за оборону Ленинграда. Справа просматриваются детали блокадного быта: эмалированная кружка, закопченный чайник на керосинке, бутылка с веревочкой на горлышке; а слева детали старой дореволюционной, благополучной жизни: уютное кресло, портрет ребенка в резной раме. Ориентировочно конец 1943 года. **

37. О. В. Ольденборгер в блокадном Ленинграде. в своей квартире на Разъезжей улице дом 4 кв. 8. На груди медаль «За оборону Ленинграда».На стене слева портрет Анны Александровны Марковой — матери Ольги Владимировны Ольденборгер.***

38. Блокадная дружба с сотрудниками Эрмитажа сохранилась на долгие годы.

39. Ольденборгер со своей внучкой Ириной Владимировной Ольденборгер (слева) и Ксенией Георгиевной Ольденборгер, урожденной Сацыперовой (вдовой старшего сына Ольги Владимировны — Владимира Александровича Ольденборгера).**

40. В машинописном экземпляре рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого», который хранится у Евгеновых, под фотографией подпись: «Автор воспоминаний Ольга Владимировна Ольденборгер в 1955 году».*****

41. По семейному преданию семья Ольденборгер перебралась в Россию из Швеции в 1850 году. На фотографии глава семьи Иоганн Ольденборгер с младшим братом, женой и детьми. Дети: старший Владимир (сидит справа), младший Александр (сидит слева), Надежда (стоит) и Варвара (сидит на коленях у отца). Фотография из архива внучки А. И. Ольденборгера — Ирины Владимировны Ольденборгер хранится в Центральной Районной библиотеке города Тосно.

42. Первые годы семейной жизни Ольги Владимировны и Александра Ивановича Ольденборгера прошли в Ростове-на-Дону. Снимок сделан в фотографии (ателье) Ледермюллера, Большая Садовая против сада коммерческого клуба.***

43. Снимок сделан в «Фотографии Александра Семененко», располагавшейся в доме Кекина на углу Невского и Литейного проспекта, дом № 76/59, она была очень любима членами семьи Марковых — Ольденборгер. Сохранились фотографии А. А. и В. П. Маркова, их дочери В.В. Бутурлиной и внука Владимира Ольденборгера, снятые в той же «Фотографии Семененко».**

44. Отец и сыновья Ольденборгер фотографировались в саду усадьбы «Александровка» близь деревни Надино, Шапкинской волости, Шлиссельбургского уезда, Санкт-Петербургской губернии. **

45. Кабинет А. И. Ольденборгера. Разъезжая улица, дом 4 квартира 8. ***

46. Разъезжая улица, дом 4, квартира 8. Фотография из архива внучки А. И. Ольденборгера — Ирины Владимировны Ольденборгер, хранится в Центральной районной библиотеке города Тосно.

47. Брошюра передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно.

48. Брошюра передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно.

49. Фотография передана внучкой А. И. Ольденборгера И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно. На обороте надпись рукой О.В. Ольденборгер: *«Бетонные перекрытия по образцу инженера Зигварта при реконструкции железнодорожных и коночных путей. В 1910 году под наблюдением инженера Ольденборгер применяются на улицах и железнодорожном пути Тосно–Шапки на протяжении 20-ти вёрст»*. Публикуется впервые.

50. Фотография передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно. Публикуется впервые.

51. Холм, на который приходилось подниматься по лестнице, срыли при прокладке дороги Станция Шапки — село Шапки. Приблизительно, это место, где от асфальтового шоссе ответвляется грунтовая дорога к Шапкинскому лесничеству.*

52. Железнодорожная ветка предназначалась в первую очередь для вывоза песка из Шапкинского карьера.*

53. На станции располагались служащие железнодорожной ветки Тосно–Шапки, телеграф и квартира начальника станции. Здание находилось на выезде из Шапок слева от железнодорожных путей, там, где стоит железнодорожный барак.*

54. Железнодорожная ветка и карьер потребовали новых трудовых навыков от населения Шапкинской волости. Долгие годы это были «градообразующие» предприятия для Шапок.*

55. Вокзал стоял, приблизительно там, где сейчас находится магазин «Турист».*

56. На железной дороге работали как местные жители так и приезжие.*

57. Вид карьера в районе первых домов современной Железнодорожной улицы*.

58. Раннее детство братьев Ольденборгер прошло в Ростове-на-Дону.***

59. Снимок сделан в ростовской «Фотографии Е. М. Ледермюллера, Большая Садовая дом № 72». На обороте рукой О. В. Ольденборгер надпись: *«Вова и Шура Ольденборгер».****

60. Снимок сделан в ростовской «Фотографии Е.М. Ледермюллера «Барельеф» Большая Садовая дом №72». ***

61.Снимок сделан в «Фотографии Макарт С.-Петербург Гороховая между Загородным и Фонтанкой, Телефон 246-33». На обороте рукой О. В. Ольденборгер две надписи разного времени *«Вова и Шура. 12 и 10 лет»* и *« Вова и Шура Ольденборгер»*.

62. На обороте реквизиты для почтовой открытки Всемирного почтового союза: место для корреспонденции, адреса и почтовой марки.*****

63. Выпускник гимназии В. А. Ольденборгер поступил в Петербургский университет, в котором проучился два года, а дальше — Первая мировая война.***

64. В. А. Ольденборгр воевал в Первую мировую под Ригой.***

65. Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

66. «Проект воззвания к воздухочастям, предложенный поручиком Н. Анощенко о необходимости съезда воздухоплавателей Северного фронта на демократических началах. Проект наказа Временному Революционному Комитету, образованному в составе председателя Голубева, товарища председателя Ольденборгер, членов Васильева, Парменова, Федлова и секретаря Анощенко. Положение о первом демократическом воздухосъезде Северного фронта, утвержденное комиссаром Северного фронта Позерном». — Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

67. «Состав первой тяжелой ночной бомбардировочной эскадрильи — единственной в то время в стране». Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

68. «Владимир Александрович Ольденборгер 1894–1943.

Товарищ председателя Временного Революционного Комитета Северного фронта при первом воздухосъезде 1917 года.

Участник обороны Москвы при наступлении белогвардейских банд.

Помощник начальника учебной части Воздушного флота Республики.

Начальник информационного отдела дирижаблестроения.» — Фотография текст из машинописного экземпляра рукописи О.В. Ольденборгер «Странички прошлого».

69. Надпись на обороте: *« Тотьма (Зуев)17/V, берег Сухоны».****

70. Одна из трех фотографий (69-70-71) разных лет Александра Александровича Ольденборгера. Это снимки, которые он присылал матери и своему брату Владимиру Александровичу.***

71. На обороте надпись: *«Твой подарок мамуля и твоя забота, как видишь, греет меня с 41 года и по сейчас. Крепко целую тебя. Шура 22/X».* ***

72. «Александр Александрович Ольденборгер. 1896–1948.

Участник боев 2-ой Сибирской артиллерийской бригады под Ригой в Германской войне 1914 года.

Участник боев под Царицыным в Гражданской войне 1919 год. Участник героической обороны города Астрахани. Командир отдельного отряда истребительной авиации Отряда Военно-воздушных сил Волжско-Каспийской флотилии.

Участник боев на Северном фронте в Гвардейской истребительной авиации в Отечественную войну 1941–1945 года.» — Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

73. Детей в браке с Анной Доломановной у Александра Александровича не было. Анна Доломановна взяла на воспитание мальчика, приемный сын носит фамилию Ольденборгер — Анатолий Александрович Ольденборгер.***

74. Снимок сделан в ростовской «Фотографии А. Э. Боярского».***

75. Сестра А. И. Ольденборгера.

76. Петербургская и московская ветви потомком Иоганна (Ивана) Ольденборгера поддерживала дружеские семейные отношения. ***

77. На обороте надпись: *«Дед управляющий у графа, под Вилькицей».*** Уточнить о каком точно имении идет речь не удалось.

78. Возможно, что с семьей Сацыперовых снялся Брат Надежды Ивановны Сацыперовой — Владимир Иванович Ольденборгер.***

79. Вероятно, Сацыперовы снимались с семьей соседей или друзей.***

80. Двоюродная сестра В. А. и А. А. Ольденборгер. ***

81. После смерти первой жены В. А. Ольденборгер женился на своей двоюродной сестре К. Г. Сацыперовой.***

82. После эвакуации в годы ВОВ Ксении Георгиевне Ольденборгер и ее дочери с большим трудом удалось вернуться в Москву.***

83. Дочь Владимира Александровича Ольденборгера и Ксении Георгиевны Сацыперовой (Ольденборгер). Внучка Ольги Владимировны Ольденборгер.***

84. 1-ый ряд слева направо Екатерина Платоновна Кононова, Мария Петровна Вакар, Платон Алексеевич Вакар, графиня Любовь Платоновна Тулуз-Лотрек. 2-ой ряд слева направо: Вера Платоновна Стырикович, Александр Платонович Вакар, Надежда Платоновна Акимова. На обороте надпись: *«Безценным моим дочке Катичке, зятю, и внукам Катусе, Шурику, Маничке, Платоше, Саничке и Любочке Кононовым от беспредельно любящей их мамы, бабушки и крестной на память о 27 мае 1899 года в Ораниенбауме».* ******

85. На обороте очень не разборчивая надпись, плохо читаемая и при большом увеличении. То, что удалось прочесть: «*Охотно предоставляю право? добрейшей родной Анне Александровне иметь на память мою фотографию и предъявляюсь в моем доброжелательстве. Лето 1884 год. Платон Вакар*». Анна Александровна — Анна Александровна Маркова, урожденная Дорошенко, мать О.В.Ольденборгер.***

86. Двоюродная сестра Ольги Владимировны Марковой (в замужестве Ольденборгер). **** ***

87. Двоюродная сестра Ольги Владимировны Марковой (в замужестве Ольденборгер). На обороте надпись «*От всего сердца приветствует бесценную бабушку с радостным для нас всех праздником, горячо желая проводить вместе с ней еще многие*

*и многия лета незабвенный день 16-го июня. Многолюбящая и уважающая внучка Катя Вакар. Снималась ко дню выпуска из Смольного института 31 мая 1882 года».*** ***

88. Муж Екатерины Платоновны Вакар. *** ***

89. У своего дома на Фурштадтской улице, 33. *** ***

90. На обороте надпись: *«Дорогому папочке, от любящей его дочки Кати 4-ого мая 1908 г. Во время выпускных экзаменов».* Прабабушка Александра Алексеевича Муретова. *** ***

91. Слева направо: Евгений, Мария, Светлана Евгеньевна и Александр Алексеевич Муретовы. Александр Алексеевич Муретов праправнук Е. П. Кононовой, урожденной Вакар. *** ***

92. Двоюродная сестра Ольги Владимировны Марковой (в замужестве Ольденборгер). **** ***

93. Семья Акимовых и родителей О. В. Ольденборгер (урожденной Марковой) поддерживали дружеские семейные отношения. **** ***

94. Двоюродная сестра Ольги Владимировны Марковой (в замужестве Ольденборгер). **** ***

95. Вера Александровна — дочь Александра Григорьевича Стыриковича и Веры Платоновны Вакар. **** ***

96. Снимок, возможно, сделан в Лисино-Корпусе у Лисинского дворца. Здание на заднем плане имеет характерную особенность — бельведер или смотровую площадку на крыше. Но похожий бельведер и похожие аллеи были и в «Александровке». **** ***

97. Снимок, возможно, сделан в Лисино-Корпусе или в имении «Александровка».

Очень похоже на крыльцо здания, в котором жили Кравчинские в Лисино-Корпусе. Это одна из деревянных построек, симметрично расположенных в центральной части усадьбы Лисинского учебного лесничества. **** ***

98. Младшая сестра Ольги Владимировны Ольденборгер. Выпускница Смольного Института. Фотография из краеведческих материалов Шапкинской сельской библиотеки.

99. Младшая сестра Ольги Владимировны Ольденборгер.**

100. Младшая сестра Ольги Владимировны Ольденборгер.**

101. Сеттер Того — охотничья собак С. А. Бутурлина.**

102. С. А. Бутурлин в годы службы в Прибалтике.

103. С. А. Бутурлин в годы жизни в Москве.

104. Сергей Александрович Бутурлин(1872–1938). Профессор, доктор биологических наук, член Всероссийского общества охраны природы при Президиуме ВЦК. Ученый консультант в Главном управлении Охоты и Звероводства Центрального Всероссийского и Военного общества. Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

105. Характерное положение руки появилось у А. А. Ильина после инсульта. Уточнить автора портрета не удалось.

106. «Алексей Алексеевич Ильин.1857–1942. Член-корреспондент Академии наук, профессор, член Всесоюзного Географического общества, заведующий нумизматическим отделом Эрмитажа.» — Фотография и текст машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».

107. Уточнить автора скульптуры не удалось.*** **

108. Петр Чайковский был в «Александровке» в 1851 году, фотография сделана приблизительно четырьмя годами позже.

109. Автопортрет хранится в Музее-квартире актерской династии Самойловых в Петербурге.

110. Приблизительно в таком возрасте Е. М. Бем бывала в Шапках и «Александровке».

111. Вероятно, снимок сделан в последней квартире Е. М. Бем в Петербурге — Могилевская ул. (Лермонтовский проспект) 30/151, кв. 15.

112. На рисунке изображены: Людвиг Францевич Бём с двумя охотничьими собаками на поводке, Елизавета Меркурьевна, Лилуша Бём, Любовь Меркурьевна Эндаурова и две служанки.

113. Елизавета Меркурьевна нарисовала себя среди деревенских ребятишек, с которых она делает зарисовки.

114. Н.А. Лейкин бывал в «Александровке» в основном в 1870–1880 годы, когда в управе Шлиссельбургского уездного земства служи В. П. Марков.

115. Открытка передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно.

116. Открытка передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно.

117. Такую открытку П. В. Самойлов прислал с театра военных действий в 1914 году. О. В. Ольденборгер.*****

118. Открытка передана внучкой А. И. Ольденборгера — И. В. Ольденборгер в Центральную районную библиотеку города Тосно.

119. «Павел Васильевич Самойлов. 1865–1931. Заслуженный артист РСФСР. Шиллер "Коварство и Любовь" — Фердинанд.» — Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи «Странички прошлого» О. В. Ольденборгер.

120. «Михаил Тимофеевич Дулов. 1878–1948. Заслуженный старейший аккомпаниатор виолончелистов, скрипачей итальянских вокалистов и русских певцов Ленинградской филармонии.» — Фотография и текст из машинописного экземпляра рукописи «Странички прошлого» О.В. Ольденборгер.

121. Сергей Рашевский бывал в «Александровке» в 1890-е годы.

122. Слева кирпичное здание кузницы и «барский» (графский) колодец. Справа граница парка в имении «Шапки».*

123. Фрагмент открытки изданной Я. П. Нерманом.

124. По центру на противоположном берегу видна смотровая площадка, а за ней здание оранжереи. Пруд обмелел и зарос. На его берегу стоит шапкинская муниципальная баня. Приблизительно на месте оранжереи, чуть ближе к пруду, построили Шапкинский фельдшерско-акушерский пункт. На смену причудливо извивающейся дорожке пришла асфальтовая дорога к действующей с 1995 года шапкинской церкви, освященной по традиции во имя Покрова Пресвятой Богородицы.*

125. Деревня Староселье находилась на территории имения Марковых «Александровка».*

126. Староселье было самым крупным населенным пунктом на территории имения Марковых «Александровка». Через деревню проходила дорога к усадьбе О.В. Ольденборгер «Царицына гора».*

127. Ручей являлся естественной границей двух имений «Шапки» и «Александровка». Он вытекает из озера Долгого. Приняв в себя несколько безымянных притоков, ручей образовывал небольшой пруд перед мельницей. На планах конца XIX века этот пруд назывался Мельничным озером.*

128. Справа виден один из двух островков на пруду. На противоположном берегу видна купальня. Пруд образован запрудой на левом притоке Мельничного ручья. На планах усадьбы XIX века этот пруд называется — Товачным (Нижним) озером. В настоящее время пруд обмелел и сильно зарос, купаться в нём вряд ли кому придет в голову.*

129. В настоящее время на берегу заросшего Верхнего пруда стоит шапкинская муниципальная баня.*

130. Слева видно окно от зимнего «Дома со львами», по центру двухэтажный летний дом, к нему примыкает еще один жилой флигель.*

131. Антропогенное вмешательство привело к непоправимым последствиям. Водное зеркало озера за последние 25 лет уменьшилось наполовину.*

132. Находится в полутора верстах от села Шапки. Пляж у «Светлой сосны».*

133. К этому периоду относится интерес, проявленный Ольгой Владимировной к истории урочища Царицына гора. Впоследствии О. В. Ольденборгер запишет свои краеведческие исследования о землях, на которых был построен небольшой хутор или дача Царицына гора семьи Ольденборгер.**

134. Страничка была вложена в машинописный экземпляр рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».**

135. Охотничья собака Сергея Александровича Бутурлина.**

136. В первом ряду Николай Иванович Евгенов со своим дядей Григорием Григорьевичем Епифановым. Во втором — Ирина Евгенова с братом Димой. В третьем — жена Г. Г. Епифанова Анна Ананьевна с сыном от первого брака и своей подругой.**

137. Собственный дом Евгеновых на Тупиковой улице, недалеко от озера Лисино.**

138. По этой дороге семья Евгеновых ходила в гости к Ольге Владимировне Ольденборгер, жившей летом у знакомых в Надино. **

139. «Пасека колхоза «Сиголово» Шапкинского сельсовета Тосненского района Ленинградской области. Основана 1 мая 1932 года членом Ленинградского общества социалистического пчеловодства — О. В. Ольденборгер.» — Фотографии и текст из машинописного экземпляра рукописи О. В. Ольденборгер «Странички прошлого».**

140. Письмо Владимира Александровича Ольденборгера к Константину Эдуардовичу Циолковскому. Архив РАН фонд 555 опись 4 ед. хр. 465. Архив К. Э. Циолковского (21.05.1928 г.)

141. Рукопись много лет бережно хранится в семье Евгеновых, которым её передала сама Ольга Владимировна.

Именной указатель[1]

Авилова Нина — знакомая О. В. Ольденборгер, жительница Ростова-на-Дону. — 56, 59

Авилова Татьяна Ивановна — знакомая О. В. Ольденборгер, жительница Ростова-на-Дону. — 55, 56

Авиловы — знакомые семьи Ольденборгер, жители Ростова-на-Дону. — 55

Акашев — армейский сослуживец В. А. Ольденборгера, старшего сына О. В. Ольденборгер. — 126

Акимова Надежда Платоновна, урожденная Вакар (ск. в 1926 г.), — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер. Дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Жила в 1910-х годах на даче по адресу: Поповка, почтовая станция «Самопомощь», пос. Подобедовка, 13-я дорога, дача госпожи Адлер. Муж — Акимов Иван Павлович (1858 - ?). Дети: Вера, Петр, Николай. См. также Вакар Н. П. — 33, 34, 191

Александр II (1818–1881) — российский император с 1855 года. — 18, 160

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918) — российская императрица, жена Николая II с 1894 года. — 23

Александров Александр Васильевич (1883–1946) — композитор, хоровой дирижер, автор военно-патриотических песен. Народный артист СССР с 1937 года. Автор музыки Гимна Советского Союза. — 128

Алексеев Дмитрий — житель деревни Староселье. — 98

Алексеев Иван Тимофеевич — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь с 1645 года, отец Петра I. — 16

Алексей Петрович (1690–1718) — царевич, сын Петра I. — 157

Ананьин (Онаньин) Василий — новгородский посадник, сторонник Марфы Борецкой. Владелец волости в Горах, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 42, 154

Андреев Павел Захарович (1874–1950) — певец Мариинского театра (бас-баритон), народный артист СССР с 1939 года, профессор Ленинградской консерватории. — 137

Андреевская Нина Павловна — дочь Павла Васильевича и Варвары Александровны Самойловых, актриса Малого драматического театра в Ленинграде. Жила с родителями на даче в имении «Александровка». — 136

[1] Жирным шрифтом выделены фамилии тех людей, которым доводилось жить, гостить или бывать в имениях «Шапки» и «Александровка» или в их окрестностях. Курсивом выделены фамилии авторов книг, на которых ссылаются автор воспоминаний и составители.

Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица с 1730 года, *племянница* Петра I. — 13, 14, 17, 157

Анощенко Н. — армейский сослуживец В. А. Ольденборгера, старшего сына О. В. Ольденборгер. — 116

Антропов Алексей Петрович (1716–1795) — художник, автор портрета протоиерея Ф. Я. Дубянского. — 12

Аплаксин Андрей Петрович (1879–1931) — архитектор Санкт-Петербургской епархии, строил культовые постройки и дома в Петербурге и губернии. Был близок к группе архитекторов «неорусского стиля». Надзирал за состоянием Казанского и Сампсониевского храмов в Петербурге. Автор книг по истории архитектуры. Вице-председатель Общества защиты памятников. Автор проекта по восстановлению церкви Покрова Пресвятой Богородице в селе Покровском (Шапках). После революции служил в Красной армии в должности начальника военных сообщений на разных фронтах, с 1928 года работал главным строителем в конторе «Экспортлес». — 163

Аполлонский Роман Борисович — актер Александринского театра в Петербурге. — 102

Апраксин Петр Матвеевич (1659–1728) — граф, сподвижник Петра I, участник Северной войны. — 156

Апухтин Александр Николаевич (1841–1893) — русский поэт. — 76

Асмолов Владимир Иванович — владелец ростовской табачной фирмы, созданной его братом, Василием Ивановичем (1828–1881), основатель театра в Ростове. Знакомый О. В. Ольденборгер по благотворительной деятельности и организации народной библиотеки в Ростове-на-Дону. — 56, 58, 60

Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) — скрипач, дирижер, профессор Петербургской консерватории. — 130

Бабушка — Любовь Александровна Маркова, урожденная Дубянская. Бабушка автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 11, 13, 15, 17, 19, 33, 34, 41, 47, 98, 185

Балацкий А. Н. — один из авторов книги «История Центрального рынка города Ростова-на-Дону». — 53

Балашов (Балашев) Александр Александрович (1812–1854) — капитан, коллежский асессор, служил по ведомству Министерства иностранных дел, сын А. Д. Балашова и Е. П. Бекетовой, владелец имения «Шапки». Жена — Левашова Александра Васильевна (1820–1880). Дети: Елена, Александр, Петр. На его средства была перестроена церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках и возведена колокольня в виде ротонды. Похоронен в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. Встречаются оба варианта написания фамилии: Балашев и Балашов. *Даты жизни Балашовых*

приводятся по изданию: В. Федорченко. «Императорский дом. Выдающиеся сановники» (2003). — 41, 159, 180

Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837) — русский государственный деятель. Министр полиции с 1810 года, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года, генерал-губернатор центральных губерний России. Владелец имения «Шапки». Построил на новом месте барскую усадьбу и разбил обширный пейзажный парк с дорожками, смотровыми площадками и прудами. Первая жена — Наталья Антипатровна Коновницына. Дети от первого брака: Дмитрий и Анна. Вторая жена — Елена Петровна Бекетова. Дети от второго брака: Александр, Петр, Иван. А. Д. Балашов похоронен в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. В настоящее время недалеко от этого места поставлен поклонный крест с портретом А. Д. Балашова и фотографией церкви, которая была взорвана немецкими войсками в самом конце оккупации села Шапки. — 17, 22, 41, 159, 180, 182

Балашов Иван Александрович (1816–1841) — младший сын А. Д. Балашова и Е. П. Бекетовой, штабс-ротмистр кавалергардского полка и адъютант военного министра Чернышева Александра Ивановича. Погиб во время военных действий на Кавказе. Похоронен в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. Балашевы (Балашовы) — встречаются оба варианта написания фамилии, так же как встречаются разные написания фамилий Долгоруковы (Долгорукие), Борщевы (Борщовы, Барщевы), Шарогородские (Шарагородские, Шаргородские), Бем (Бём) и т. п.

Балашов Петр Александрович (1811–1845) — флигель-адъютант и камергер, коллежский советник, сын А. Д. Балашова и Е. П. Бекетовой. Жена — Александра Ивановна, урожденная Паскевич-Эриванская. Балашов П. А. и его жена похоронены в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 41

Балашов Петр Александрович (1847–?) — сын А. А. Балашова и А. В. Левашовой, внук А. Д. Балашова. Владелец имения «Шапки». На его средства была построена Шапкинская земская школа. — 41

Балашова Александра Васильевна (1820–1880) — урожденная Левашова. Дочь Василия Васильевича Левашова от первого брака с Мятлевой Екатериной Петровной. Жена Александра Александровича Балашова. После смерти мужа от имени несовершеннолетних сыновей распоряжалась имением Шапки. Дети: Елена, Александр и Петр. — 180

Балашова Александра Ивановна (1820–1844) — урожденная Паскевич-Эриванская, дочь графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, князя Варшавского, и Елизаветы Алексеевны, урож-

денной Грибоедовой. Жена Петра Александровича Балашова (1811-1845). Похоронена в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 41

Балашова Елена Александровна (1849-1852) — дочь Александра Александровича Балашова и Александры Васильевны, урожденной Левашовой. Похоронена в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 41

Балашовы (Балашевы) — члены семьи Балашевых. — 159

Балт Мария — работница в имении Марковых «Александровка» и в усадьбе О. В. Ольденборгер «Царицына гора». — 97

Бальер Иван Викентьевич — садовод в имении «Шапки» до революции и садовод в совхозе «Шапки» в первые послереволюционные годы. Фамилия Бальер в документах встречается в вариантах: Бальер, Бальтер, Бальстер. — 164

Баронат Олимпия — итальянская вокалистка (сопрано). — 130

Бартель — актер труппы театра герцога Менингейнского из Германии, гастролировавшей в Петербурге. — 47

Баттистини Маттиа (1835-1928) — итальянский певец, баритон. — 55, 130

Беляев В. В. — юрист. Знакомый семьи Марковых по Петербургу. — 18

Бем (Бём) Людвиг Францевич (1825-1904) — профессор Петербургской консерватории, потомственный музыкант. В 1840 году поступил в Венскую консерваторию, в которой обучался игре на скрипке у своего дяди Йосефа (Иосифа) Бема. И. Бем — профессор, основоположник венской скрипичной школы. По возвращении в Петербург был определен скрипачом в оркестр Императорских театров. С 1870 года состоял преподавателем, а впоследствии — профессором Петербургской консерватории по классу скрипки. Отец — Франц Бем — скрипач, солист оркестра Императорских театров, давал уроки музыки царской семье, в Смольном институте, Михаилу Глинке. Жена — Елизавета Меркурьевна Эндаурова. Дочь — Лилуша. Людвиг Францевич много лет жил с семьей на даче в имении «Шапки». Шапки привлекали его охотничьими угодьями, он любил побродить с ружьем по лесам. Дружил с семьей Марковых. — 4, 44, 45, 47, 72, 193

Бем (Бём) — семья, жила много лет на даче в имении «Шапки». Знакомые семейства Марковых. — 44, 193

Бем Елизавета Меркурьевна (1843-1914) — художница. Родители — Меркурий Николаевич и Юлия Ивановна Эндауровы (Ендауровы). В семье родителей было шесть детей: Екатерина, Елизавета, Николай, Любовь, Александра и Александр. Семья Эндауровых состояла в родстве с семьей Ильиных по линии Юлии Ивановны. Многие художественные альбомы и открытки Е. М. Бем

и ее сестры Л. М. Эндауровой печатались в Картографическом заведении Ильина. Младший брат Елизаветы Меркурьевны, Александр Эндауров, был директором Хрустального завода в Дятькове. По эскизам Елизаветы Меркурьевны были выполнены многие изделия Хрустального завода, который принадлежал известному предпринимателю Мальцову. Художественное образование Елизавета Меркурьевна получила в Рисовальной школе Общества поощрения художников в Петербурге, окончив курс обучения с серебряной медалью. В годы учебы Елизавета Эндаурова жила в доме своего двоюродного дяди Афиногена Алексеевича Ильина. Е. М. Бем относится к художникам так называемого русского стиля. Наиболее известна Елизавета Меркурьевна силуэтами и сценками из детской жизни. После революции творчество Бем было надолго предано забвению. В последние годы прошло несколько интересных выставок в разных городах России, посвященных ее творчеству. Многие журнальные публикации и несколько изданий о ее жизни и художественной деятельности подробно осветили ее путь в искусстве. Не обошла своим вниманием творчество Е. М. Бем и «всемирная паутина». В Интернете можно найти много интересных сведений о самобытной русской художнице. Благополучно сложилась семейная жизнь Елизаветы Меркурьевны. Замуж Е. М. Эндаурова вышла в 1867 году за Людвига Францевича Бема. Муж, потомственный музыкант, с пониманием относился к ее творчеству. Дочь Лилуша оставила воспоминания о матери, которые хранятся в ЦГАЛИ. Елизавета Меркурьевна сотрудничала в Русском женском взаимно-благотворительном обществе и возглавляла первый дамский кружок. Один из Петербургских адресов семьи Бем — Лермонтовский проспект (до 1912 года — Могилевская ул.), 30/151, кв. 15. Она 13 лет жила с семьей на даче в имении «Шапки». Е. М. Бем дружила с родителями О. В. Ольденборгер и часто бывала с семьей в имении Марковых «Александровка». Похоронена Е. М. Бем на кладбище Новодевичьего монастыря, могила не сохранилась. — 4, 44, 45, 46, 193

Бем Лилуша — дочь Е. М. и Л. Ф. Бем. Была замужем за Г. Барсовым, рано овдовела. Во втором браке Каракаш. От первого брака имела двух сыновей, во втором браке — еще двух детей. В ЦГАЛИ хранятся воспоминания Барсовой-Каракаш о матери. В начале XX века дочь и внуки Елизаветы Меркурьевны жили за границей. Лилуша поддерживала с матерью переписку. Последнее письмо от матери она получила за десять дней до ее смерти. Уточнить полное имя Лилуши не удалось. По странному совпадению в годы Первой мировой войны из Австро-Венгерской империи в Шапки перебралась Елизавета Львовна Каракаш с двумя сыновьями, Ивочкой (Иваном) и Рафочкой (Рафаилом). В Шапках она приобрела дом на Воскресенской улице. После революции семья Каракаш жила в Петрограде. Могла ли быть Лилуша Елизаветой,

как и ее мать, и непопулярное в годы Первой мировой войны немецкое отчество Людвиговна поменять на нейтральное Львовна? Пока судьба Лилуши Бем после 1913 года для нас остается неизвестной. — 44, 193

Бенуа Альбер (Альберт) Николаевич (1852–1936) — художник, мастер акварельной живописи, академик. Первый хранитель Русского музея. — 4, 69, 74, 75, 93

Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928) — архитектор. — 93

Бернар Сара (1844–1923) — знаменитая французская актриса. — 55

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — первый директор Высших женских курсов в Петербурге. — 33

Бетховен Людвиг ван (1770–1827) — немецкий композитор, пианист и дирижер. — 73

Блантер Матвей Исаакович (1903–1990) — композитор, народный артист СССР с 1975 года. Автор песен «На берегу Амура», «Катюша». — 128

Блат (Блатт) Дадан — работник в усадьбе О. В. Ольденборгер «Царицына гора». — 123

Богданова Надежда Николаевна — правнучка Гаврилы Кузнецова, жителя деревни Староселье. — 146

Богданович Надежда Александровна — дочь А. Я. Дубянского, сестра Любови Александровны Марковой, урожденной Дубянской. Муж — полковник Богданович. — 13

Бойто Арриго (1842–1918) — итальянский композитор, либреттист и литератор, автор оперы «Мефистофель». — 118

Болдырев И. — художник, автор фотопортрета О. В. Ольденборгер[1]. — фронтиспис

Болотов Александр Владимирович (1866 — после 1925 года) — владелец имения «Горки» в Любани. Окончил Училище правоведения. Председатель Новгородской земской управы, предводитель Новгородского уездного дворянства, губернатор Пермской губернии, уполномоченный Красного Креста при 3-й армии в Первую мировую войну. Эмигрировал во Францию после революции. Знакомый В. П. Маркова по работе в Санкт-Петербургском губернском земстве. — 44

Борецкая Марфа — Марфа-посадница, жена новгородского боярина. Возглавляла с сыновьями «антимосковскую партию» в Великом Новгороде. — 154

Брамс Иоганнес (1833–1897) — немецкий композитор, пианист и дирижер. — 73

Бродский Исаак Израилевич (1884–1939) — живописец и график, заслуженный деятель искусств РСФСР с 1932 года. — 45, 82

---

[1] Вероятно, Болдырев Иван Васильевич (1850 — после 1917) художник, донской фотограф — изобретатель.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — русский генерал от кавалерии. В мае–июле 1917 года Верховный главнокомандующий. С 1920 года — в Красной армии. — 112

Бурма Семен Захарович — шапкинский участковый милиционер, расстрелян немцами в 1941 году. — 167

Бутурлин Александр Сергеевич (1845–1916) — представитель древнего дворянского рода. Его отец, Сергей Петрович Бутурлин (1803–1873), был генералом от инфантерии и членом Военного совета, мать, Мария Сергеевна (1815–1902), — княжна из рода Гагариных. М. С. Бутурлина владела усадьбой Ясенево под Москвой и имением «Белый ключ» в Симбирской губернии. А. С. Бутурлин учился в Московском университете, был исключен за участие в «полунинской» истории и выслан в Ярославскую губернию. В 1870 году был арестован по «нечаевскому» делу, оправдан, уехал за границу. Вернулся, в 1879 году был осужден на 5 лет ссылки в Западную Сибирь по делу о взрыве на Московско-Курской дороге. По просьбе матери, М. С. Бутурлиной, ссылка сына в Сибирь была заменена поселением в родовом поместье под Симбирском. Последние годы жизни жил в Москве. Тридцать лет состоял в переписке со Львом Николаевичем Толстым. Жена — Елизавета Михайловна Снитко. Пятеро детей: старший умер в детстве, Сергей, Дмитрий(?), Валериан, Варвара. Свекор Веры Владимировны Марковой. — 56, 57

Бутурлин Александр Сергеевич (1898–1916) — сын Сергея Александровича Бутурлина и Веры Владимировны Марковой (в первом браке Бутурлиной). В отличие от двоюродного брата Александра Ольденборгера, которого в семье называли Шура, Александра Бутурлина называли Саша или Сашок. Автор многочисленных публикаций о семье Бутурлиных. М. М. Козлова в научной биографии «Сергей Александрович Бутурлин» пишет: *«В конце 1915 года, закончив Училище правоведения в ускоренном выпуске, ушел на фронт Саша... Александр погиб буквально через несколько месяцев»*. У родственников Александра есть и другая версия его гибели. По воспоминаниям его младшего единокровного брата А. С. Бутурлина: *«События, последовавшие за октябрьским переворотом, нанесли Сергею Александровичу тяжелейшие раны. Старший сын, служивший по мобилизации в Красной армии, застрелился»*, то есть погиб Александр позднее 1917 года. — 36, 63, 64, 65, 183

Бутурлин Александр Сергеевич (1924–2010) — младший сын С. А. Бутурлина и А. И. Зарс. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии, участник В.О.В., сотрудник НИИ Министерства обороны, полковник в отставке. Член Московского историко-родословного общества. О. В. Ольденборгер поддерживала переписку с С. А. Бутурлиным. Единокровный брат Александра Сергеевича Бутурлина (Сашка). Вероятно, младшего сына Сергей Александрович назвал Александром в память о своем первенце. — 64, 65, 150

Бутурлин Сергей Александрович (22.09.1872–22.01.1938) — юрист, орнитолог, охотовед, исследователь Русского Севера, профессор, доктор биологических наук (1936). Как охотоведа и знатока оружия, его хорошо знали все охотники дореволюционной и довоенной России. У орнитолога Бутурлина слава была всемирной. С. А. Бутурлиным было написано 30 книг, а общее количество научных и научно-популярных работ превышает 2 тысячи. В Императорском училище правоведения С. А. Бутурлин учился в одном классе с братом своей будущей жены, Веры Владимировны Марковой, Николаем Владимировичем Марковым. Первая жена — Вера Владимировна Маркова. Сын от первого брака — Александр. Вторая жена — Амалия Ивановна Зарс. Дети: Константин, Александр. — 5, 36, 56, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 119, 120, 121, 131, 150, 151, 183, 193

Бутурлина Вера Владимировна (урожденная Маркова) — младшая сестра О. В. Ольденборгер. Первый муж — Бутурлин Сергей Александрович, второй — Алексей Алексеевич Ильин. Сын — Александр Сергеевич Бутурлин, Сашок. Последняя владелица части имения усадьбы «Александровка». См. Маркова В. В. и Ильина В. В. — 60, 61 62, 63, 76, 95, 106, 107, 179, 183, 188

Бутурлина Мария Сергеевна (1815–1902) — урожденная княжна Гагарина, бабушка Сергея Александровича Бутурлина. — 57

Вагнер — владелец плодово-ягодного питомника под Ригой. — 38

Вайнонен Лидия Николаевна — старожил деревни Надино. — 7

Вакар Александр Платонович (1855–1900) — юрист, окончил Императорское училище правоведения, член Окружного суда в городе Кашине Тверской губернии. Сын Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Двоюродный брат О. В. Ольденборгер. Жена — Клавдия Михайловна Жилинская. Дети: Ксения и Екатерина. Похоронен на Митрофаниевском кладбище СПб. Кладбище не сохранилось. В 1917 году вдова статского советника Клавдия Михайловна Вакар жила на Лермонтовском проспекте, дом 17/2. — 30, 36, 191

Вакар Вера Платоновна — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер (кузина Вера), дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Муж — Стырикович Александр Григорьевич. Долгое время жила с семьей в имении «Александровка». См. Стырикович В. П. — 30, 33, 34, 45, 192

Вакар Екатерина Платоновна — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер, дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. В 1882 году окончила Смольный институт. Муж — Кононов Александр Дмитриевич. См. Кононова Е. П. — 30, 34, 35

Вакар Любовь Платоновна (ск. 1906) — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер, дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Муж — граф де Тулуз-Лотрек Анатолий Александрович (1846–

1884). Похоронена вместе с мужем на Смоленском православном кладбище СПб. См. Тулуз-Лотрек Л. П. — 28, 30, 34

Вакар Мария Петровна, урожденная Маркова (1827? — ск. в 1900 г.) — тетя О. В. Ольденборгер (тетя Маша), старшая сестра Владимира Петровича Маркова. Муж — Вакар Платон Алексеевич. Дети: Любовь, Вера, Надежда, Екатерина и Александр. Похоронена на Смоленском православном кладбище СПб. См. Маркова М. П. — 12,17, 28, 30, 33, 34, 36, 39, 47, 68, 191

Вакар Модест Алексеевич — преподаватель Императорского училища правоведения, друг Ильи Петровича Чайковского. Брат П. А. Вакара. Его сын, Александр Модестович Вакар, офицер, участник Русско-японской войны, поддерживал отношения со своими двоюродными сестрами и братом, детьми П. А. Вакара. А. М. Вакар бывал в доме Е. П. и А. Д. Кононовых на Фурштатской улице. — 68

Вакар Надежда Платоновна (ск. в 1926 г.) — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер. Дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Муж — Акимов Иван. Дети: Вера, Петр, Николай. Жила в 1910-х годах на даче по адресу: Поповка, почтовая станция «Самопомощь», пос. Подобедовка, 13-я дорога, дача г-жи Адлер. См. Акимова Н. П. — 28, 30, 34

Вакар Платон Алексеевич (1820?-1899) — тайный советник. Цензор Комитета цензуры иностранной при Министерстве внутренних дел, работал под руководством Ф. И. Тютчева. Сослуживцами были Я. Полонский и А. Майков. С 1851 года обер-секретарь второго департамента Сената. С 1871 года член Главного управления по делам печати. Публицист. Жена — Мария Петровна Маркова, тетя О. В. Ольденборгер. По тексту воспоминаний О. В. Ольденборгер часто называет П. А. Вакара дядей Платоном. Дети: Любовь, в замужестве графиня Тулуз-Лотрек, Вера, в замужестве Стырикович, Надежда, в замужестве Акимова, Екатерина, в замужестве Кононова, и сын Александр. П. А. Вакар поддерживал семейные и дружеские связи с семьей Марковых. Похоронен на Смоленском православном кладбище СПб. — 4, 17, 33, 36, 40, 47, 68, 74, 183, 191

Валуев Петр Александрович (1815-1890) — граф. Русский государственный деятель, в 1861-1868 годах министр внутренних дел, занимался земской и цензурной реформами. — 22, 94

Варшавский С. — соавтор книги «Подвиг Эрмитажа». — 138

Васильев — армейский сослуживец В. А. Ольденборгера — сына О. В. Ольденборгер. — 116, 189

Вачнадзе Сандро — князь из Кахетии, знакомый О. В. Марковой (Ольденборгер) по Кавказу. — 50, 53, 54

Верещагин В. П. — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Вержбилович Александр Валерьянович (1850-1911) — виолончелист, профессор Петербургской консерватории. — 4, 82, 130

Вержбицкий Виктор Антонович (1906–1993) — командир 364-й стрелковой дивизии, освобождавшей Шапки, Нурму и Тосно. Генерал-майор. Участник Парада Победы в Москве. Почетный житель города Тосно. Много лет жил на даче в Шапках. — 168, 169

Верн Жюль (1828–1905) — французский писатель-фантаст. — 76

Визе — семья эстонских хуторян-переселенцев из Эстляндии (Эстонии). — 38

Владимир Александрович (1847–1909) — Великий князь, третий сын императора Александра II. Генерал от инфантерии, президент Академии художеств. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского ВО. 9 января 1905 года отдал приказ стрелять по мирной демонстрации. — 84

Воейков Александр Иванович (1842–1916) — русский климатолог и географ, основоположник климатологии в России. — 88

Ворожейкина Анна Алексеевна — учительница, жена дяди О. В. Ольденборгер — Дорошенко Николая Александровича. В своих воспоминаниях, относящихся к ростовскому периоду, О. В. Ольденборгер называет Анну Алексеевну тетей. См. Дорошенко Анна Алексеевна. — 31, 49

Воронцов-Дашков Илларион Илларионович (1877–1932) — граф, гвардии полковник, командир кавалерийского полка, личный адъютант Великого князя Михаила Александровича. Первый муж Ирины Васильевны Нарышкиной (во втором браке княгини Долгоруковой) — владелицы имения «Шапки». Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. Одинаковые инициалы Иллариона Илларионовича и его брата Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова (1868–1897) часто вводят в заблуждение авторов книг по истории дворянских усадеб и Ивана Илларионовича называют мужем Ирины Васильевны Нарышкиной, а также пишут, что она вышла второй раз замуж после смерти мужа. Ирина Васильевна ушла от мужа Иллариона Илларионовича с пятью детьми, в свое время их семейный разлад сопровождался большим великосветским скандалом. — 42, 95

Воронцова-Дашкова Ирина Васильевна (1879–1917) — графиня, урожденная Нарышкина, во втором браке — княгиня Долгорукова. Отец — Василий Львович Нарышкин (1841–1906) — прямой потомок любимого дяди Петра I Льва Кирилловича Нарышкина, камер-юнкер, дипломат, богатейший помещик, владелец имений в 5 губерниях. Первый муж Ирины Васильевны — граф Воронцов-Дашков Илларион Илларионович. Второй муж — князь Долгоруков Сергей Александрович (1872–1933), кавалергард, генерал-майор Свиты Его величества императора Николая II, участник Первой мировой войны, с 1916 года служил в свите вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Владелица имения «Шапки», Ирина Васильевна бывала здесь редко, наездами. От двух браков у нее

было шесть детей: Роман, Мария, Михаил, Александр, Илларион — от первого, дочь Ольга — от второго брака. Почти у всех детей семейная жизнь не сложилась. В настоящее время наследники Ирины Васильевны есть только по линии старшей дочери Марии (1903–1997), которая была замужем за племянником императора Николая II — Никитой Александровичем Романовым (1900–1974). По просьбе Марии Илларионовны Романовой в конце прошлого века была восстановлена надгробная плита над могилой И. В. Долгоруковой на Мисхорском кладбище в Крыму. При Ирине Васильевне управлял имением «Шапки» ученый-лесовод А. А. Скорняков, часть сосновых боров в окрестностях Шапок была заложена в эти годы. На деньги И. В. Воронцовой-Дашковой была отремонтирована после пожара 1911 года церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках, на время ремонта графиня предоставила для сельского храма библиотечный павильон в имении. В 1995 году в этом здании возобновились богослужения, по традиции церковь была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы. — 42, 162, 163, 180, 181

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. — 146, 164

Врангель Мария Дмитриевна (1857–1944) — мать барона главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Петра Николаевича Врангеля, собирательница материалов по истории русской эмиграции. — 59

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. — 59, 124

Всеволожский Василий Павлович (1871–?) — земский врач, доктор медицины, коллежский советник, владелец имения Рябово в Шлиссельбургском уезде. Сын Павла Александровича Всеволожского. Знакомый семьи Марковых по Шлиссельбургскому уезду. — 22

Всеволожский Павел Александрович (1839–1898) — камер-юнкер, действительный статский советник, предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда, владелец имения Рябово в Шлиссельбургском уезде. Знакомый семьи Марковых по Шлиссельбургскому уезду. — 22

Гаврила — житель деревни Староселье Шапкинской волости. Дед Гаврила, Гаврила Кузнецов. — 146

Ганзен А. В. — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Гаршин Всеволод Владимирович — профессор, старый ленинградский врач и коллекционер-нумизмат. (*У писателей Варшавского и Реста в книге «Подвиг Эрмитажа» инициалы Гаршина другие. – В. Г.*) — 141, 142

Гвоздаво-Голенко Илья Николаевич — выпускник 69-го выпуска Императорского училища правоведения, коллежский секретарь. Знакомый семьи Марковых-Ольденборгер. Бывал в Шапках и Надино, гостил у О. В. Ольденборгер на мызе «Царицына гора». — 78

Гендель Георг Фридрих (1685–1759) — немецкий композитор и органист. — 73

Гензельт А. — пианист, композитор, профессор, преподававший музыку в Смольном институте и в царской семье. Е. М. Бем в 1886 году выполнила силуэтный портрет Гензельта — музыкант сидит в кресле рядом с роялем и столом с нотами. О. В. Ольденборгер была ученицей профессора в Смольном институте. — 39

Герцен Александр Иванович (1812–1870) — русский писатель, философ и революционер. — 93

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889–1945) — глава немецкого фашистского государства с 1933 года. — 139

Гитри — артист парижской драматической труппы, гастролировавшей в Петербурге. — 46

Гливенко Федор Романович — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Глинка Михаил Иванович (1804–1857) — русский композитор.

Глюк *Э.* — пастор-пробст в Мариенбурге, Лифляндия. В доме пастора жила в услужении Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I. — 57

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель. — 58

Голицын Дмитрий Михайлович (1675–1730) — князь, один из «верховников», составитель «Кондиций» 1730 года, был осужден по обвинению в заговоре, умер в тюрьме. — 13

Голохвастов Александр Яковлевич (1785–1854) — тайный советник, муж Надежды Яковлевны Дубянской. — 182

Голохвастова Надежда Яковлевна (178?–1854) — дочь Я. Ф. и М. П. Дубянских, сестра А. Я. Дубянского. Муж — Голохвастов Александр Яковлевич (1785–1854) — тайный советник. Дети: Аделаида, Федор, Петр, Юлия, Мария, в замужестве Коханова. Голохвастовы — *соседи* А. Я. Дубянского по Шлиссельбургскому уезду. См. Дубянская Н. Я. — 12, 182

Голубев — в 1917 году председатель Временного революционного комитета в воздушных частях. — 116, 189

Горький Алексей Максимович (1868–1936) — русский советский писатель. — 71

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский писатель и дипломат. Посол в Персии. — 58

Гриднев — псевдоним, под которым печатался Н. А. Дорошенко в «Ниве» и «Живописном обозрении». — 31

Губерман — скрипач. — 130

Гуттер Эркки — пастор лютеранского прихода Марккова-Ярвисаари, уроженец деревни Старостино Шапкинской волости. — 166

Гуцков Карл (1811–1878) — немецкий писатель, публицист, драматург. — 58

Дабижа — курсистка Бестужевка, родом из Грузии, знакомая А. А. Марковой. Дабижа — известная грузинская фамилия. Одна из представительниц этого рода, княжна Софья Васильевна Дабижа, в 1882 году окончила Смольный институт. — 34

Делагарди Яков (Якоб) (1583–1652) — граф, шведский маршал, сын Понтуса Делагарди, в «смутное время» захватил Великий Новгород. Был длительное время арендатором всего Нотебургского лена, включая Шапки с окрестными деревнями. — 156

Данилов И. — крестьянин Шапкинской волости, работавший в Шлиссельбурге, был выслан из уездного города на 3 года за революционную пропаганду. — 162

Дементьев Г. П. — профессор, соавтор С. А. Бутурлина по созданию «Определителя птиц». — 151

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант. В Гражданскую войну сражался на стороне Белого движения, командовал Добровольческой армией и Вооруженными силами Юга России. В 1920 году носил титул «Верховного правителя Российского государства». С 1920 года в эмиграции. — 119

Державин Гаврила Романович (1743–1816) — русский писатель. — 13

Джевахо — князь, поручик Мингрельского полка, знакомый О. В. Ольденборгер по Кавказу. — 50

Джубелини-Ряднова Д. И. — певица (сопрано) Саратовской оперной труппы, гастролировавшей в Ростове-на-Дону. — 56

Дмитриев Рафаил — гимназический друг А. А. Ольденборгера. — 92, 93

Доброклонский Михаил Васильевич (1886–1964) — профессор, сотрудник Эрмитажа, член-корреспондент АН СССР (1943). Знакомый семьи Ильиных и О. В. Ольденборгер. — 143

Долгоруков Василий Владимирович (1667–1746) — князь, генерал-фельдмаршал. Участник Северной войны. В 1718 году лишен всех чинов и званий и сослан в Казань за поддержку царевича Алексея Петровича. В 1724 году возвращен из ссылки. С 1728 года член Верховного тайного совета. После восшествия на престол в 1730 году Анны Иоанновны подвергся опале и был арестован, в 1739 году заточен в Соловецкий монастырь. Елизавета Петровна вернула Долгорукова из заточения и назначила его президентом Военной коллегии. Детей в двух браках (по другим данным — трех) не имел. После смерти его владения отошли в казну. *В книге Н. В. Мурашовой и Л. П. Мыслиной «Дворянские усадьбы Санкт-*

Петербургской губернии. Тосненский район» Василий Владимирович Долгорукий упомянут как владелец обширной мызы Шапки с 14 деревнями. — 13, 14, 157, 158, 178, 180

Долгорукова (Долгорукая) Александра Яковлевна — княжна, дочь Я. П. и Е. Ф. Долгоруковых. Внучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Окончила Смольный институт с шифром. Муж — статский советник Даниил Андреевич Гиршфельд. — 35

Долгорукова (Долгорукая) Елизавета Федоровна (1747–1779) — княгиня, жена князя Долгорукова Якова Петровича (1741–1797). Дочь Федора Яковлевича Дубянского и Марии Константиновны, урожденной Шарогородской. Дети: дочь Александра, сыновья Александр и Петр. См. Дубянская Е. Ф. — 12, 35

Долгорукова (Долгорукая) Ирина Васильевна (1879–1917) — урожденная Нарышкина, в первом браке — графиня Воронцова-Дашкова, во втором — княгиня Долгорукова, владелица имения «Шапки». См. Воронцова-Дашкова И. В. — 42, 162, 164, 181

Доронина Галина Михайловна — уроженка деревни Староселье.

Дорошенко Александр — чиновник. Дед О. В. Ольденборгер по материнской линии. — 98

Дорошенко Александр Александрович — старший брат Анны Александровны Дорошенко (Марковой) и дядя О. В. Ольденборгер. — 28, 29, 31, 94

Дорошенко Анна Александровна (1851?–1919) — жена Владимира Петровича Маркова, мать автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. См. Маркова А. А. — 4, 28, 183, 191

Дорошенко Анна Алексеевна — учительница. Урожденная Ворожейкина, жена Н. А. Дорошенко. См. Ворожейкина А. А. — 31, 49

Дорошенко Николай Александрович (5.05.1857–25.12.1898) — брат Анны Александровны Дорошенко (Марковой), дядя О. В. Ольденборгер (дядя Коля). Родился в городе Сумы Харьковской губернии. Окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге. Гражданский инженер и архитектор, работал в Ростове-на-Дону. По его проекту в Ростове построены несколько домов и особняков в «изящном стиле» для богатых купцов и предпринимателей. В годы его работы городским архитектором Ростова по его проектам и под его надзором были построены: здания мужской и женской гимназий, музей и библиотека в Думском проезде, гостиница «Виктория», рынок, церковь Святого Владимира, фабрика Асмолова, ротонда для клуба в городском саду. Он продолжал заниматься и частной архитектурной практикой. В созданных им особняках находятся в настоящее время Музей ИЗО и здание Госархива. Все уцелевшие к концу XX века строения, возведенные по проекту Н. А. Дорошенко, внесены в список памятников архитектуры Ростова. Бывал в гостях у Марковых в имении «Александровка». Жена — Анна Алексеевна Ворожейкина, учительница по образованию. О. В. Ольденборгер упоминает трех детей Н. А. и А. А. Дорошенко.

В документах Ростовского архива сохранились протоколы заседания Городской Думы и постановление Финансовой комиссии, рассматривающих вопрос помощи вдове безвременно ушедшего из жизни Н. А. Дорошенко: «*Выдать вдове покойного городского архитектора Н. А. Дорошенко Анне Алексеевне пособие в сумме 1800 рублей. Назначить к выдаче ей ежегодно начиная с 1899 года пособие в 450 рублей на воспитание сыновей покойного Алексея и Бориса... на время до наступления гражданского совершеннолетия*». — 5, 29, 30, 31, 33, 48, 49, 53

Дорошенко Петр Дорофеевич (1627–1698) — гетман Правобережной Украины. По семейной легенде — предок деда по материнской линии О. В. Ольденборгер. Дети П. Д. Дорошенко от первого брака после его перехода на русскую службу остались на Украине. Возможно, потомком этой украинской ветви и был дед О. В. Ольденборгер — Александр Дорошенко, уроженец Полтавы. — 28

Дубянская Анна Федоровна — жена статского советника Дубянского Федора Яковлевича. — 182

Дубянская Варвара Михайловна (1763–1803) — дочь Михаила Федоровича Дубянского, внучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Первая жена Василия Николаевича Зиновьева. — 35

Дубянская Вера Яковлевна (ум. 1841) — дочь Якова Федоровича и Марии Петровны Дубянских, внучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Похоронена в Александро-Невской лавре на Лазаревском кладбище. — 12

Дубянская Елизавета Федоровна (1747–1779) — дочь Ф. Я. и М. К. Дубянских. Муж — князь Долгоруков Яков Петрович (1741–1797). Е. Ф. Дубянская была фрейлиной Екатерины II. Дети: дочь Александра, сыновья Александр и Петр. Похоронена в Александро-Невской лавре на Лазаревском кладбище. См. Долгорукова Е. Ф. — 12, 35, 182

Дубянская Любовь Александровна (1807? — 16 апреля 1891) — дочь А. Я. и Н. Ф. Дубянских, правнучка Ф. Я. Дубянского и бабушка О. В. Ольденборгер. Владелица имения «Александровка». Муж — Марков Петр Иванович. *По данным Н. Мурашовой и Л. Мысликой, год рождения Любови Александровны Дубянской – 1807, а ее сестры Надежды – 1808.* О. В. Ольденборгер называет Надежду Александровну старшей сестрой бабушки. Быть наследницей всего имения «Александровка» Любовь Александровна могла в том случае, если оставалась к 1851 году единственной наследницей первой очереди или, возможно, как старшая в роду. Дети: Надежда, Мария, Александр, Георгий и Владимир. Похоронена в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. См. Маркова Л. А. и бабушка. — 3, 11, 13, 158, 183

Дубянская Мария Константиновна (1714–1769) — урожденная Шарогородская (Шаргородская), дочь Константина Шарогород-

ского (1665–1735), который был духовником цесаревны Елизаветы Петровны. Муж — Федор Яковлевич Дубянский. После смерти Константина Шаргородского, по общепринятому среди белого духовенства обычаю, Ф. Я. Дубянский занял место своего тестя, став духовником цесаревны, а затем и императрицы Елизаветы Петровны. Дети: Михаил, Захар, Федор, Яков и Елизавета. — 12, 182

Дубянская Мария Петровна (1751–1829) — жена Якова Федоровича Дубянского. После смерти мужа — владелица мызы Усть-Мга (Яковлевская). У Якова Федоровича и Марии Петровны было пятеро детей: Александр, Петр, Федор, Вера и Надежда. — 12, 182

Дубянская Надежда Александровна (1808?–?) — дочь А. Я. и Н. Ф. Дубянских, сестра Л. А. Дубянской. По легенде финская деревня *Pitkajarvi* была переименована А. Я. Дубянским в честь его дочери Надежды. В воспоминаниях О. В. Ольденборгер Надежда Александровна названа старшей сестрой бабушки. *По данным Н. Мурашовой и Л. Мыслиной, год рождения Надежды Александровны Дубянской – 1808, следовательно, она была младшей сестрой.* Муж — полковник Богданович. См. Богданович Н. А. — 13, 158

Дубянская Надежда Яковлевна (178?–1854) — дочь Якова Федоровича и Марии Петровны Дубянских, внучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Муж — Голохвастов Александр Яковлевич (1785–1854). Владелица мызы Усть-Мга (Яковлевская). См. Дубянская Н. Я. — 12, 182

Дубянская Наталья Федоровна — жена Александра Яковлевича Дубянского, владельца имения «Александровка». Прабабушка О. В. Ольденборгер. Дети: Георгий, Надежда, Любовь. — 13

Дубянский Александр Яковлевич (1771–1851) — полковник, участник Отечественной войны 1812 года, сын Якова Федоровича и Марии Петровны Дубянских, внук протоиерея Ф. Я. Дубянского, прадед О. В. Ольденборгер. Предводитель дворян Шлиссельбургского уезда. Образование получил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Полковником был уже в 28 лет. Дальнейшей карьере помешало неудачное участие в Голландской экспедиции 1799 года, предпринятой Россией в годы первой антифранцузской коалиции, в результате чего штаб-офицер А. Я. Дубянский попал в плен. О пребывании в плену он написал воспоминания, которые были опубликованы. Возглавлял в Отечественную войну ополчение Шлиссельбургского уезда. Отличился в ряде сражений и был отмечен орденами и именным оружием. Получив в наследство от отца часть имения «Шапки», Александр Яковлевич основал новую усадьбу на берегу озера Долгое. Он также унаследовал часть имения Усть-Мга с центром в деревне Келколово, эти земли он продал в 1830 году графу А. И. Чернышеву. Дубянский с 1816 года имел в Петербурге собственный дом — на Екатерининском канале, дом № 174. Жена — Наталья Федоровна. Дети:

Георгий, Надежда, Любовь. А. Я. Дубянский похоронен в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 12, 13, 41, 42, 69, 158, 159, 160, 178, 182

Дубянский Георгий Александрович (1801–1829) — поручик Мариупольского полка. По легенде финская деревня рядом с Нурмой *Savotankyla* была названа по имени Георгия (Жоржа) — Жоржина (Жоржино). Сын А. Я. и Н. Ф. Дубянских. Погиб в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 в Болгарии под Шумлой. Со смертью Георгия прервалась по мужской линии эта ветвь рода Дубянских. — 13, 158, 159, 183

Дубянский Захар Федорович (1743–1765) — гвардии поручик, сын протоиерея Ф. Я. Дубянского. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. — 12, 182

Дубянский Михаил Федорович (1733–1776) — бригадир, унтерегермейстер двора, сын протоиерея Ф. Я. Дубянского. Жена — Наталья Федоровна (1740–1818). Дети: Петр, Федор, Дмитрий, Александр и Варвара, в замужестве Зиновьева. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. — 12, 182

Дубянский Петр Яковлевич (1774–1822) — коллежский советник, масон. Внук протоиерея Федора Яковлевича Дубянского. Брат А. Я. Дубянского. Владелец деревень Захожье и Малая Петрушина Шлиссельбургского уезда. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. — 12, 182

Дубянский Федор Михайлович (1761–1796) — бригадир, советник Государственного банка, композитор, внук протоиерея Ф. Я. Дубянского, похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. — 12

Дубянский Федор Федорович (1739–1774) — гвардии ротмистр, сын протоиерея Ф. Я. Дубянского. Жена — Ладыгина Александра Федоровна (1741–1806). Дети: Дмитрий, Михаил, Анна, в замужестве Скрипицына и Александра, в замужестве Борщева. Владел соседней с имением Шапки мызой Порецкой. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. В некоторых документах указывается год смерти 1771. Надпись на могильной плите неразборчива. — 12, 182

Дубянский Федор Яковлевич (1691–1770) — духовный отец императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, протоиерей Благовещенского собора в Московском Кремле. Предок О. В. Ольденборгер. Родоначальник дворянского рода Дубянских. Владелец нескольких больших имений в Шлиссельбургском уезде, в том числе имения «Шапки». Жена — Мария Константиновна Шарогородская (1714–1769). Дети: Михаил Федор, Захар, Яков, Елизавета в замужестве Долгорукова. Год смерти Ф. Я. Дубянского в разных источниках указывается от 1770 до 1772 года. Данных о месте захоронения пока найти не удалось. — 11, 12, 14, 68, 158, 178, 180, 182, 185

Дубянский Федор Яковлевич (1786–1865) — статский советник, внук протоиерея Федора Яковлевича Дубянского. Служил в Коллегии иностранных дел. Штаб-офицер, участник Отечественной войны 1812 года. Владелец части имения «Шапки» с усадьбой в селе Покровском (Шапки), полученном по наследству от отца Я. Ф. Дубянского и разделенного между ним и его братом, А. Я. Дубянским. Свою часть имения Ф. Я. Дубянский продал в 1817 году А. Д. Балашову. Жена — Анна Федоровна. В 1825 году жена статского советника Анна Федоровна Дубянская владела двумя домами на Васильевском острове: 10-я линия, 22, и 11-я линия, 31. — 12, 41, 158, 159, 180, 182

Дубянский Яков Федорович (1745–1807) — майор, известный масон. Прапрадед О. В. Ольденборгер. Владелец имения «Шапки». При нем в имении «Шапки» была построена лютеранская кирха Святого Якова (Якоба) и православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. У Якова Федоровича и Марии Петровны было пятеро детей: Александр, Петр, Федор, Вера и Надежда, в замужестве Голохвастова. Похоронен Я. Ф. Дубянский на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, на семейном месте Дубянских. — 12, 13, 16, 17, 41, 158, 178, 180, 182

Дубянские — члены семьи Дубянских. — 6, 7, 11, 12, 68, 159

Дулов Михаил Тимофеевич (1878–1948) — пианист, аккомпаниатор. Бывал в имении «Александровка». Много лет поддерживал дружеские отношения с О. В. Ольденборгер. — 4, 71, 72, 73, 74, 75, 82, 83, 84, 94, 103, 107, 127, 128, 129, 130, 133, 135, 136, 137, 194

Дулова Александра Тимофеевна — сестра М. Т. Дулова, знакомая О. В. Ольденборгер. — 135, 136, 137, 149, 150

Дуловы — родственники М. Т. Дулова. — 135, 136

Евгенов Дмитрий Николаевич (1929–1979) — сын Натальи Николаевны и Николая Ивановича Евгеновых, родственник Марковых и О. В. Ольденборгер. Он закончил биологический факультет ЛГУ, с 1957 года жил в Москве. Профессионально занимался вопросами охраны природы, участвовал в ряде комплексных экспедиций в различные регионы СССР. Трагически погиб во время экспедиции в Туву. — 130, 195

Евгенова Ирина Николаевна (1924 г. р.) — родственница Марковых и Ольденборгер по линии матери. Мать Ирины Николаевны — Наталья Николаевна Евгенова — называла Ольгу Владимировну Ольденборгер любимой тетушкой. Ирина Николаевна закончила физический факультет ЛГУ и долгие годы работала в Научно-исследовательском институте связи. В конце 1960-х годов она передала в Шапкинскую сельскую библиотеку через краеведа Владимира Григорьевича Яковлева вариант машинописной рукописи «Странички прошлого» О. В. Ольденборгер. Яковлевы и Евгеновы были до войны соседями по даче в Шапках и на долгие годы

сохранили дружеские отношения. В 2006 году Ирина Николаевна подготовила к публикации воспоминания своей матери Н. Н. Евгеновой «Студеные вахты» об исследователе Арктики Н. И. Евгенове.

Евгенов Николай Иванович (1888–1964) — известный ученый, исследователь Арктики, гидролог и океанограф. Жена — Наталья Николаевна Усова, дети: Ирина и Дмитрий. До войны семья Евгеновых жила много лет на даче в Шапках. Вначале снимали дачу у Анисьи Петровны Богдановой, затем жили в собственном доме, построенном рядом с домом Богдановых на Тупиковой улице у озера Лисино. Два экземпляра книги были ею подарены Тосненской районной и Шапкинской сельской библиотекам. Ирина Николаевна поддерживает постоянный контакт со своей московской родственницей, внучкой Ольги Владимировны, — Ириной Владимировной Ольденборгер. — 5, 6, 42, 130, 150, 184, 195

Евгенова Наталия Николаевна (1900–1980) — племянница Ольги Владимировны Ольденборгер. Ольга Владимировна отдала на хранение свою рукопись и часть своего архива Наталье Николаевне Евгеновой. Племянники, тетушки и дядюшки, кузины и кузены — в русской родословной весьма обобщенные понятия, и иногда трудно определить степень кровного родства. Если дальние родственники были близки по духу, точная степень родства была не столь важна, и ее в повседневной жизни не указывали. Так, и Ирина Николаевна Евгенова затрудняется точно сказать, по какой линии ее мама, Наталья Николаевна, урожденная Усова, приходилась племянницей Ольге Владимировне Ольденборгер. Наталья Николаевна Евгенова была также в родстве с семьей Фитингоф-Шель. Одна из представительниц клана Фитингоф-Шель, баронесса Лидия Петровна Фитингоф-Шель, бывала в Шапках и Надино, гостила на мызе «Царицына гора» у О. В. Ольденборгер. — 130

Екатерина I (1684–1727) — вторая жена Петра I, российская императрица с 1725 года. — 14, 57

Екатерина II (1729–1796) — жена императора Петра III, российская императрица с 1762 года. — 11, 15, 42

Елена Владимировна (1882–1957) — Великая княжна, дочь Великого князя Владимира Александровича. Состояла в браке с третьим сыном короля Греции Георга I (брата императрицы Марии Федоровны) — греческим королевичем Николаем (1872–1938). — 84

Елизавета Петровна (1709–1761) — дочь Петра I, российская императрица с 1741 года. — 11, 12, 14, 68, 148, 157, 158

Епифановы — родственники Евгеновых, часто гостили в Шапках. — 195

Ефимов Василий Савельевич — первый тракторист в Шапкинском сельсовете, житель Староселья. — 165

Железнов Михаил — племянник Алексея Алексеевича Ильина. — 110, 113

Желтухин Василий Васильевич — врач, возглавлял Василеостровский родильный приют на Большом пр. Васильевского острова, дом 67. Жил в собственном доме на 7-й линии В.О., дом 42. Сын Василия Романовича и Надежды Петровны Желтухиной, урожденной Марковой. Двоюродный брат О. В. Ольденборгер. — 17, 30

Желтухин Василий Романович (1823–1889) — генерал от инфантерии. Из дворян Тульской губернии. Воспитывался в дворянском полку (Константиновское военное училище), был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк, где прослужил 15 лет. В 1869 году был произведен в генерал-майоры. А 1879 году назначен командиром 31-й пехотной дивизии, которой командовал более 10 лет. В 1889 году произведен в генералы от инфантерии. Первая жена — Надежда Петровна Маркова. Сын от первого брака — Василий. Вторая жена Дарья Михайловна. Сын от второго брака — Константин. Похоронен В. Р. Желтухин на Смоленском православном кладбище СПб. — 4, 17, 183

Желтухин Владимир Петрович (1798–1871) — генерал от инфантерии. Директор Пажеского корпуса. — 17

Желтухин Константин Васильевич — гвардии генерал-майор, сын Василия Романовича Желтухина от второго брака. Единокровный брат Василия Васильевича Желтухина. — 17

Желтухина Дарья Михайловна — вторая жена Василия Романовича Желтухина. — 17

Желтухина Надежда Петровна, урожденная Маркова (1832–1856) — тетя О. В. Ольденборгер, сестра В. П. Маркова. Муж — Желтухин Василий Романович. Сын — Василий Васильевич Желтухин. Похоронена на Смоленском православном кладбище СПб. — 17, 30

Жерарди — итальянский виолончелист. — 82, 130

Житков Борис Михайлович — ученый-зоолог, профессор. Друг С. А. Бутурлина с детских лет и товарищ по экспедициям на Север. — 60, 64, 131

Забойкина Мария Петровна — жительница деревни Староселье. — 98

Заньковецкая Мария Константиновна (1860–1934) — русская советская актриса, народная артистка УССР (1922), театральный деятель. — 55

Зарс Амалия Ивановна — вторая жена Бутурлина С. А. — 64

Захаров — врач. — 82

Зворыкин Николай Анатольевич (1873–1937) — натуралист, писатель-охотовед, друг С. А. Бутурлина. — 64

Зеленская Александра Ивановна — преподаватель, знакомая семьи Ольденборгер. — 124

Зеленский — профессор, знакомый семьи Ольденборгер. — 124

Зигварт Ганс — швейцарский архитектор и изобретатель, владелец предприятия по производству железобетонных конструкций, у которого перенимал опыт А. И. Ольденборгер. — 87

Зубкова Нина Альвиновна, урожденная Нерман (1931 г. р.) — врач, внучка Я. П. и С. Ф. Нерман, уроженка села Шапки. Живет в Москве. — 6

Зудерман Герман (1857–1928) — немецкий писатель. — 58

Ибсен Генрик (1828–1906) — норвежский драматург. — 58, 101

Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный (1530–1584) — Великий князь всея Руси с 1533 года, первый русский царь с 1547 года. — 43

Иван III (1440–1505) — Великий князь Владимирский и Московский. *Великий князь всея Руси с 1478 года. Сельцо дворцовое* Шапки и дворцовая деревня Белая входили в фонд дворцовых земель Великого князя Ивана III. — 154, 155

Ивановский Адам Романович — директор совхоза в Шапках в первые послереволюционные годы. — 164

Ильин Александр Алексеевич (1885–1935) — сын А. А. и Е. М. Ильиных. — 65, 88

Ильин Алексей Алексеевич (19.08.1858–04.07.1942) — *действительный статский советник, служил в Министерстве земель и государственных имуществ*, гофмейстер (1911), сенатор, член Государственного совета по выборам от дворян Санкт-Петербургской губернии, член правления Государственного банка, председатель главного управления Российского общества Красного Креста, почетный мировой судья Шлиссельбургского уезда, гласный Санкт-Петербургского губернского земского собрания. Имел государственные награды Российской империи. Воспитанник Лицея выпуска 1875 года, член Комитета Пушкинского лицейского общества. Член Императорского Русского географического общества. Член Русского общества книгопродавцев и издателей. Владелец Картографического заведения. *Долгие годы А. А. Ильин жил в собственном доме на набережной реки Пряжки, дом 5, кв. 2, тел. 731;* в 1896 году в это же здание было переведено Картографическое заведение. Совладелец имения Колтуши в Шлиссельбургском уезде. Известный русский нумизмат. С 1918 года руководитель секции нумизматики Академии истории материальной культуры. После революции — заместитель директора Эрмитажа, заведующий нумизматическим отделом Эрмитажа (1920–1930), член-корреспондент Академии наук СССР (1928). Основные труды: «Медали в честь А. С. Пушкина» (СПб., 1901); «Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904» (СПб., 1904) (в соавторстве с Х. Х. Гилем); «Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г.» (СПб., 1910) (в соавторстве с И. И. Толстым); «Русские монеты. Медная монета с 1700 по 1725 г. Петра I» (Петроград, 1918); «Топография серебряных и золотых слитков» (Петроград, 1921); «Топография кладов древних русских монет X и XI веков и монет удельного периода» (Петроград, 1924); «Классификация русских удельных монет» (Вып. 1. Л., 1940). Друг семьи Марковых. Первая жена — Безак Екатерина Михайловна

(1861–1911), похоронена в родовом имении Ильиных в селе Сари (Шарья) Ново-Ладожского уезда. Дети от первого брака: Александр Алексеевич (1885–1935) и Алексей Алексеевич (1885–1852.) Вторая жена — Вера Владимировна Маркова (в первом замужестве Бутурлина). — 5, 64, 65, 88, 110, 113, 132, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 183, 193

Ильин Алексей Алексеевич (1885–1952) — сын А. А. и Е. М. Ильиных. — 65

Ильин Алексей Афиногенович (1834–1889) — генерал-лейтенант, действительный статский советник, гофмейстер, картограф и издатель. Делом своей жизни считал составление и издание карт и атласов. Жена — Александра Эрнестовна, владелица дома на Большой Мастерской улице в Петербурге, где жила семья Ильиных и располагалось Картографическое заведение. Дети: Александра, Анна, Антонина, Екатерина, Елизавета и братья-близнецы Алексей и Афиноген. Владелец имения Колтуши. Знакомый семьи Марковых по Шлиссельбургскому уезду. Двоюродный дядя Е. М. Бем (Эндауровой), которая жила у Ильиных в годы учебы в Рисовальной школе. В Картографическом заведении Ильина печатались альбомы Е. М. Бем и ее сестры Л. М. Эндауровой. — 88

Ильин Афиноген Алексеевич (1858–1904) — камергер, отставной капитан II ранга, предводитель дворян и почетный мировой судья Шлиссельбургского уезда, гласный Санкт-Петербургского губернского земства, член правления потребительского общества для моряков «Бережливость», начальник гавани Невского яхт-клуба и член Петербургского яхтенного кружка. Совладелец имения Колтуши в Шлиссельбургском имении и «Картографического заведения Ильина». Брат Алексея Алексеевича Ильина. Знакомый семьи Марковых по Шлиссельбургскому уезду. — 88

Ильина Вера Владимировна (урожденная Маркова, в первом браке Бутурлина) — младшая сестра О. В. Ольденборгер. Окончила Смольный институт. Последняя владелица части имения и усадьбы «Александровка» близ деревни Надино Шапкинской волости. Блокадница. Первый муж — Бутурлин Сергей Александрович. Сын от первого брака — Александр Сергеевич Бутурлин. Второй муж — Алексей Алексеевич Ильин. — 7, 110, 132, 139, 140, 141, 145, 146, 162, 170, 179, 183

Ильина Екатерина Михайловна (1861–1911), урожденная Безак, — первая жена Алексея Алексеевича Ильина. Дети: Алексей и Александр. — 65

Инбер Вера Михайловна (1890–1972) — поэтесса. — 9, 141, 142

Иродионов Павел Васильевич — настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках в 1920–1930-х годах. — 166

Кавос Евгений Цезаревич — архитектор, представитель известной семьи Кавос, приехавшей в XVIII веке в Россию из Венеции.

Е. Ц. Кавос был директором горнозаводческого общества и увлеченным фотографом-любителем художественной фотосъемки. Муж Е. С. Кавос-Зарудной. — 93

Кавос-Зарудная Екатерина Сергеевна (1861–1917) — художница-портретистка, живописец и график, знакомая Марковых и Ольденборгеров. Дочь известного деятеля, активного участника судебной реформы времен Александра II, тайного советника Сергея Ивановича Зарудного. Екатерина Сергеевна была замужем за Евгением Цезаревичем Кавосом. Талантливая портретистка, Кавос-Зарудная за годы своей творческой работы создала целую галерею художественных образов известных политиков, революционеров, ученых, артистов. Среди них — портреты активистки международного социал-демократического движения Розы Люксембург, крупнейшего ученого XX века В. И. Вернадского, революционерки Прокофьевой. Огромная библиотека Е. С. Кавос-Зарудной была передана ее родственниками в Пушкинский Дом, а живописные работы хранятся в музеях Москвы и Петербурга. — 70, 93

Карл XII (1682–1718) — король Швеции с 1697 года, полководец. — 147

Карлинский Андрей — племянник А. И. Ольденборгера, двоюродный брат Александра и Владимира Ольденборгер, погиб в годы Великой Отечественной войны. — 139, 145

Карлинская Варвара Ивановна, урожденная Ольденборгер, — младшая сестра А. И. Ольденборгера. Муж, вероятно, — Н. Н. Карлинский[1]. — 54, 81

Кербис Арнольд Эдуардович — сын эстонского хуторянина-переселенца Эдуарда Кербиса. — 38

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — русский политический деятель, адвокат. Член фракции трудовиков в IV Думе. Председатель Временного правительства. — 106, 110, 111, 112, 113, 114

Клевер Мария Юльевна (1878–1967) — вероятно, дочь художника Ю. Ю. Клевера. — 44

Клевер Юлий Юльевич (1850–1924) — известный живописец-пейзажист. — 44, 56

Клейн О. — орнитолог. — 58

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — военачальник, полярный исследователь, гидролог, адмирал. В 1918–1920 годах — Верховный правитель Российского государства. Возглавлял борьбу с советской властью в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке. — 119, 124

Кольман Людвиг Карлович — владелец мызы «Карловка», сосед по Шапкинской волости Марковых. — 21, 165

---

[1] Новороссийский архитектор, избран городским архитектором городской Думой Новороссийска в 1896 г. В 1904 г. убил в ссоре турецкого консула в Новороссийске Хюдай-Бея, был отправлен в тюрьму. Дальнейшая судьба не установлена.

Кольс Р. Е. — руководитель экспедиции Всероссийского географического общества на Север. — 120

Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) — русский поэт. — 60, 81

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) — русская актриса. — 70, 71, 94

Кондаков Борис Александрович — *тосненский житель, расстрелян немцами в Шапках в 1941 году.* — 167

Кондратенко Роман Исидорович (1857–1904) — генерал-лейтенант, в Русско-японскую войну успешно руководил сухопутной обороной Порт-Артура, убит при артиллерийском обстреле. — 77

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — русский юрист и общественный деятель. — 4, 74

Кононов Александр Дмитриевич (1862–1928) — образование получил в Коммерческом училище, потомственный почетный гражданин, коммерции советник, член Совета Санкт-Петербургского общества взаимного кредита, председатель Комитета Лесной биржи, совладелец торгового дома «А. Д. Кононов». Кононов владел домом на Фурштатской улице, 33, и несколькими земельными участками в Шлиссельбургском уезде общей площадью 11845 десятин. Участвовал в общественной жизни уезда, был почетным мировым судьей и гласным Шлиссельбургского уездного собрания. Занимался благотворительностью, в частности, подарил «Волшебный фонарь» земской школе в деревне Нечеперть Шапкинской волости, жертвовал на нужды школ епархии. Жена — Екатерина Платоновна Вакар. Дети: Екатерина, Александр, Мария, Платон, Александра, Любовь, Надежда, Дмитрий. — 5

Кононова Екатерина Платоновна — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер, дочь П. А. Вакара и М. П. Вакар, урожденной Марковой. В 1882 году окончила Смольный институт. Муж — Александр Дмитриевич Кононов. У четы Кононовых было 8 детей: Екатерина, Александр, Мария, Платон, Александра, Любовь, Надежда, Дмитрий. Екатерина Платоновна умерла при рождении младшего сына Дмитрия. Потомки Кононовых, в том числе и по женской линии, живут в Москве, Санкт-Петербурге, Зеленограде, Ульяновске, Финляндии. — 34, 191, 192

Копьев Александр Данилович (1767–1846) — генерал, землевладелец, купивший у А. Д. Балашова 2000 десятин земли из состава имения Шапки. Известный в свое время литератор, переводчик, автор комедии «Лебедянская ярмарка». В столице он слыл весельчаком и острословом, о проделках которого ходило множество анекдотов. Сосед по имению Балашовых и Дубянских. — 159

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал, стоял во главе «корниловского» мятежа в августе 1917 года. Активный участник Белого движения. — 112, 113

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — русский писатель. — 28

Корф Павел Леопольдович (1837–1913) — барон, действительный статский советник, предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда (1878–1881). Владелец мызы Марисельской (Ириновка) в Шлиссельбургском уезде. Первый председатель Санкт-Петербургского центрального комитета «Союза 17 октября». Знакомый В. П. Маркова по Шлиссельбургскому уезду. — 22, 87, 147

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — историк, писатель. — 57

Котов Иван Иванович — житель Шлиссельбурга, знакомый семьи Марковых. Занимался благотворительностью, в частности пожертвованиями в пользу Шапкинского приемного покоя. — 30

Котони — итальянский вокалист. — 130

Кравченко Н. И. — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Кравчинская Вера Александровна — дочь Александра Григорьевича и Веры Платоновны Стырикович, двоюродной сестры О. В. Ольденборгер. Муж Ю. Д. Кравчинский. Дети: Дмитрий и Александр. См. Стырикович В. А. — 94

Кравчинский Дмитрий Михайлович (1857–1918) — русский лесовод. Окончил Петербургский лесной институт (1877). Известен своей научно-практической деятельностью в Лесной школе в Лисинском лесничестве, в котором работал в течение 35 лет. Разработал оригинальный метод постепенных рубок в елово-лиственных лесах в целях восстановления ельников. Ввел понятие хозяйственных типов насаждений и одним из первых осуществил лесоустройство с учетом этих категорий. Брат Сергея Михайловича Кравчинского (Степняка-Кравчинского). Свекор Веры Александровны Кравчинской, урожденной Стырикович. Бывал в имении Марковых «Александровка». — 5, 94

Кравчинский (Степняк-Кравчинский) Сергей Михайлович (1851–1895) — революционер-народник, писатель. Дядя Юрия Дмитриевича Кравчинского, женатого первым браком на Вере Александровне Стырикович, родственнице Ольги Владимировны Ольденборгер. — 94

Кравчинский Юрий Дмитриевич — сын Д. М. Кравчинского, племянник Степняка-Кравчинского С. М. Первая жена — Стырикович Вера Александровна. Отец и сын Кравчинские бывали в гостях у Марковых в имении «Александровка». Вторая жена — Елизавета Николаевна Сретенская. — 5, 94

Краснокутский — профессор Петербургской консерватории. — 73

Крачковский И. Е. — художник, академик Академии художеств, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 58, 69

Крейслер Фриц (1875–1962) — австрийский скрипач, композитор. — 130

Криг — эстонский хуторянин, учитель в частной эстонской школе. — 38

Крон — владелец сахарного завода на Выборгской стороне в Петербурге. — 15

Кропивницкий Марк Лукич (1840–1910) — украинский драматург, актер, один из основателей украинского реалистического театра, антрепренер. — 55

Кропоткин Петр Александрович (1842–1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. — 93

Кротковы — соседи Бутурлиных по имению в Симбирской губернии. — 63

Кротов Маркс — пионер из школы села Доброе, казнен немцами за помощь партизанам. Его именем названа улица в поселке Шапки. — 168, 170, 171

Крыжицкий К. Я. — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — политический и военный советский деятель. — 119

Кудрявцева Вера Федоровна — жительница поселка Шапки. — 98

Кузнецов Гаврила — дед Гаврила, житель деревни Староселье. — 6, 146

Кузьмин Владимир Иванович — жил в детстве на хуторе «Царицына гора» Шапкинской волости. — 122

Кузьмин Виктор Иванович — жил в детстве на хуторе «Царицына гора» Шапкинской волости. — 122

Кузьмин Иван Иванович — железнодорожник, житель Шапкинской волости. — 122

Кузьмин Петр Иванович — железнодорожник, житель Шапкинской волости. — 122

Куинджи Архип Иванович (1841–1910) — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Куковерова Нина — юная партизанка, ленинградская школьница, которую война застала на даче в деревне Нечеперть Шапкинского сельсовета. Была казнена немцами за партизанскую деятельность в Псковской области. Её именем названа улица в поселке Шапки. — 170

Купша Альберт — пионер из школы села Доброе, казнен немцами за помощь партизанам. — 168

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии, в 1898–1904 годах военный министр, в Русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом. — 76

Курочкин Александр — житель села Шапки, владелец «Чайной». — 166

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) — живописец, график, театральный художник. — 93

Кюбар Павел — латыш, работник в усадьбе Марковых «Александровка» и усадьбе О. В. Ольденборгер «Царицына гора». — 86, 97

Лагевист Фридрих — эстонец, егерь, жил с женой и дочерью на Царицыной горе. — 91, 95

Лагорио Л. Ф. (1827–1905) — русский художник, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Лазарева Ефросинья Дмитриевна — жительница деревни Староселье. — 98

Лайминг (фон) Борис Георгиевич (1897–1981) — друг Владимира Ольденборгера и сосед по даче. Дед и бабушка Бориса — Николай Николаевич и Аделаида Львовна Эрк — имели свою дачу на холме между Нижним прудом и Мельничным ручьем. Их дочь, Мария Николаевна, в 1892 году вышла замуж за Георгия Михайловича Лайминг. Борис был их единственным сыном. Жил в Шапках на даче деда Н. Н. Эрк. — 186

Лайминг (фон) Георгий Михайлович (1865–1958) — генерал-лейтенант. Георгий Михайлович родился в Путивле, окончил Владимирский кадетский корпус в Киеве и Павловское военное училище в Петербурге. По окончании Павловского училища служил в лейб-гвардии Финляндском полку, затем был офицером-воспитателем в Николаевском кадетском корпусе и воспитателем Великого князя Александра Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского и Великого князя Дмитрия Павловича. Был штаб-офицером и генералом при Главном управлении военно-учебными заведениями. После 1912 года — управляющий делами Великого князя Дмитрия Павловича. В Петербурге семья Лайминг проживала на Офицерской улице, дом 23, на Галерной улице, дом 69, и на Невском проспекте, дом 4. После революции Г. М. Лайминг эмигрировал с семьей в Париж, а в 1930-х годах переехал в Америку. Умер в Лос-Анжелесе на 93-м году жизни. В эмиграции в Америке — председатель объединения офицеров лейб-гвардии Финляндского полка и почетный председатель общества русских офицеров в Лос-Анжелесе. Бывал в Шапках с семьей на даче тестя Н. Н. Эрк. — 186

Лайминг (фон) Мария Николаевна — дочь Н. Н. и А. Л. Эрк. Бывала в Шапках с семьей на даче у родителей. Муж — Георгий Михайлович фон Лайминг, сын — Борис. По воспоминаниям родственников Г. М. Лайминга, Мария Николаевна была фрейлиной императрицы Марии Федоровны. — 186

Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946) — график и живописец. — 93

Ларин Петр Данилович — купец, на завещанные средства которого была организована 4-я (Ларинская) гимназия в Петербурге. — 17

Лейкин Николай Александрович (1841–1906) — писатель, журналист и издатель. В романах, повестях, рассказах описывал главным образом купеческий быт. В 1882–1905 годах издавал юмористический журнал «Осколки», в журнале публиковал свои рассказы молодой А. П. Чехов. Лейкин был владельцем усадеб Усть-Тосно и Медное (Мустолово) в Шлиссельбургском уезде, избирался гласным Шлиссельбургского уездного земства. В Усть-Тосно у Лейкина бывал Чехов. Н. А. Лейкин дружил с В. П. Марковым и часто гостил у него в имении «Александровка». — 4, 30, 193

Лемке Лиза — представитель Народного союза Германии по уходу за воинскими захоронениями за рубежом. — 147

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — революционер, организатор Российской социал-демократической партии, основатель Советского государства. — 22, 108, 109, 110, 111, 114, 119, 165

Леонтьев Сергей Федорович — сын Федора Леонтьева, житель деревни Староселье. — 146

Леонтьев Федор — житель деревни Староселье Шапкинской волости, рабочий Путиловского завода. В деревне Белоголово и поселке Шапки жили его родственники: Леонтьев Василий Леонтьевич, Леонтьев Александр Васильевич, Леонтьев Иван Васильевич, Леонтьев Николай Васильевич с семьями. Ивана Леонтьева, когда он был еще мальчишкой, Федор Леонтьев устроил учеником на Путиловский завод. — 5, 6, 78, 79, 99, 107, 108, 110, 111, 146, 162

Лепик — семья эстонских хуторян-переселенцев из Эстляндии (Эстонии). — 38

Лидин Иллиодор Васильевич — музыкант, валторнист Панаевского театра, друг Г. П. Маркова. Жил в имении «Александровка». — 27, 30, 34, 72

Лилуша — дочь Елизаветы Меркурьевны и Людвига Францевича Бем (См. Бем Лилуша). — 44, 193

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — политический деятель. Писатель. С 1930 года академик АН СССР. — 126

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, помещик, юрист, земский деятель. Министр-председатель и министр внутренних дел в первых двух составах Временного правительства. — 111

Мазини Анджело (1844–1926) — итальянский вокалист (тенор). — 130

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) — русский поэт. — 74

Майн Рид — Рид Томас Майн (1818–1883) — английский писатель. — 76

Майоров Филипп Николаевич — участник Русско-японской войны, погиб под Мукденом, житель деревни Староселье Шапкинской волости. — 6, 77

Маковский Александр Владимирович (1869–1924) — русский художник. Академик Академии художеств с 1911 года. Участник «Мюссаровских понедельников». — 75

Мамонтова Мария Васильевна — врач, первая жена В. А. Ольденборгера. См. Ольденборгер М. В. — 123, 183

Марков Александр Александрович — сын Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродный брат автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 30

Марков Александр Петрович (1824 — ум. 7 декабря 1872) — капитан Драгунского полка, дядя О. В. Ольденборгер. В разных источниках указываются разные года рождения — 1824 и 1828. Жена — Софья Ивановна (ум. 1906). Дети: Георгий, Иван, Софья, Александра и Петр. О судьбе этой ветви рода Марковых подробных сведений найти не удалось. — 15, 30, 95, 183

Марков Владимир Петрович (1837–1910) — действительный статский советник, председатель Земской управы Шлиссельбургского уезда и председатель Земской управы Санкт-Петербургской губернии, первый редактор журнала «Санкт-Петербургский земской вестник», владелец имения «Александровка». Член от Санкт-Петербургского дворянского собрания в отделении Государственного дворянского земельного банка, депутат Дворянского собрания. Родители — П. И. Марков и Л. А. Маркова, урожденная Дубянская. Жена — А. А. Дорошенко. Дети: Ольга (автор воспоминаний), Вера и Николай. В 1900-х годах В. П. Марков жил в Петербурге на Ивановской улице, дом 4 (современный адрес — Социалистическая улица). Похоронен В. П. Марков в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 3, 15, 17, 18, 20–30, 39, 45, 74, 87, 90, 94, 95, 98, 101, 160, 161, 162, 178, 179, 183, 185–188, 193

Марков Георгий Александрович — сын Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродный брат автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 30

Марков Георгий Петрович (1841? — 4 августа 1895) — штабс-ротмистр, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Гласный Шлиссельбургского уездного земства и почетный мировой судья. Активно участвовал в общественной жизни Шапкинской волости и Шлиссельбургского уезда. Занимался благотворительностью. После смерти матери Л. А. Марковой в 1891 году стал совладельцем имения «Александровка». 800 десятин земли после его смерти отошли к племяннику Николаю Владимировичу Маркову. Дядя О. В. Ольденборгер. Год рождения Георгия — 1841, встречающийся в литературе, вызывает сомнения, так как в воспоминаниях О. В. Ольденборгер называет Александра и Георгия старшими братьями Владимира Петровича Маркова (1837–1910). Похоронен Г. П. Марков в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой

Богородицы на Покровской площади. Захоронение не сохранилось. — 15, 26, 27, 30, 34, 39, 41, 95, 161, 162, 178, 183

Марков Иван Александрович (ск. в 1897) — сын Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродный брат автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 30

Марков Николай Владимирович — статский советник, товарищ прокурора Либавского окружного суда, гласный Шлиссельбургского уездного земства в 1910-х годах. Судьба Н. В. Маркова после революции не выяснена. Младший брат О. В. Ольденборгер. — 33, 35, 34, 95, 162, 179, 181

Марков Петр Александрович — сын Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродный брат автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 30

Марков Петр Иванович (1792–1868) — тайный советник. По окончании гимназии в 1811 году он служил в Министерстве полиции, а в 1817 году перешел в Департамент путей сообщения, где работал в контрольной экспедиции. В 1823 году состоял в невысоком чине коллежского асессора. В 1837 году дослужился до коллежского советника, в 1846-м — получил звание действительного статского советника. О. В. Ольденборгер упоминает еще одно место службы деда — чиновник Министерства внутренних дел. В 1859 году по состоянию здоровья П. И. Марков ушел в отставку с пенсионом в 857 рублей в год. Служба П. И. Маркова была отмечена государственными наградами: орденами Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени. Жена — Любовь Александровна Дубянская (по воспоминаниям автора, П. И. Марков женился на Л. А. Дубянской в 1825 году, по данным Мурашовой Н. В. — в 1823 году). Дед автора по воспоминаниям О. В. Ольденборгера похоронен на Смоленском православном кладбище СПб. На памятнике была сделана надпись: «Доброму мужу и отцу от признательных сыновей». — 15, 19, 178, 183

Маркова Александра Александровна — дочь Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродная сестра автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 30

Маркова Анна Александровна (1851?–1919) — жена Владимира Петровича Маркова, мать автора воспоминаний О. В. Ольденборгер, В. П. Ильиной (в первом браке Бутурлиной) и Николая Владимировича Маркова. См. Дорошенко Анна Александровна. — 3, 5, 31, 34, 35, 37, 46, 95, 118, 161, 162, 179, 185, 187, 191

Маркова Вера Владимировна — младшая сестра О. В. Ольденборгер. Окончила Смольный институт. Первый муж — С. А. Бутурлин, второй — А. А. Ильин. Сын от первого брака — Александр. Последняя владелица части имения и усадьбы «Александровка» близ деревни Надино Шапкинской волости. Блокадница. См. Бутурлина В. В., Ильина В. В. — 33, 35, 56, 57, 64, 65, 192

Маркова Любовь Александровна (1807? — 16 апреля 1891) — бабушка О. В. Ольденборгер, правнучка протоиерея Ф. Я. Дубянского. Владелица имения «Александровка». Муж — Петр Иванович Марков. Дети: Александр, Георгий, Владимир, Мария и Надежда. Похоронена Л. А. Маркова в Шапках под сводами церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Захоронение не сохранилось. См. также Дубянская Л. А. и бабушка. — 3, 11, 41, 68, 69, 73, 160, 178, 183

Маркова Мария Петровна (1827?-1900) — тетя О. В. Ольденборгер, старшая сестра Владимира Петровича Маркова. Муж — Платон Алексеевич Вакар. См. Вакар М. П. — 15, 17, 47, 183

Маркова Надежда Петровна (1832-1856) — тетя О. В. Ольденборгер, сестра Владимира Петровича. Муж — Василий Романович Желтухин. Сын — Василий Васильевич Желтухин. См. Желтухина Н. П. — 15, 17, 183

Маркова Ольга Владимировна (1871-1964) — автор воспоминаний, старшая дочь Владимира Петровича Маркова и Анны Александровны, урожденной Дорошенко. Муж — Александр Иванович Ольденборгер. Дети: Владимир и Александр. После 1910 года владелица части имения «Александровка» с усадьбой на «Царицыной горе». Преподаватель иностранных языков в ЛМИ-2 (Ленинградский второй медицинский институт). Блокадница. Похоронена на Серафимовском кладбище в Ленинграде. См. Ольденборгер О. В. — 35, 48, 162, 191, 192

Маркова Софья Александровна (1843-1896) — дочь Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых, двоюродная сестра автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. В замужестве Софья Александровна Плен. — 30

Маркова Софья Ивановна (ум. 1906) — жена Александра Александровича Маркова. Дети: Георгий, Иван, Петр, Александра, Софья. — 30, 183

Марковин — учитель русского языка в 10-ой классической гимназии СПб. — 91

Марковы-родители автора воспоминаний О. В. Ольденборгер и члены семьи Марковых — 19, 34, 162, 194

Марфа — инокиня, по легенде инокиня Марфа была похоронена на «Царицыной горе» близ Шапок, где находился в XVI-XVII веках женский Успенский монастырь. См. Собакина Марфа. — 43

Массне Жюль (1842-1812) — французский композитор. — 150

Матэ В. В. (1856-1917) – художник-гравер, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1827-1878) — русский государственный деятель, с 1864 года — начальник корпуса жандармов, с 1876 года — шеф жандармов. Корпус жандармов с 1827 по 1917 год выполнял в России роль политической полиции. Убит С. М. Степняком-Кравчинским. — 94

Мейнингенский герцог — владелец театра из Германии. — 46

Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844-?) — барон, генерал от инфантерии. С 1906 года — начальник карательной экспедиции на Сибирской железной дороге. — 86

Мельников Иван Александрович (1832-1906) — русский певец (баритон). Солист и режиссер Мариинского театра. — 130

Мёнт Нина — актриса Парижского драматического театра, гастролировавшего в Петербурге. — 46

Меншиков Александр Данилович (1673-1729) — сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), генерал-губернатор Ингерманландской губернии. — 13, 14, 157

Миленушкин Ю. И. — автор журнальных статей о С. А. Бутурлине. — 150

Милюков Павел Николаевич (1859-1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Министр иностранных дел во Временном правительстве. Эмигрировал после революции. — 105, 109

Михаил Александрович (1878-1918) — Великий князь, брат Николая II. В 1917 году после отречения Николая II в его пользу отказался от престола до решения Учредительного собрания. В марте 1918 года по решению Совета народных комиссаров выслан в Пермь, в июне 1918 года расстрелян. — 105

Михаил Павлович — Великий князь, сын Павла I. — 100

Михаил Федорович (1596-1645) — русский царь с 1613 года, первый царь из рода Романовых. — 16

Михайлов — возможно, псевдоним русского писателя Александра Константиновича Шелера (1838-1900), писавшего популярные романы на злободневные темы. Друг Дорошенко Н. А. — 31

Михайловский Марк Николаевич — студент-зоолог. Спутник С. А. Бутурлина в экспедиции на Север. — 60

Мицкевич Адам (1798-1855) — польский поэт. — 27

Мичурин Иван Владимирович (1855-1935) — биолог и селекционер. — 38

Мозель — пастор. — 57

Морозов Петр Осипович — профессор, преподававший историю театра в Театральном училище. Знакомый семейства Марковых. — 46

Муравьев Владимир Леонидович (1861-1940) — граф, художник-пейзажист, участник «Мюссаровских понедельников». — 75

Мурашова Нонна Васильевна (Глинка) — искусствовед, автор многочисленных публикаций и книг о дворянских усадьбах Санкт-Петербургской губернии. — 13, 95, 101

Муратов — садовник в имении Шапки. — 40

Муретова Светлана Евгеньевна — вдова Александра Алексеевича Муретова и хранительница семейного архива семьи Муретовых, потомков по женской линии Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны Вакар, урожденной Марковой. Мария Петровна

Вакар — тетушка автора воспоминаний О. В. Ольденборгер. — 6, 184, 192

Мыслина Лина Петровна — член Всероссийского объединения ландшафтных архитекторов, *соавтор Мурашовой Н. В. по серии книг «Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии»*. Обследовала парки в имениях «Шапки» и «Александровка». — 13, 95

Мюссар Е. И. — тайный советник, организатор художественных вечеров Общества для вспомоществования сиротам и семействам художников, требующих призрения, которые после его смерти стали называться «Мюссаровскими понедельниками». — 69

Мясоедоев Александр Исидорович (Сидорович) — земский врач Шлиссельбургского уезда, друг семьи Марковых. — 26

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) — русский поэт. Друг Дорошенко Н. А. — 31, 73

Наполеон — Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский император (1804–1814 и в марте–июне 1815). — 139

Наумович Владимир Васильевич (1892–1971) — житель села Шапки, председатель Шапкинского сельсовета в 1930-х годах, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. — 163

Небогатов — русский адмирал, участник Русско-японской войны. — 76

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878) — русский поэт. — 18, 19, 98

Нерман (Неэрманн) Яков (Якоб) Петрович (1882–1963) — уроженец и житель села Покровское (Шапки), владелец сельского магазина, организатор Шапкинской пожарной дружины и самодеятельного театра при ней, издатель почтовых открыток с видами Тосно, Шапок и их окрестностей. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Энтомолог и врач. Краевед, собиравший материалы об эстонских переселенцах на Кавказе. После Гражданской войны жил на Кавказе, а после Великой Отечественной войны вернулся на историческую Родину, в Эстонию, и жил в Таллине. Похоронен в Таллине на кладбище в Нымме. — 6, 163, 164, 184, 194

Нерман Нина Альвиновна, по мужу Зубкова (1931 г.р.), — врач, внучка Я. П. и С. Ф. Нерман. Живет в Москве. См. также Зубкова Н. А. — 6

Нерман Софья Федоровна (Теодоровна) — жена Я. П. Нермана. До революции руководила самодеятельным театром в Шапках. Владелица сельского магазина. В начале 1930-х годов была раскулачена и выслана в Хибиногорск. Погибла при артобстреле в блокадном Ленинграде. Жители Шапок часто называли ее и Софьей Ивановной. — 166

Нечаев Иван Алексеевич — певец, заслуженный артист РСФСР (1939). И. А. Нечаев руководил небольшой оперной труппой бло-

кадного театра, которая состояла из артистов Кировского театра, оставшихся в блокадном Ленинграде. Знакомый М. Т. Дулова и О. В. Ольденборгер. — 4, 150

Николай II (1868–1918) — последний российский император (1894–1917). — 23, 105

Нуйя Павлина Максимовна — старожил деревни Надино. — 7

Оболенская Александра Алексеевна — основательница первой частной женской гимназии в Петербурге. — 34

Ольденборгер Александр Александрович (1896–1948) — участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, младший сын Александра Ивановича Ольденборгера и Ольги Владимировны, урожденной Марковой. Жена — Анна Доломановна. Приемный сын — Анатолий. Похоронен А. А. Ольденборгер на Серафимовском кладбище в Ленинграде. — 79, 90, 91, 92, 93, 98, 100, 103, 104, 112, 114, 115, 118, 123, 124, 125, 132, 139, 144, 148, 149, 163, 164, 183, 189, 190

Ольденборгер Александр Иванович (18?–1919) — инженер-технолог, работавший в городских управах Ростова-на-Дону и Санкт-Петербурга. Под его руководством строилась набережная в Ростове. Он был одним из первых инженеров в России, применивших бетонные конструкции при строительстве зданий, мостов и рельсовых дорог, занимался прокладкой трамвайных путей в СПб. В 1911 г. в Петербурге по его проекту был построен доходный дом в стиле модерн на 16-ой линии Васильевского острова, дом 25 корпус Б. А. И. Ольденборгер проектировал и руководил строительством железнодорожной ветки Тосно–Шапки. Александр Иванович был младшим сыном Иоганна (Йохана) Ольденборгера. По семейным преданиям, семья Ольденборгер переехала в Ростов в 1850 году из Швеции. По русской традиции Иоганна стали называть Иваном. Дети И. Ольденборгера — Владимир, Александр, Надежда и Варвара — были крещены по православному обряду, хорошо знали русский язык и получили достойное образование. Жена — автор воспоминаний Ольга Владимировна Маркова. Дети: Владимир и Александр. — 5, 53, 54, 66, 67, 80, 86, 87, 88, 89, 90, 96, 97, 99, 105, 106, 110, 114, 118, 162, 183, 186–188, 193, 194

Ольденборгер Анатолий Александрович — приемный сын Анны Александровны и Александра Александровича Ольденборгер. — 183, 190

Ольденборгер Анна Доломановна — медсестра, жена Александра Александровича Ольденборгера. — 124, 125, 144, 148, 183

Ольденборгер Варвара Ивановна (в замужестве Карлинская) — младшая сестра Александра Ивановича Ольденборгера. Получила музыкальное образование в Московской консерватории. Сын, Андрей Карлинский, погиб в годы Великой Отечественной войны под Ленинградом. — 54, 55, 81, 187

Ольденборгер Владимир Александрович (4 июля 1894–1943) — участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Автор книги «Дирижаблестроение за рубежом». Старший сын Александра Ивановича Ольденборгера и Ольги Владимировны, урожденной Марковой. Первая жена — Мария Васильевна Мамонтова, вторая — Ксения Георгиевна Сацыперова. Дочь от второго брака — Ирина. В. А. Ольденборгер жил с семьей в Москве и в подмосковном Лианозово (Савеловская железная дорога). В. А. Ольденборгер умер в Подмосковье в 1943 году, место захоронения неизвестно. — 79, 90, 91, 92, 93, 94, 98, 100, 103, 104, 115, 116, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 126, 129, 139, 144, 145, 148, 163, 164, 183, 186, 187, 189, 190, 191

Ольденборгер Владимир Иванович — брат Александра Ивановича Ольденборгера. — 187, 190

Ольденборгер Иоганн (Иван) — отец Александра Ивановича Ольденборгера. — 187, 190

Ольденборгер Ирина Владимировна (1929 г. р.) — дочь В. А. Ольденборгера и К. Г. Сацыперовой. И. В. Ольденборгер окончила Московский библиотечный институт. Работала в Москве в Институте экономики, а затем — в Библиотеке имени В. И. Ленина. Сейчас на пенсии, живет в Москве. Внучка О. В. Ольденборгер. — 5, 6, 89, 183, 184, 187, 188, 193, 194

Ольденборгер Ксения Георгиевна, урожденная Сацыперова, — филолог, сотрудник издательства Академии наук. Дочь Георгия Павловича Сацыперова и Надежды Ивановны, урожденной Ольденборгер. Племянница Александра Ивановича Ольденборгера. Вторая жена Владимира Александровича Ольденборгера. Владимир Александрович и Ксения Георгиевна были двоюродными братом и сестрой. Дочь — Ирина Владимировна Ольденборгер. См. Сацыперова К. Г. — 183, 187, 191

Ольденборгер Мария Васильевна, урожденная Мамонтова (ск. в 1928 г.), — врач-фтизиолог, работала в тубдиспансере в Москве. Первая жена Владимира Александровича Ольденборгера. Познакомилась с будущим мужем в Петрограде и переехала с ним в Москву. Жили Ольденборгеры на съемной квартире на Арбате. См. Мамонтова М. В. — 123, 125

Ольденборгер Надежда Ивановна, в замужестве Сацыперова, — сестра Александра Ивановича Ольденборгера, мать Ксении Георгиевны Сацыперовой. Муж — Георгий Павлович Сацыперов. Дети: Людмила, Ксения, Константин, Павел и Юрий. См. Сацыперова Н. И. — 84, 187

Ольденборгер Ольга Владимировна (1871–1964) — автор воспоминаний «Странички прошлого», последняя владелица усадьбы «Царицына гора». См. также Маркова О. В. — 3, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 16, 17, 22, 26, 30, 36, 42, 55, 72, 76, 88, 96, 101, 107, 129, 130, 133, 137, 146, 148, 150, 152, 162, 163, 170, 179, 183, 184–187, 189–195

Ольденбургский Петр Георгиевич — принц, попечитель Императорского училища правоведения. — 36, 78, 112

Омелюстый — инженер, секретарь Народной читальни имени Кольцова в Ростове-на-Дону. — 60

Оприц — инженер, председатель на заседании строительного отдела Русского технического общества. — 89

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, академик АН СССР, директор Эрмитажа (1934–1951). Под руководством Орбели в Эрмитаже работал А. А. Ильин. — 4, 140, 144

Островский Николай Александрович (1823–1886) — русский драматург. — 58, 101, 102

Отс Эмма — эстонка, жена Юрия Отса, работница в имении Марковых и усадьбе О. В. Ольденборгер «Царицына гора». — 97

Отс Юрий — эстонец, работник в имении Марковых и усадьбе О. В. Ольденборгер «Царицына гора». — 97

Офонасов Сенка — житель деревни на Долгом озере. — 155

Панаев Валериан Александрович — путейский инженер, один из строителей Николаевской железной дороги по Северной дирекции, создатель Панаевского театра в Петербурге. В Любани в Петропавловской церкви на мемориальной доске в честь строителей Николаевской железной дороги значится и его фамилия — В. Панаев 2-й — и фамилия его брата — И. Панаев 1-й. — 27

Парменов — член Военно-революционного комитета воздушных частей. — 116, 189

Петр I (1672–1725) — русский царь с 1682 года, первый российский император с 1721 года. — 11, 13, 14, 16, 20, 57, 68, 148, 156, 157

Петр II (1715–1730) — император с 1727 года, внук Петра I. — 13

Петр Федорович (1728–1762) — Великий князь, российский император Петр III с 1761 года. Внук Петра I. — 12

Петрококино Иван (Жан) Фемистоклович — сын Ф. И. Петрококино. В 1913 году был директором табачной фабрики в Петербурге «А. Н. Богданов и К°». Председателем правления фабрики был его дядя, Дмитрий Иванович Петрококино. Проживал И. Ф. Петрококино на Миллионной улице, 1–7. — 42, 180

Петрококино Фемистокл Иванович (1849–1911, по др. данным — 1912) — выходец из купеческой семьи одесских греков, действительный статский советник. Председатель правления общества «Каспийской мануфактуры», русский финансовый агент в Париже, учредитель Российского золотопромышленного общества и «Амгунской золотопромышленной компании», крупный держатель акций Петербургского международного коммерческого банка, почетный попечитель детского приюта Святой Ольги в Санкт-Петербурге. Владелец имения «Шапки». По инициативе Петрококино была благоустроена грунтовая дорога Тосно–Шапки и проложена железнодорожная ветка Тосно–Шапки. Сосед по Шапкинской волости Шлиссельбургского уезда семей Марковых

и Ольденборгер. В Петербурге проживал на Екатерининском канале, 15. Братья — Алквиад и Дмитрий Иванович Петрококино. Сын — Иван (Жан) Петрококино. — 21, 38, 40, 41, 42, 161, 162, 180

Пиликина Мария Александровна — дочь Александра Алексеевича и Светланы Евгеньевны Муретовых. Хранительница семейного архива семьи Муретовых. Потомок Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны Вакар, урожденной Марковой. — 6, 192

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — государственный деятель, ученый-правовед. Обер-прокурор Синода в 1880–1905-х годах. Преподавал законоведение и право наследникам престола, будущим императорам Александру III и Николаю II. Имел исключительное влияние на Александра III. Один из инициаторов контрреформ 1880–1890-х годов. Автор курса «Гражданского права» в 3-х томах (1896). — 76

Позерн Борис Павлович (1882–1939) — советский партийный и государственный деятель, комиссар Северного фронта (1917). — 116, 189

Покрасс Дмитрий Яковлевич (1899–1978) — композитор, народный артист СССР (1975). — 128

Полков — инженер-строитель железной дороги Тифлис–Батуми. — 52

Полонская Жозефина Антоновна — жена Я. П. Полонского, организатор вечеров-«понедельников» в память мужа. — 74

Полонский Яков Петрович (1819–1898) — русский поэт. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1886). Сослуживец П. А. Вакара и знакомый В. П. Маркова. — 74

Полынский Андрей Николаевич — потомок Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны Вакар, урожденной Марковой. Хранитель архива семьи Акимовых. Надежда Платоновна Акимова, урожденная Вакар, дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар — прабабушка А. Н. Полынского. В 2008 году он посетил родные места своих предков Дубянских–Марковых. Занимается изучением родословной Акимовых, Дубянских, Вакаров, Кононовых, Марковых, Полынских, Стыриковичей, русской ветви графов де Тулуз-Лотрек. — 6, 184

Поляков Михаил Александрович — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Полякова Любовь Александровна — старожил села Шапки. — 7

Попов — товарищ А. С. Бутурлина по экспедиции. — 63

Пополев Николай Филиппович — крестьянин Шапкинской волости, работавший в Шлиссельбурге, был выслан из уездного города на 3 года за революционную пропаганду. Был председателем Шлиссельбургского Укомзема (уездного земельного комитета) в 1920-х годах. Н. Ф. Пополев был репрессирован в конце 1930-х годов, реабилитирован посмертно. — 162, 164

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник Екатерины II. — 15

Преображенская Софья Петровна (1904–1966) — советская певица (меццо-сопрано), народная артистка СССР (1955). — 137

Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) — русский писатель. Знакомый по охоте С. А. Бутурлина. — 120

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт. — 27

Рабинович Ефрем — журналист, знакомый О. В. Ольденборгер. — 114

Рабинович Мориц — журналист, знакомый О. В. Ольденборгер. — 114

Рагинский — сотрудник Петербургской городской управы, сослуживец А. И. Ольденборгера. — 89

Родивонов Палка — житель сельца Шапки в годы правления Ивана III. — 155

Разумовский (Розум) Александр Григорьевич (1709–1771) — граф, генерал-фельдмаршал. Из украинских казаков. Морганатический тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны. — 11

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916) — крестьянин Тобольской губернии, ставший фаворитом Николая II и его жены Александры Федоровны, в качестве провидца и целителя приобрел неограниченную власть над царской четой. Убит Распутин во Дворце Юсуповых в Петербурге группой заговорщиков, считавших влияние Распутина на царскую семью губительным для России. — 101

Рашевская Наталья Сергеевна (1893–1962) — дочь С. А. Рашевского, актриса и режиссер, народная артистка РСФСР. — 77

Рашевская Полина (Поликсена) — жена С. А. Рашевского и племянница известного художника Ю. Ю. Клевера. — 77

Рашевский Сергей Александрович (1866–1904) — полковник инженерных войск, погиб во время обороны Порт-Артура 2 декабря 1904 года вместе с генералом Кондратенко в результате обстрела форта японской тяжелой артиллерией. Во время Русско-японской войны вел дневник, подробно отражавший ситуацию в Порт-Артуре. Военное ведомство выкупило «Дневник» у семьи Рашевских и передало его в архив в запечатанном виде. И только в 1954 году он был опубликован. Знакомый семьи Марковых. Бывал в «Александровке» вместе с женой Полиной (Поликсеной) Бартоломей, племянницей известного художника Юлия Юльевича Клевера. Старшая дочь — Наталья (1893–1962), актриса и режиссер театра и кино, народная артистка РСФСР (1957). Младшая дочь — Зинаида (1898–1963), в первом браке замужем за Петром Григорьевичем Елисеевым, представителем известного купеческого рода, после революции эмигрировала за границу, во втором

браке была замужем за Великим князем Борисом Владимировичем Романовым, второй брак был морганатическим, носила титул княгини Романовской. — 56, 77, 194

Рерих (Рерих) Николай Константинович (1874–1947) — художник-живописец, археолог, путешественник, писатель, член Общества для оказания помощи семьям художников. — 69

Рессер А. С. — врач из Ростова-на-Дону, знакомый А. И. Ольденборгера. — 80

Рест Б. — соавтор книги «Подвиг Эрмитажа». — 138

Ризниченко Федор Петрович (1865–1922) — художник-пейзажист. В 1882–1883 годах посещал Академию художеств вольнослушателем. Учился в АХ у М. Клодта (1883–1892). Получил в 1885 году звание учителя рисования в «низших учебных заведениях». В 1887 и 1889 годах награжден двумя вторыми серебряными медалями. Окончил АХ в 1892 году со званием неклассного (свободного) художника, в том же году удостоен звания классного художника 3-й степени. Работал в мастерской Ю. Ю. Клевера, творчество которого оказало на него существенное влияние. Участвовал в петербургских выставках, выставках Товарищества художников и Товарищества передвижных художественных выставок. В 1911 году при осенней выставке в залах Императорской Академии художеств прошла его персональная выставка. Много путешествовал по России и за рубежом (Италия, Франция, Индия, Африка). Участник «Мюссаровских понедельников», некоторое время стоял во главе этого общества художников. Благодаря обществу «Мюссаровские понедельники» провел ряд персональных выставок (с 1914 года). Для произведений художника характерен насыщенный колорит и активные цветовые соотношения. Известен в первую очередь как пейзажист, активно использовавший эффект освещения. Произведения Ф. П. Ризниченко находятся во многих музеях и частных коллекциях России и Украины. «Вечереет», «Чаква», «Тропинка к хате». Гостил в имении «Александровка» и бывал здесь с друзьями на этюдах. — 4, 44, 69, 75

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский пианист, композитор, дирижер. Основатель Петербургской консерватории (1862). — 51, 73

Румянцев Николай Петрович (1754–1826) — граф, государственный деятель, дипломат. Собрал коллекцию книг и рукописей, которые легли в основу так называемого «Румянцевского музея». — 42

Рундальцев (Рундальцов) Михаил Викторович (1871–1935) — художник-гравер, академик АХ (1905), участник «Мюссаровских понедельников». Ученик Матэ В. В. — 75

Руффо Титта — итальянский вокалист. — 130

Рыжов Николай — пионер из школы села Доброе, казнен немцами за помощь партизанам. — 168

Рылов Аркадий Александрович (1870–1935) — художник-пейзажист. Ученик А. И. Куинджи. Вместе с другом художником

Химоной жил и работал в голицынском имении «Марьино». Жил на даче и работал в селе Шапки в конце 1930-х годов. Был знаком с художницей Е. С. Кавос-Зарудной и пианистом М. Т. Дуловым, бывавшими в имении Марковых «Александровка». — 70, 93

Савельев И. — депутат Шапкинского сельсовета, зверски замучен немцами в 1941 году. — 167

Савина Мария Гавриловна (1954–1915) — русская актриса. Служила в Александринском театре. Организатор и председатель Русского театрального общества. Основала «убежище для престарелых артистов» на Петровском острове СПб., ныне — Дом ветеранов сцены. — 71

Садовский Пров Михайлович (1874–1947) — театральный актер и режиссер, антрепренер. — 55

Саксаганский Панас Карпович (1859–1940) — украинский актер, режиссер, педагог, антрепренер. — 55

Самойлов Василий Васильевич (1813–1887) — русский актер, играл в Александринском театре, представитель актерской династии Самойловых, отец П. В. Самойлова. Знакомый семьи Марковых. — 4, 67, 71

Самойлов Павел Васильевич (1866–1931) — русский актер, представитель актерской династии Самойловых, заслуженный артист республики (1923). Знакомый семьи Марковых и Ольденборгер. Жил с семьей на даче в имении «Александровка». — 4, 55, 56, 58, 59, 60, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 82, 83, 94, 101, 103, 112, 115, 116, 118, 126, 127, 128, 129, 136, 186, 193, 194

Самойлова Варвара Александровна — жена П. В. Самойлова. Знакомая семьи Марковых и Ольденборгер. Жила с семьей на даче в имении «Александровка». — 67, 82, 83, 118, 127

Самусь Надежда Максимовна — жена юриста В. В. Беляева. Знакомая В. П. Маркова. — 18

Сацыперов Георгий Павлович — муж Надежды Ивановны Ольденборгер. Дети: Людмила, Ксения, Константин, Павел, Юрий — кузены Александра и Владимира Ольденборгер. — 85, 191

Сацеперов Константин Георгиевич — двоюродный брат сыновей О. В. Ольденборгер, Владимира и Александра. — 85

Сацеперов Павел Георгиевич — двоюродный брат сыновей О. В. Ольденборгер Владимира и Александра. Участник ВОВ, погиб в 1942 году под Брянском. — 139, 145

Сацыперова Ксения Георгиевна (во втором замужестве Ольденборгер) — филолог, сотрудник издательства Академии наук. Второй муж Владимир Александрович Ольденборгер. Дочь Ирина Владимировна Ольденборгер. См. также Ольденборгер К. Г. — 183, 187

Сацеперова Надежда Ивановна, урожденная Ольденборгер — сестра А. И. Ольденборгера. Муж Георгий Павлович Сацыперов.

Дети: Людмила, Ксения, Константин, Павел, Юрий. См. также Ольденборгер Н. И. — 84, 189

Святополк-Мирский Николай Иванович (1833–1898) — князь, генерал от кавалерии, участник Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн, войсковой наказной атаман Войска Донского. — 60

Семенов Василий — житель Великого Новгорода, его дети владели волостью на Вороньем озере, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 154

Семенов Есип — житель Великого Новгорода, который совместно с братьями владел волостью на Вороньем озере, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 154

Семенов Иван — житель Великого Новгорода, который совместно с братьями владел волостью на Вороньем озере, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 154

Семенов Исаак — житель Великого Новгорода, который совместно с братьями владел волостью на Вороньем озере, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 154

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827–1914) — географ, статистик, общественный деятель. Вице-председатель (с 1873 года) и председатель Русского географического общества. — 88

Серафим Саровский (1754–1833) — один из наиболее почитаемых на Руси святых. — 76

Сергеев — организатор Красного воздушного флота. — 126

Сергеев Николай Александрович (1855–1919) — художник, учился в Петербургской академии художеств у Л. Ф. Лагорио, в 1886 году получил большую серебряную медаль. С 1887 года — почетный свободный общник Академии художеств. Лучшими работами считаются: «Заглохшая речка», «Июнь», «Элегия», «Тучка набежала», «Крепнет ветер». Картины Сергеева отличаются интересными световыми эффектами, в пейзажи любил вносить элемент жанра. Одна из работ хранится в Государственном Русском музее. Участвовал в Обществе русских акварелистов, Товариществе художников. В 1889 году был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени в поощрении деятельности на художественном поприще. Академик пейзажной живописи (1910). Несколько картин написаны им в окрестностях имения «Александровка». — 4, 44, 69, 109

Сергий (ок. 1321–1391) — Сергий Радонежский, преподобный, чудотворец. Канонизирован Русской православной церковью. — 76

Скавронская Марта — будущая императрица Екатерина I. — 57

Скорняков А. А. — ученый лесовод, управляющий имением «Шапки» графини Воронцовой-Дашковой И. В. — 163

Скуба Алексей Васильевич — городской судья, семья которого жила в пригороде Ростова-на-Дону Нахичевани, знакомый семьи Ольденборгер по Ростову-на-Дону. — 60, 80

Скуба Серафима Терентьевна — жена А. В. Скубы. Знакомая О. В. Ольденборгер по Ростову-на-Дону. — 59, 60, 80

Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) — революционер, советский государственный деятель. — 120

Смирнов Д. А. — русский певец (тенор), участник «Мюссаровских понедельников». — 130

Смыслов Василий Васильевич (1921–2010) — шахматист, международный гроссмейстер, чемпион мира (1957–1958). Племянник М. Т. Дулова. Знакомый О. В. Ольденборгер. — 4, 137

Снитко Елизавета Михайловна (?–1920) — рано осиротевшая дочь небогатого дворянина, чиновника Министерства внутренних дел по военным поселениям в Старой Руссе Новгородской губернии. Муж — Александр Сергеевич Бутурлин. У четы Бутурлиных было пятеро детей: старший умер в детском возрасте, Сергей, Валериан, Дмитрий (?) и дочь Варвара, в замужестве Истомина. — 56

Собакина Марфа — инокиня Марфа. По легенде, ее могила находится в урочище Царицына гора. — 43

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — певец (лирический тенор). Крупнейший представитель русской вокальной школы. — 4, 83, 84, 107, 127, 129

Соколов Н. М. — архитектор, работавший в Ростове-на-Дону. — 53

Соловьев-Седой В. П. (1907–1979) — композитор, народный артист СССР. — 128

Сорокин Н. — член коллегии Временного революционного комитета воздушных частей. — 116

Сперанская Мария Алексеевна — курсистка-«бестужевка», преподавательница русского языка в Смольном институте. Подруга Анны Александровны Марковой, матери О. В. Ольденборгер. — 34, 35

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — художественный и музыкальный критик, почетный член Петербургской АН (1900). — 102

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — историк, публицист, общественный деятель, издатель. Старший преподаватель истории в Ларинской гимназии СПб. в те годы, когда там учился В. П. Марков. Редактор-издатель журнала «Вестник Европы», в котором печатался В. П. Марков. Гласный Санкт-Петербургской Городской думы. — 27

Стеклянский (Стеклянный) Антон — эстонский хуторянин, переселенец из Эстляндии (Эстонии). — 38

Степанов Александр Николаевич (1860–1911) — художник-акварелист, участник «Мюссаровских понедельников». Окончил в 1891 году Петербургскую академию художеств. Участвовал в Обществе русских акварелистов (1907–1917), весенних выставках в залах Императорской Академии художеств, Товариществе южнорусских художников (ТЮРХ). Гостил в имении «Александровка» и бывал здесь с друзьями на этюдах. — 4, 70, 75

Степанов Николай Глебович — крестьянин деревни Староселье, первым поставивший подпись о вступлении в колхоз. — 165

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851–1895) — революционер-народник, писатель. Дядя Юрия Дмитриевича Кравчинского, женатого первым браком на Вере Александровне Стыриковичь, родственнице Ольги Владимировны Ольденборгер. — 94

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) — русский генерал-лейтенант в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Командовал укрепрайоном в Порт-Артуре, сдал крепость противнику. Был приговорен к смертной казни, но помилован царем. — 76

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — государственный деятель, министр внутренних дел, с 1906 года — председатель Совета министров. — 96

Страшун Илья Давидович — врач больницы имени В. Куйбышева (Мариинская больница). Муж В. М. Инбер. — 141

Стырикович Александр Александрович (род. около 1879–?) — сын А. Г. Стыриковича и В. П. Вакар. Земский врач и гласный Шлиссельбургского уездного земства. Дворянин, губернский секретарь. Образование получил в Императорском Петербургском университете. Имел в Шлиссельбургском уезде 495 десятин земли. В марте 1917 года был назначен Временным правительством уездным комиссаром Шлиссельбургского уезда. В конце марта 1917 года А. А. Стырикович был выдвинут в председатели уездного собрания, но политические пристрастия Стыриковича (он был кадетом) помешали его избранию. В начале 1920-х годов Александр, его брат Григорий и его мать, Вера Платоновна Стырикович, жили в Боровичах. Сын двоюродной сестры О. В. Ольденборгер. — 95

Стырикович Александр Григорьевич (1841–1905) — земский врач южного участка Шлиссельбургского уезда, затем — земский врач уезда. Дворянин, надворный советник. Избирался гласным Шлиссельбургского уездного земства, мировым судьей и почетным мировым судьей, гласным Санкт-Петербургского губернского земства. По его инициативе и при полной поддержке В. П. Маркова был построен в 1871 году приемный покой и больница на 7 коек в селе Шапки. Был женат на племяннице В. П. Маркова — Вере Платоновне Вакар, двоюродной сестре О. В. Ольденборгер. В семье Стыриковичей было четверо детей: Вера, Александр, Григорий и Владимир. Семья Стыриковичей много лет прожила в усадьбе «Александровка». После революции Стыриковичи почти всей семьей перебрались в г. Демянск Новгородской области, а затем — в г. Боровичи той же области. Внук А. Г. Стыриковича, Борис Владимирович, родился 31 января 1924 года, участвовал в Великой Отечественной войне. Действительный член Российского дворянского собрания с 1989 года. Возможно, Б. В. Стырикович собрал более подробные сведения о дворянском роде Стыриковичей.

В литературе встречается иногда другое отчество — Стырикович Александр Георгиевич, в этой публикации мы придерживаемся написания отчества в соответствии с документами Шлиссельбургского уездного земства — Григорьевич. — 5, 27, 34, 93, 186, 192

Стырикович Вера Александровна — дочь А. Г. Стыриковича и В. П. Вакар, была замужем за племянником С. М. Степняка-Кравчинского — Юрием Дмитриевичем Кравчинским, отец которого, Д. М. Кравчинский, более 30 лет заведовал Лесной школой в Лисино-Корпусе. Дочь двоюродной сестры О. В. Ольденборгер. В браке с Ю. Д. Кравчинским имела двух сыновей: Дмитрия и Александра. См. Кравчинская В. А. — 93, 94, 191, 192

Стырикович Вера Платоновна, урожденная Вакар, — дочь П. А. Вакара и М. П. Марковой, двоюродная сестра О. В. Ольденборгер. Муж — Стырикович Александр Григорьевич. В семье Стыриковичей было четверо детей: Вера, Александр, Григорий и Владимир. Семья Стыриковичей много лет прожила в усадьбе «Александровка». После революции Вера Платоновна Стырикович перебралась в город Демянск Новгородской области, а затем — в город Боровичи той же области. В 1934 году в доме на Староневском проспекте, 158, угол Перекупного переулка, жил Владимир Александрович Стырикович, возможно, отец Бориса Владимировича Стыриковича. Внук В. П. Стырикович, Борис Владимирович, родился 31 января 1924 года, участвовал в Великой Отечественной войне. *Действительный член Российского дворянского собрания* с 1989 года. Возможно, Б. В. Стырикович собрал более подробные сведения о дворянском роде Стыриковичей. Умерла В. П. Стырикович в 1930-х годах. См. Вакар В. П. — 33, 34, 191

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — журналист и издатель. — 108

Суворов Сергей Петрович — старожил села Шапки. — 7

Судковский М.С. — художник, член Общества для оказания помощи семьям художников, участник «мюссаровских понедельников». — 69

Танеев Сергей Иванович (1856–1915) — композитор, пианист, музыкальный теоретик. — 70

Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) — певец, солист Мариинского (Кировского) театра. — 130

Творогов Леонид Алексеевич (1900–1978) — археограф, библиограф, краевед. — 165

Тимирязев Климентий Аркадьевич (1843–1920) — русский естествоиспытатель-дарвинист. — 104

Толстой Алексей Константинович (1817–1875) — русский писатель. Владелец имения «Пустынька», соседнего с имением господ Балашовых «Шапки» и имением господ Дубянских-Марковых «Александровка». — 21, 159

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — русский писатель. Лев Николаевич около 30 лет состоял в переписке с Александром Сергеевичем, отцом Сергея Александровича Бутурлина. — 74, 101

Тулуз-Лотрек (де) Любовь Платоновна (ск. 1906) — двоюродная сестра О. В. Ольденборгер, дочь Платона Алексеевича и Марии Петровны Вакар. Муж — граф де Тулуз-Лотрек Анатолий Александрович (1846–1884). Похоронена вместе с мужем на Смоленском православном кладбище СПб. См. также Вакар Л. П. — 28, 30, 34, 241

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель. — 45, 74

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — русский поэт, дипломат. С 1848 года старший цензор по делам печати при особой канцелярии. Под его началом служил П. А. Вакар. — 4, 74

Ульянов (Ленин). Владимир Ильич (1870–1924) — Володя Ульянова и Сергей Бутурлин вместе учились в Симбирской гимназии: Владимир — в старших классах, а Сергей — в младших. В 1928 году по просьбе редакции ленинградской «Красной газеты» С. А. Бутурлин опубликовал воспоминания о Владимире Ульянове — гимназисте. — 57

Ушак Иван Елизаров, сын Хвостов, — в годы правления Ивана III владелец волости в Горах, в состав которой входила часть сельца Шапки. — 155

Ушакова Дарья — крепостная, из дворовых господ Балашовых. — 27

Федлов — член Военного революционного комитета воздушных частей. — 116, 189

Федоров Иван Андреевич — председатель Шапкинского сельсовета, расстрелян немцами в 1941 году. — 163, 167

Федоров Юрий Васильевич — шапкинский дачник. — 6

Федосеенко Павел Федорович (1898–1934) — военный пилот-аэронавт. В Гражданскую войну командовал воздухоплавательным отрядом. Друг А. А. Ольденборгера. — 125

Ферзен — энтомолог, автор книги о насекомых. — 91

Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) — певец, солист Мариинского театра (лирико-драматический тенор). — 130

Фигнер Медея Ивановна (1859–1952) — певица, солистка Мариинского театра (драматическое сопрано). — 130

Финберг Александр Иванович (Фимберг — фамилия в документах встречается в двух вариантах) — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Финберг Иван Иванович — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Фиркович Р. — член коллегии ВРК воздушных частей — 116

Фитингоф-Шель Лидия Петровна — баронесса, знакомая семьи Марковых и Ольденборгер. Лидия Петровна, урожденная

Бачманова, была в 1910-х годах попечительницей детского сельскохозяйственного приюта «Затишье». Муж — барон Александр Александрович Фитингоф-Шель. Карьеру он начал лейтенантом 8-го флотского экипажа, перешел на государственную службу, работал в Петербургском торговом порту, ушел с государственной службы в невысоком чине коллежского асессора. Впоследствии А. А. Фитингоф-Шель стал довольно известным человеком в деловом мире столицы. Он являлся директором и членом правлений нескольких золотопромышленных компаний. Его отец, тоже Александр Александрович, был действительным статским советником. Мать, Эмилия Егоровна, владела домом на Надеждинской улице, 22 (современная улица Маяковского). После смерти отца в 1880 году Александр Александрович-младший стал управлять делами матери, в том числе домом на Надеждинской. В 1880–1897 годах А. А. Фитингоф-Шель и его мать проживали в собственном доме в 7-комнатной квартире под номером 3. В 1897 году дом был продан. В 1910-х годах Александр Александрович с женой, Лидией Петровной, жил на Фурштатской улице, 17. Бывала в Шапках, Надино и гостила у О. В. Ольденборгер на мызе «Царицына гора». — Комм. к фото.

Фофанов Ортюшка — житель деревни на Долгом озерке. — 155

Хабаров — житель деревни Староселье, владелец сельской лавки. — 166

Хартерт Эрнест — ученый-натуралист, директор Трингского зоологического музея. — 58, 121

Хейфец Иосиф Робертович, Яша Хейфец (1901–1987), — русский и американский скрипач, учился в Петербургской консерватории у Л. Ауэра. Дебютировал в шестилетнем возрасте. Эмигрировал с родителями в 1917 году. — 130

Хмельницкий Богдан Михайлович (1595–1657) — гетман Украины. В 1654 году на Переяславской Раде провозгласил воссоединение Украины с Россией. — 28

Христина Августа (Кристина) (1626–1689) — королева Швеции в 1632–1654 годах. В эти годы Шапки с окрестными деревнями входили в состав Шведского государства. — 43

Цветков Иван Андреевич — шапкинский коммунист, повешен немцами в 1941 году. — 167

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) — ученый и изобретатель. — 195

Цыганков Алексей Яковлевич — командир 177-й стрелковой дивизии, действовавшей на левом фланге 364-й дивизии. 177-я дивизия освобождала деревни Шапкинского сельсовета: Белоголово, Ерзуново, Белово. — 168

Чайковский Илья Петрович — отец композитора П. И. Чайковского. — 68

Чайковский Модест Ильич — брат и биограф композитора П. И. Чайковского. — 68

Чайковский Николай Ильич - брат композитора П. И. Чайковского. — 68

Чайковский Петр Ильич (1840-1893) — русский композитор. — 4, 67, 68, 70, 73, 193

Чекато Бартоло — организатор аукционов на «Мюссаровских понедельниках». — 75

Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) — председатель Учредительного собрания в 1918 году. Эсер. — 23

Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) — русский революционер-демократ, писатель, литературный критик. — 18, 93

Чеснок В. Ф. — один из авторов книги «История Центрального рынка города Ростов-на-Дону». — 53

Чехов Антон Павлович (1860-1904) — русский писатель. — 70, 101

Шаляпин Федор Иванович (1873-1938) — русский певец (бас). Народный артист республики (1918). — 4, 118

Шарогородская (Шаргородская) Мария Константиновна (1714-1769) — жена протоиерея Федора Яковлевича Дубянского. См. Дубянская М. К. — 12, 182

Шаффе Эмилия Карловна — владелица немецкого пансиона для девочек. — 34

Шиллер Иоганн Фридрих (1759-1805) — немецкий поэт и драматург. — 58, 126

Шишкин — профессор Московской консерватории. — 53

Шмидт — орнитолог. — 58

Шокальский Юлий Михайлович (1856-1940) — русский советский картограф и океанограф. Почетный член Академии наук СССР (1939). — 88

Шопен Фредерик (1810-1849) — польский композитор и пианист. — 128

Штенберг — врач, профессор. — 124

Штиглиц А. Л. — барон, меценат, чьим именем было названо Центральное училище технического рисования в Петербурге. — 46

Шуберт Франц (1797-1828) — австрийский композитор. — 39

Шульга Иван Александрович — агроном Саратовского губернского земства, спутник С. А. Бутурлина в северных экспедициях и препаратор. — 60, 62

Эндауров Меркурий Николаевич (1816-1906) — отец Е. М. Бем. Из старинного дворянского рода. В 1833-1840 годах служил в лейб-гвардии Московском полку, в 1840-1850-х годах находился на службе в Петербурге — помощник бухгалтера Комиссариатского

департамента Военного министерства. В 1850 году по семейным обстоятельствам вышел в отставку в невысоком чине коллежского асессора и переехал с семьей в имение в Ярославской губернии — сельцо Щепцово Пошехонского уезда. — 44

Эндауров Николай Меркурьевич — брат Е. М. Бем. — 44

Эндаурова Любовь Меркурьевна (1853-1938?) — художница, сестра Е. М. Бем. Одна из работ художницы долгие годы хранилась у О. В. Ольденборгер. — 4, 44, 46, 194

Эрк Аделаида Львовна — жена Н. Н. Эрк. Участвовала в благотворительной деятельности в Шапках, жертвуя деньги на организацию рождественских елок в Шапкинской земской школе. Дочь — Мария, в замужестве Лайминг (фон Лайминг). — 186

Эрк Николай Николаевич — инженер путей сообщений, титулярный советник, начальник 4-го участка Николаевской железной дороги, владелец дачи в Шапках на холме между Нижним прудом и Мельничным ручьем. В Шапках дом семьи Эрк называли дачей генерала Эрка. Жена — Аделаида Львовна. Дочь — Мария, в замужестве (фон) Лайминг. В Петербурге семья Эрк проживала на Гончарной улице, 5, рядом с Николаевским вокзалом. Отец Николая Николаевича — Николай Павлович Эрк. По легенде, Н. Н. Эрк так любил Шапки, что завещал похоронить себя в парке имения. Старожилы рассказывали, что вдова выполнила волю Николая Николаевича, и показывали место в парке, где он был похоронен. Захоронение утрачено. Знакомый Ф. И. Петрококино, сосед по Шапкинской волости Марковых и Ольденборгер. — 186

Эрк Николай Павлович — потомственный дворянин, казначей и секретарь Совета детских приютов Святой Ольги, председателем которого был владелец имения «Шапки» Ф. И. Петрококино. В Петербурге жил на Большой Мастерской улице, 11. — 186

Юденич Николай Николаевич (1862-1933) — русский генерал. В 1919 году командовал белогвардейской Северо-Западной армией. После провала похода на Петроград осенью 1919 года — в эмиграции. — 119, 124

Юрьев Юрий Михайлович (1872-1948) — актер Александринского театра, народный артист СССР (1939). — 102

Юсуповы — соседи Марковых по Шлиссельбургскому уезду, владельцы имения Лезье (Успенское, Благовещенское). В 1837 году имение приобрела Татьяна Васильевна Юсупова, урожденная Энгельгардт. Затем имением владели ее сын, Борис Николаевич, и внук, Николай Борисович Юсупов. Последней владелицей имения была правнучка Татьяны Васильевны — Зинаида Николаевна, в замужестве графиня Сумарокова-Эльстон. — 20, 21, 128

Яковлев Николай Васильевич — организатор колхоза «Крепкий путь» в Шапках, погиб в годы ВОВ. — 165

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
Будем хранить и помнить

Из воспоминаний О. В. Ольденборгер «Странички прошлого»[1]

ГЛАВА 1 11
История дворянского рода Дубянских
Имение «Александровка» и Санкт-Петербург
Детство
1870–1878 годы

ГЛАВА 2 33
Санкт-Петербург, имение «Александровка»
и «Царицына гора»
Детство и юность
1878–1891

ГЛАВА 3 49
Поездка на юг
Ростов-на-Дону
Первые годы семейной жизни
1891–1902

ГЛАВА 4 66
Возвращение в столицу
Санкт-Петербург и имение «Александровка»
Детские и юношеские годы сыновей
Русско-японская война
Первая русская революция
1903–1914

[1] Наименование воспоминаний и деление на «странички» даны в редакции автора; разделение на главы, их наименование и хронологическая последовательность «страничек» — от составителей. В названии глав упомянуты населенные пункты или районы, в которых в это время приходилось бывать О. В. Ольденборгер.

ГЛАВА 5 100
Санкт-Петербург–Петроград, Рига, Псков, имение «Александровка» и «Царицына гора»
Первая мировая война
Февральская революция
Октябрьская революция
1914–1917

ГЛАВА 6 117
Петроград–Ленинград, Москва, Шлиссельбургский уезд — Тосненский район
От Октябрьской революции до Великой Отечественной войны
1918–1941

ГЛАВА 7 133
Ленинград, Тосненский район
Великая Отечественная война и послевоенный период
1941–1954

ПРИЛОЖЕНИЯ 153
Приложение № 1. Историческая справка «Шапки, Надино и окрестности»
Приложение № 2. Фрагмент карты-трехверстки 1863 года «Окрестности села Покровское (Шапки)»
Приложение № 3. Шапки. Административная принадлежность
Приложение № 4. Владельцы имения «Александровка»
Приложение № 5. Владельцы имения «Шапки»
Приложение № 6. Поколенная роспись Дубянских-Марковых, владельцев имений «Шапки» и «Александровка»

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ К ФОТОГРАФИЯМ 184

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 196

Составители благодарят за предоставленные материалы и оказанную помощь:

Ольденборгер Ирину Владимировну

Евгенову Ирину Николаевну
Зубкову Нину Альвиновну
Муретову Светлану Евгеньевну
Пиликину Марию Александровну
Полынского Андрея Николаевича

Зиновьеву Галину Ивановну
Ковалевскую Наталью Петровну
Малюшкину Ольгу Николаевну
Тихомирову Раису Васильевну
Тишкину Татьяну Николаевну

Ющенко Наталью Александровну
Куминову Любовь Арсентьевну
Шаульскую Любовь Ольгердовну

Богданову Надежду Николаевну
Вайнонен Лидию Николаевну
Гаврилову Ольгу Ильиничну
Доронину Галину Михайловну
Кудрявцеву Веру Федоровну
Кузьмина Виктора Ивановича
Нуйя Павлину Максимовну
Полякову Любовь Александровну
Суворова Сергея Петровича
Федорова Юрия Васильевича
Яковлева Владимира Григорьевича

Atelier Makart
Rostow a/D
Фотографія
Е.Д. Бэндаренк
въ Нахичевани
Ателье для увелич
С. Петербургъ
Уголъ Невскаго

А. Семенко
С. Петербургъ.
Ростов
Е. Д. Бонсаренко
Нахичевань/Д